

НОВОЕ ВРЕМЯ

Почему
люди
звереют

24

июнь 1993

Эпоха
временных
трудностей

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

Акционерная Страховая Компания "ЛЕФКО"
объявляет о начале подписки на

АКЦИИ

по номинальной стоимости 1000 рублей.

Акционерное общество

ЛЕФКО АКЦИОНЕРНО-СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ

73-1-0179

ОТКРЫТОГО ТИПА

В - 03

Уставный фонд 225.000.000 рублей
исчислен на 225.000 акций номинальной стоимостью 1.000 рублей каждая

СЕРТИФИКАТ №

На _____ простую(ых) именную(ых) акцию(ий)

Давшую(их) право _____ голоса(ов) на собраниях акционеров

Общей стоимостью _____

Выданных на имя _____

Присоединенная(им) на общие условия

Президент Страховой компании _____ В.А. Маслов _____

Главный бухгалтер _____ Н.В. Егорова _____

М.П.

Приобрести акции могут все заинтересованные в своих доходах организации и частные лица.

Акционерам предоставляются на льготных условиях и по самым низким тарифам следующие виды услуг:

- страхование имущества,
- страхование грузов,
- страхование от несчастных случаев,
- сберегательное страхование,
- страхование финансовых рисков,
- перестрахование.

Своим акционерам АСК "ЛЕФКО"

предоставляет скидки:

владельцам до 20 акций - 0,5% от страхового платежа на каждую акцию,
от 21 до 50 акций - 20%,
от 51 до 100 акций - 30%,
от 101 до 1000 акций - 40%,
свыше 1000 акций - 50%.

Продажа акций осуществляется по адресам:

- г. Москва, Коломенский проезд, 1-а, 7-й этаж,
тел. (095) 112-70-03;
- г. Санкт-Петербург, Московский пр., 172, к. 3,
тел. (812) 277-00-77;
- г. Волгодонск, Ростовская обл.,
ул. Энтузиастов, 3,
тел. (86392) 2-67-18;
- г. Томск, пр. Фрунзе, 109-а, к. 46,
тел. (3822) 21-46-52.

Спешите надежно и выгодно разместить ваш капитал.

Читайте в этом номере:

В РОССИИ И РЯДОМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>К.Любарский</i> КОНЕЦ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	4
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО <i>Д.Тренин</i> БЛАЖЕННЫ МИРОТВОРЦЫ...	8
МОЛДОВА <i>Г.Ковальская</i> ПУСТЬ ЗЕМЛЯ ОСТАНЕТСЯ БЛАГОСЛОВЕННОЙ	13
ЭССЕ <i>И.Герол</i> СЛИШКОМ ДОРОГИЕ МИФЫ	16
ЭСТОНΙΑ <i>Т.Веллисте</i> «МЫ НЕ МОЖЕМ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ «СПОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»	18
НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ	
<i>А.Степанян</i> «УШЕЛ ИЗ ФИЗИКИ, ЧТОБЫ СОЗДАТЬ НЕФТЯНУЮ ИМПЕРИЮ»	20
МЫСЛИ ВСЛУХ <i>С.Чупринин</i> НЕЛЬЗЯ БЫТЬ НЕМНОЖКО СВОБОДНЫМ	22

МИР

ЮГОСЛАВИЯ <i>Г.Сысоев</i> БУДДЫ НА БАЛКАНАХ НЕ ПРИЖИВАЮТСЯ	26
ПОЛЬША <i>Р.Борецкий</i> ПРЕЗИДЕНТ ПРИМЕТ ЛЮБУЮ ВОЛЮ НАРОДА	27
ГЕРМАНИЯ <i>Д.Погоржельский</i> «РЕПСЫ» АТАКУЮТ СПРАВА	30
СУДАН <i>Я.Боровой</i> ДЕТСТВО ПО ИМЕНИ ГОЛОД	34
БЛИЖНИЙ ВОСТОК <i>Е.Супонина</i> ШЕЙХ-ВОЛЬНОДУМЕЦ	38
РУМУНИИ <i>В.Писмаров</i> КОРОЛЬ ЖДЕТ И НАДЕЕТСЯ	40

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>А.Грачев</i> КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ ГОРБАЧЕВА	44
НРАВЫ <i>С.Мордынский</i> ВЕГЕТАРИАНЦЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!	50
СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ <i>Г.Померанц</i> СТУКАЧАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ	54
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>В.Вишняк</i> НЕСБЫВШАЯСЯ СВОБОДА	56
СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ <i>В.Басков</i> ЛЕГКОЕ ЗЕЛЬЕ	62
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>А.Винокуров</i> С КЛАССИКОМ НА «ТЫ»	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Обложка Виктора Бреля

Номер сдан в печать 8 июня 1993 года

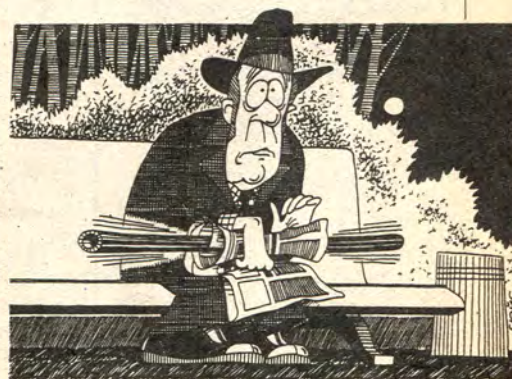
Власть советов боится новой конституции, в которой власти советов места нет

Стр.4

Президент Горбачев стоял до конца. Но Советский Союз так и не отстоял

Стр.44

Судьба сексота. Стучали не по подлости, а со страху, и даже не за себя — за близких

Стр.54

Главный редактор

**Александр
ПУМПИАНСКИЙ**

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Кронид ЛЮБАРСКИЙ,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧАН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Мехико, Праге,
Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67**

Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92
Телетайп 113937 Честь.

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

**Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 60000.
Заказ №1544.**

© «Новое время»

П О Ч Т А

■ Может, вас удивит мое письмо, но статья Александра Янова об Александре Проханове (№ 19/93) мне показалась несколько банальной. Не буду останавливаться на том аргументе Янова, что у Проханова, мол, большая семья, поэтому он-де и занялся политикой. Если следовать такой логике, то у Янова семья еще больше, иначе бы он тоже не занялся политикой, но уже по ту сторону океана.

В конце прошлого года я опубликовал в «Московских новостях» открытое письмо Александру Проханову, после чего был уволен из центра Сергея Кургина, в котором раньше работал, назван предателем и политическим провокатором. К разрыву с «Днем» я шел долгое время и в конце концов понял, что я обязан порвать с этой газетой. С каждым днем я видел, как из уважаемого неоконсервативного издания она превращается в площадную листовку.

В 1990 году, увидев Александра Проханова по телевизору, я сразу же влюбился в

его замечательную поэтику. В 1989 году я прочитал его статью об Афганистане в «Литературной газете» — это была искренняя, пронзительная исповедь человека, преданного своей идее. Меньше всего Проханов похож на имперского конформиста, на тривиального представителя правящего истеблишмента, каким его пытается представить Янов. Можно не разделять его взгляды, но не стоит упрощать личность этого деятеля.

Проханов — гениальный русский мистик, медиум нарождающегося русского фашизма. У многих вызывает недоумение его стиль, но для меня он — несомненный эстетический авторитет в публицистике. Скажу больше: его опыты с языком на порядок выше стоят опытов Солженицына. Он синтезировал в одном жанре поэтику, мистику, философию, журналистику. Если Жириновского вы сравниваете с Гитлером, то Проханов следует уподобить Ницше. (Впрочем, какой Гитлер, такой и Ницше.)

Без Проханова был бы невозможен Фронт национального спасения, идея «объединенной оппозиции». Это ему принадлежит инициатива мистического примирения «красных и белых». И, поверьте мне на слово, организации, которые возглавляются талантливыми людьми, просто так не исчезают с арены истории. Они будут землю грызть, они схватятся за атомную бомбу, они превратят в апокалипсис весь мир, но от своего не отступят. Александр Янов называет Проханова «человеком прошлого», но давайте подождем XXI века. Нет такого прошлого, которое нельзя было бы превратить в будущее.

Андрей Новиков
г.Рыбинск

■ С недавних пор стало нарицательным словосочетание «одиннадцать чемоданов», запущенное в политический обиход вице-президентом России Александром Владимировичем Руцким. Его доклад на совместном заседании палат Верховного Совета настолько впечатлил перво-

Салман Рушди под охраной короны

■ На публикацию в «НВ» отрывков из книги Салмана Рушди (№ 19/93), за которую автор был заочно приговорен к смерти, мы получили неожиданный отклик из Лондона.

Роман Салмана Рушди «Сатанинские стихи» был впервые опубликован в Соединенном Королевстве в сентябре 1988 года.

Последователи ислама сочли некоторые части романа глубоко оскорбительными, особенно его непристойный и грубый язык, и также ряд «сцен сновидений», в которых пророк Магомет, как кажется, изображается как самозванец, его жены — как проститутки, Коран — как творение дьявола.

Вскоре после публикации «Сатанинские стихи» были запрещены в Индии, Пакистане, Саудовской Аравии и ряде других стран. Митинги и демонстрации протеста против книги в Британии начались в конце 1988 года. В начале 1989 года в результате бунтов в некоторых районах Индии, Пакистана и Бангладеш погибло не менее 20 человек, несколько сотен человек получили ранения.

14 февраля 1989 года аятолла Хомейни выпустил указ, приговаривающий Салмана Рушди (и всех, кто связан с публикацией книги) к смерти. Указ призывал ревностных мусульман без промедления убивать их, где бы они ни оказались, и объявлял любого погибшего при исполнении этого приказа мучеником. «Фонд 15-го Хордада», религиозная организация в Тегеране, которая, как она утверждает, занимается

благотворительностью, назначила награду в один миллион американских долларов (впоследствии увеличенную до необозначенной суммы, превышающей два миллиона долларов) любому, кто возьмет на себя ответственность за смерть Салмана Рушди.

Указ аятоллы Хомейни известен как «фетва», то есть постановление религиозной власти, или как «хокм», что более сродни судебному приговору. В религиозном государстве, таком, как Исламская Республика Иран, религия и политика фактически неразделимы. Высokoпоставленные духовные лица и правительственные деятели неоднократно подтверждали указ. В четвертую годовщину со дня появления фетвы аятолла Хомейни председатель Верховного суда и спикер иранского мджлиса (парламента) подтвердили, что приговор Рушди остается в силе.

Несколько книжных магазинов в Британии, торговавших книгой Рушди, были подожжены; японский переводчик «Сатанинских стихов» был убит 11 июля 1991 года, восемь дней спустя после нападения на итальянского переводчика книги. Иран проигнорировал заявления Салмана Рушди и его издателей, в которых выражалось глубокое сожаление по поводу оскорбления, нанесенного мусульманам. Аятолла Хомейни сказал: даже если Салман Рушди станет самым набожным на земле мусульманином, указ все равно не может быть отменен.

Приключения двенадцатого чемодана

«Не трожьте Проханова — он гениальный мистик»

Кого наградим «Орденом Орла»? И кто наградит?

слушателей, что тут же порешили не удовлетворяться телепередачей одного доклада (повторенного, кстати, в записи уже неоднократно, да и в газетах изложенного с комментариями на любой вкус), а и разослать полный текст по городам и весям. Народ должен знать вице-правду!

И вот уже месяц почтовый мешок размером с чемодан, набитый копиями доклада главного борца с преступностью, обретается и в нашем подмосковном горсовете. Никому-то он оказался не интересен — разве что местные ура-патриоты взяли «по потребности». Что делать с «бестселлером»? На призыв к депутатам брать тексты и «нести в массы» отклика по-

чему-то не последовало, не проявили энтузиазма и прочие граждане. Отправить обратно? Накладно, да почта и без того перегружена... Кстати, прикидывали ли в Верховном Совете радетели народных миллионов расходы на всю эту операцию «по борьбе с расхитителями»? Бумага, верстка, печать, упаковка, пересылка...

Утилизация полученной типографской продукции в уединенных местах общего пользования — вот, видимо, и вся перспектива этой всероссийской парламентской инициативы.

Гениадий Дернов
г. Протвино

Московской области

■ Очень люблю ваш журнал, разделяю его политическую линию, читаю его с пеленок (тогда он стоил 13 копеек), с годами он стал мне дороже (раз в двести), из последних сил и средств стараюсь его покупать, а купив, не разочаровываюсь. Но я не об этом...

Среди рекламной сумятицы, которой вы, как, впрочем, и другие издания, стали заполнять часть своих страниц, мое внимание привлекло обращение Оргкомитета «Ордена Орла». По этому поводу я и хочу задать несколько вопросов и высказать некоторые предположения.

Я ТАК ВИЖУ

Рисунок Марата Таурова

Начнем с заголовка. «Орден Орла» — награда России!» — так гласит шапка рекламы. Но... Россия очень велика. Кто же будет присуждать орден от ее имени? Президент? Спикер? Верховный Совет? Референдум? Наследник престола? Дворянское собрание? Председатель либерально-демократической партии? Особый Капитул Ордена, таинственный, как масонская ложа, и не известно кем назначенный.

Каковы традиции Ордена? До революции в России существовал орден Белого Орла, доставшийся империи вместе с Привислинским краем, вернее, изрядным куском Польши. Был еще прусский орден Черного Орла. Иногда им награждали и российских дипломатов. Имеет ли «Орден Орла» какое-либо к ним отношение — об этом в рекламе ни слова.

Название «Орден Орла» красивое, но тривиальное. Орлы и львы — самые распространенные животные в геральдике. В оригинальности мы сильно уступаем британцам с их орденами Подвязки, Бани или Чертополоха. В пятигорском музее я как-то обнаружил лаосский орден Миллиона Слонов и Белого Зонтика.

«Орден Орла» опоясывает надпись на латыни — девиз ордена. Я сам старый латинист. И все же в традициях России было украшать ордена девизами на русском языке: «За веру и верность», «За любовь и Отечество». Но если уж по-латыни и если «факт платежа свидетельствует о серьезности намерений», то не лучше ли девиз: «Do ut des»?

Не взяли ли учредители ордена на вооружение принцип Британской короны, использованный при учреждении титула баронета: «дабы удовлетворение тщеславия богатых сограждан служило пополнению казны»? Чей казны в нашем случае?

Григорий Нискер
Москва

Подборку подготовила Т.Чернова

Тогда британская полиция взяла на себя охрану Рушди.

Долг британского правительства — защитить своих граждан перед лицом преследования. В беседах с официальными лицами Ирана британское правительство подчеркивало:

иранская фетва и предложение огромного денежного вознаграждения за убийство Салмана Рушди представляют собой подстрекательство к убийству;

подстрекательство к убийству — грубое нарушение наиболее основополагающих принципов и обязательств, лежащих в основе отношений между суверенными государствами;

«Сатанинские стихи» — художественное произведение, и издание этого романа не нарушило британские законы. При этом британское правительство не одобряет содержания романа и понимает, что оно оскорбило многих мусульман;

Британия — многорасовая страна, и британское правительство испытывает глубочайшее уважение к религиозным принципам и свободе мысли и слова всех граждан Соединенного Королевства при условии, что эти принципы осуществляются в рамках закона;

ислам является одной из величайших религий в мире. Однако Иран не поддерживает великой традиции ислама, не желая осудить это подстрекательство к убийству.

Более четырех лет прошло с того времени, как аятолла Хомейни издал свой указ. Нежелание иранских властей осудить это подстрекательство к убийству заставило британское пра-

вительство публично продемонстрировать свою поддержку прав Рушди на встрече между заместителем министра иностранных дел Хоггом и Рушди 4 февраля 1993 года.

Свобода слова является основополагающим правом человека (статья 19 Международного пакта по гражданским и политическим правам), и многие страны сурово осудили угрозы Ирана в адрес Салмана Рушди, продемонстрировав, что не одно только британское правительство считает указ аятоллы Хомейни и согласие с ним высокопоставленных деятелей Ирана недопустимыми. Не менее десяти стран пригласили Рушди к себе с тех пор, как началось его вынужденное затворничество, и правительство Ирана совершит ошибку, если сочтет, что международная позиция по этому вопросу изменится в будущем.

Мусульманские страны, которые преданы принципам ислама, но которые, однако, менее, чем Иран, готовы пренебрегать принципами международного законодательства, не поддержали смертного приговора, вынесенного Салману Рушди, хотя в качестве членов Организации Исламская Конференция они осудили книгу и объявили ее автора вероотступником.

Британское правительство не собирается сдерживать критику в адрес Салмана Рушди или одобрять его книгу. Однако существует колоссальная разница между осуждением работы писателя и осуждением самого человека на смерть без суда и следствия.

Министерство иностранных дел Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии
ЛОНДОН

Конец советской власти

**Иногда нужно
быть
настоящим
демократом,
чтобы
решиться на
антидемократические
действия**

Кронид Любарский

Конституционное совещание, о необходимости которого так долго говорил президент, открылось наконец 5 июня в Кремле, в Мраморном зале, том самом, где в течение многих десятилетий проходили пленумы ЦК — все как один «исторические», в том смысле, что сейчас они интересны лишь историкам, узким специалистам по канувшей в небытие эпохе.

Президент против советов

Конституционное совещание имеет все шансы стать историческим в прямом смысле этого слова как важная веха на пути возвращения России на общеевропейский путь развития общества. Значимость момента сознает и президент. В своем вступительном докладе Ельцин, кажется, впервые открыто обозначил преемственность нынешних событий с событиями 1917 года. Принятие первой демократической конституции России он рассматривает как прямое продолжение процесса, начатого Временным правительством, провозгласившим российскую демократическую республику, — процесса, прерванного на долгие десятилетия октябрьским государственным переворотом.

Выбор именно этой политической точки отсчета мне представляется очень важным и нужным именно сейчас, на фоне разговоров о «России, которую мы потеряли», и ностальгии по Столыпину. Надеюсь, что этот важнейший тезис президентской речи не пройдет незамеченным для всех действующих российских политиков.

Но доклад Ельцина содержал и другое положе-

Судью Слободкина в Мраморном зале просто носили на руках...

ние принципиальной важности, которое, видимо, должно стать идейной основой всех последующих политических преобразований в нашей стране. Это положение об изначальной нелегитимности власти советов, захвативших бразды правления путем разгона первого в истории страны демократически избранного Учредительного собрания. Замечательно, что президент наконец решился заявить об этом без обиняков и со всей присущей ему резкостью. Это делает вводный доклад Ельцина на Конституционном совещании важнейшим из всех сделанных им до сих пор политических заявлений.

Но если советы никогда не были и сейчас не являются законной властью, то такая констатация представляет совсем в ином свете разговоры о «конституционном пространстве», «верховенстве закона» и тому подобном. Совершенно очевидно, что «конституционность» стала сегодня лишь орудием в руках нелегитимного но-

Хасбулатов уходит. Кажется, его «захлопали» первый раз в жизни

вого правящего класса, при помощи которого он пытается удержать свою незаконную власть. Выход за пределы навязываемого нам узурпаторского «конституционного пространства» становится тем самым и неизбежным, и необходимым.

Советский тип власти не поддается реформированию — это третий важный тезис президентской речи, определившей философию нового конституционализма. А раз так, то единственным решением должен быть полный отказ от советской системы как целого и построение новой российской государственности.

«Есть и другие возможности»

Эти три принципиальных тезиса определяют и стратегию принятия конституции. Конституционное совещание, согласно Ельцину, должно окончательно согласовать ее текст, который затем должен быть парафирован субъектами федерации. После этого съезда — фактически последнему «съезду советов» — будет предоставлена последняя возможность реабилитировать себя перед историей: он должен одобрить предложенную ему конституцию «в целом», то есть без каких-либо поправок и, в сущности, без обсуждения. На этом советская власть свое существование прекращает.

Если же съезд не воспользуется этим последним своим шансом и отвергнет конституцию, тогда, как недвусмысленно заявил президент, будут использованы «другие возможности». По сути дела, это ультиматум съезду. Уверен, что найдутся те, кто квалифицирует это намерение Ельцина как попытку государ-

постепенно легитимировало их, если монархия доказывала свою полезность как общественный и национальный объединяющий фактор. Это как раз то, чего советской власти сделать не удалось. Три четверти века, которые она урвала у

истории, она истратила бездарно, окончательно расколов и разорив общество и растранив даже тот кредит доверия, который она первоначально получила.

Изгнание Хасбулатова

Думаю, что именно в этом свете следует рассматривать и трагикомический эпизод первого дня совещания — неудачную попытку Хасбулатова взять после президентского доклада на абордаж трибуну совещания и произнести свой «содоклад». «Спикеру» важно было не высказать свое мнение о конституции, а утвердить себя — именно здесь и именно сейчас — как главу советской власти, если не превосходящей, то по крайней мере равновеликой президентской. Отсюда и его отчаянный крик сквозь возмущенные хлопки зала: «Если вы не хотите слушать, что вам говорит председатель парламента, то вы не можете не только принимать, но и обсуждать конституцию!»

Вероятно, Ельцину было по-человечески нелегко выдержать характер и добиться ухода «спикера» с трибуны. Еще несколько недель назад он уступил бы, опасаясь урагана обвинений в «недемократизме», «диктаторстве» и тому подобном, как он это делал многократно на протяжении последних двух лет. Я думаю, над президентом все это время тяготел комплекс его собственного прошлого. Выходец из умершей партии, плоть от плоти ее, он не понаслышке знал, что такое недемократизм и диктаторство. В новой роли «президента всех россиян» он поставил перед собой задачу уйти из своего прошлого, по капле выдавить из себя секретаря обкома. Драматические эти попытки были на глазах у всех, и странно было слышать о страхах некоторых политологов относительно «грядущей

Олегу Румянцеву больно расстаться с облюбленным образом отца российской конституции

диктатуры Ельцина». На мой взгляд, президент психологически отталкивался не только что от диктатуры, но и от любых шагов, выходящих за рамки демократической процедуры (те очевидные отходы от нее, которые проступают в некоторых президентских указах, — очевидное проявление непрофессионализма, что президент с готовностью признает).

Ельцин еще не знал того, что было известно, скажем, де Голлю или Черчиллю: в жизни демократического руководителя бывают ситуации, когда тот не только может, но и должен принять и провести в жизнь недемократическое решение. Почти всегда это происходит в критические для страны моменты, и пределы, в которых руководитель может себе позволить такое отступление, ясно определяются его внутренним демократическим мироощущением. Если сформулировать коротко и парадоксально: нужно быть подлинным демократом, чтобы в нужное время решиться на недемократический шаг.

Похоже, что сейчас Ельцин «дозрел» до такого состояния и его с этим можно поздравить. По большому счету это нашло свое отраже-

ственного переворота. Что ж, если описывать ситуацию в катастрофических терминах, то это будет скорее контрпереворот, отсроченная, но неизбежная реакция на переворот октябрьский, восстановление, насколько это возможно, status quo.

И дело тут не только в нелегитимности «Великого Октября». Например, многие знаменитые династии пришли в свое время к власти путем, далеким от легитимного, но время

Рисунок Юрия Румянцева

ние в проводимой им стратегии принятия конституции вне пределов «парламентских» процедур. В миниатюре это выразилось и в эпизоде с Хасбулатовым. Скорее всего, Ельцин увидел в «председателе парламента» не только главу «советов», нелегитимность которых была только что им провозглашена, но и самозванца, фактически узурпировавшего власть внутри этих самых «советов». Единственным демократическим решением, возможным в создавшейся ситуации, и было недемократическое изгнание «спикера».

Я думаю, это политический конец Хасбулатова. По законам стаи, которой и зарекомендовал себя съезд, вожак, потерявший лицо, более вожаком быть не может. Кажется, история предназначила ему мало почетное место последнего советского лидера, которого пожрала собственная система.

Подводные камни

Итак, начало Конституционного совещания стало событием значительным. Сейчас трудно сказать, каким будет его завершение. Не ясно, удастся ли нынешнему его составу выработать непротиворечивую конституцию. Подводных камней надо преодолеть много.

Главным среди них является, конечно, не пресловутый вопрос о

якобы безграничных полномочиях президента. Формула, регулирующая отношения президента и исполнительной и законодательной властей, нуждается, разумеется, в тщательной доработке, но в целом «президентский» проект, конечно, не включает в себе, как это нередко пишут, никакой потенциальной угрозы установления диктатуры. Недавно Василий Селюнин выражал по этому поводу тревогу, представив себе в качестве мысленного эксперимента, что на место Ельцина пришел Жириновский, и вообразив, как тот своими конституционными полномочиями может распорядиться. Что ж, на это можно возразить лишь то, что, если Россия выберет себе в президенты Жириновского, ее не спасет и конституция, выработанная новейшим Медисоном.

Потенциальная бомба, которая может взорвать и совещание, и готовящуюся конституцию, — это вопрос о федерации, о перераспределении власти между федеральной властью и «субъектами», относительно политическом весе русских и «менее русских» субъектов. За всеми этими вопросами, за малым исключением (Северный Кавказ), скрывается не столько национальный вопрос, сколько экономика, и решить их будет нелегко.

Конституция страны, которой еще нет

Впрочем, я не вижу особой беды, если совещанию не удастся выработать полный, всех удовлетворяющий текст конституции. Даже если это и удастся, это будет лишь видимость успеха. Мне уже пришлось писать, что стабильная конституция возможна лишь в стабильном обществе. Наша же страна, переживающая смену общественного строя, от такой стабильности весьма далека.

Вспомним время, удаленное от нас всего на несколько лет. Еще совсем недавно большинству казалось, что корень всех зол состоит в пресловутой «шестой статье», отмена которой немедленно даст обществу все гарантии демократического развития. Еще совсем недавно демократам, нацеленным на борьбу с КПСС, лозунг «Вся власть — Сове-

там!» казался чрезвычайно демократическим, а Сахаров призывал союзный съезд взять всю полноту власти в свои руки.

Не стоит думать, что мы сегодня стали много мудрее и видим дальше, чем видели в конце 80-х. Нашему обществу предстоит еще радикально измениться, причем уже в самые ближайшие годы. Прежде всего изменится экономическая структура общества, мы станем страной значительно более «капитализованной», чем ныне, возникнут новые социальные группы, которые громко потребуют своего места под солнцем. Соответственно изменится и политическая структура общества, сформируются и пустят корни политические партии, которые в настоящее время в большинстве своем имеют лишь один признак партии — свое название. Претерпит важные изменения и федеральная структура, которая сейчас только что начинает фактически формироваться, и нам трудно вообразить себе, во что выльется этот процесс.

Маловероятно, что конституция, которая нам сегодня покажется идеальной, через 3–5 лет сможет адекватно отражать и регулировать жизнь этого общества.

Что нам действительно нужно, так это короткий и ясный конституционный закон, регулирующий соотношения ветвей власти — рабочий инструмент на предстоящий переходный период. Главное — он должен практически работать.

Пресловутый спор о том, что более «подходит» России — «президентская» или «парламентская» республика, — мне представляется сегодня неуместным. Его решит сама история независимо от наших нынешних теоретических изысканий. Мне кажется, сегодня правильным ответом в этом споре должен был бы быть такой: России нужна такая политическая система, которая позволила бы наиболее эффективно, быстро и с наименьшими потерями, прежде всего человеческими, провести страну через переходный период от тоталитаризма к демократии.

Сейчас история сложилась так, что ответ надо дать безусловно в пользу президентской республики. Трудно сказать, случайно ли это, связанная с именами Ельцина, его соратников и противников, или отражение скрытых закономерностей российской истории. Во всяком случае, случись иначе и имея мы сегодня президента-реакционера и прогрессивный парламент, не было бы сомнений, что нам следует отстаивать парламентскую республику. В конце концов не человек для субботы, а суббота для человека. Но происходит то, что происходит, и наш «парламентаризм» позорно отождествил себя с советами.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

Новое Время

проводит
подписку
на свои
издания

"Новое Время"
- политический
еженедельник.

**ЭЛИТАРНЫЙ
ЖУРНАЛ ДЛЯ
ВСЕХ**

Подписной индекс
издания на русском
языке 70621,
на английском языке
70622.

Цена подписки
на полгода
на русском языке
1170 руб.,
на английском языке
3120 руб.

**"Домашний
Адвокат"**

- газета бесплатных
юридических
консультаций.

**ВАШ
СПАСАТЕЛЬНЫЙ
КРУГ В ОКЕАНЕ
БЕСПРАВИЯ**

Индекс в подписном
каталоге 32001
(стр. 36).

Цена подписки на
полгода 182 руб.

"Amour"

- журнал
международных
знакомств.

**КУРЬЕР
ОДИНОКИХ
СЕРДЕЦ**

Индекс в
подписном
каталоге 73009
(стр. 49)

Цена подписки
на полгода
390 руб.

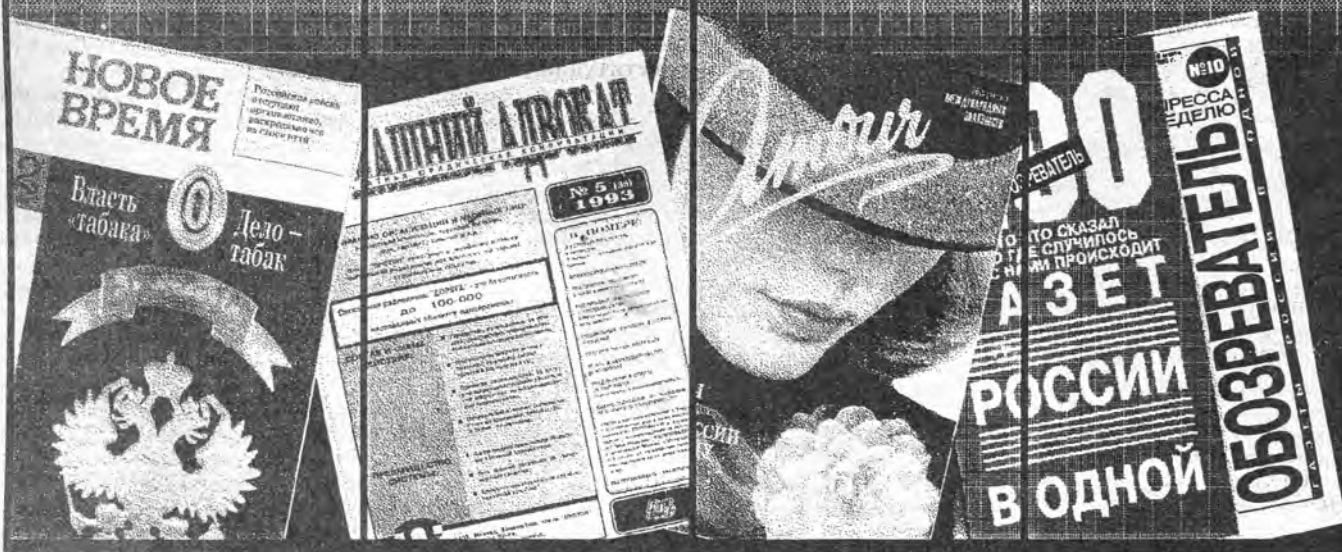
**"Московский
Обозреватель"**

- еженедельный
обзор российской
прессы.

**ВСЕ ГАЗЕТЫ
РОССИИ -
В ОДНОЙ**

Индекс в
подписном
каталоге 32114
(стр. 40).

Цена подписки
на полгода
780 руб.

Блаженны миротворцы...

Дмитрий Тренин

Надежды на новый мировой порядок сменились реальностью мирового беспорядка. Угроза ядерной и крупномасштабной обычной войны сведена к минимуму, но опасность конфликтов малой и средней интенсивности резко возросла. От Дубровника до Душанбе протянулся гигантский пояс нестабильности и вооруженных конфликтов, жертвами которых за последние два года стали сотни тысяч людей. Очевидно, речь идет не о преходящей ситуации, а о длительном периоде.

В мрачных предсказаниях нет недостатка. Существует вероятность эскалации конфликтов как по горизонтали (втягивание в них новых стран и регионов), так и по вертикали (расширение масштабов насилия). Словом, Старый Свет оказывается над пропастью, на дне которой его кровавое прошлое. Некоторые называют все это платой за «победу над коммунизмом».

Ощущение опасности может привести к отчаянию, даже панике. Но может и помочь мобилизоваться, сосредоточить мысли и усилия. В сущности, возможности для предотвращения конфликтов, управления кризисами и разрешения споров никогда еще не были столь велики, как сегодня. Впервые за многие десятилетия наиболее крупные державы больше сотрудничают, чем соперничают друг с другом в сфере обеспечения безопасности. В результате этого международные организации — от ООН до СБСЕ — начинают превращаться из форумов конфронтации в

**Мы живем в
век
миротворче-
ских
операций.
Пора
пересмотреть
понятие
«вмешатель-
ство во
внутренние
дела»**

«мастерские мира». Глубокую трансформацию претерпевает Атлантический союз. Очень интересные перспективы открываются в связи с Североатлантическим советом сотрудничества, объединяющим страны НАТО и государства Центральной и Восточной Европы, включая бывшие советские республики.

**Есть вещи поважнее,
чем суверенитет**

Идея неделимости мира, заложенная еще в устав Лиги Наций, развивается в доктрину международного интервенционизма, в соответствии с которой есть вещи поважнее, чем государственный суверенитет. От ограниченных действий по поддержанию мира ООН переходит к таким нетрадиционным акциям, как содействие в организации всеобщих выборов в Намибии, гуманитарное вмешательство в Сомали, даже управление целой страной — Камбоджей.

СБСЕ, провозгласившее в прошлом году в хельсинкском документе, что нарушение прав человека в какой-либо одной стране является предметом законной озабоченности других стран-участниц, направила свои миссии в Косово и Воеводину, Санджак и Грузию; пытается сдвинуть с мертвой точки мирный процесс в Карабахе; постоянно отслеживает ситуацию в Молдове и Таджикистане.

НАТО, предложившая в 1992 году свои услуги ООН и СБСЕ, сосредоточилась на

После распада Варшавского Договора НАТО изъявляет желание стать «особым уполномоченным» ООН по миротворческим операциям

Войска ООН все чаще появляются в зонах кровавых конфликтов в разных странах мира

Фото ИТАР-ТАСС

конфликтах в бывшей Югославии. Россия, констатируя неудачу (во всяком случае, временную) с созданием миротворческих сил СНГ, предпринимает самостоятельные действия в пределах того, что она считает своей зоной ответственности, то есть в границах бывшего СССР.

Вместе с тем результаты всех этих усилий пока что скромны. Америка, Западная Европа и Россия поглощены в основном внутренними, главным образом экономическими, проблемами. ООН остается чересчур бюрократизированной, неповоротливой организацией. (Весь мир обошла фраза, сказанная канадским генералом Маккензи, бывшим командующим силами ООН в Югославии: «Бесполезно запрашивать Нью-Йорк после пяти вечера по местному времени: штаб-квартира пуста».) СБСЕ, напротив, недостаточно организовано, а СНГ вообще никак не удается организовать. НАТО, десятилетиями готовившаяся к войне на территории Югославии, оказалась мало подготовленной к межэтническому конфликту.

Совместный ответ

Опасность, которую представляют новые конфликты для России, очевидна: угроза для жизни и благосостояния миллионов этнических русских, риск вовлечения в боевые действия частей Российских вооруженных сил, расквартированных в ближнем зарубежье, наконец, дестабилизация

отдельных регионов самой Российской Федерации (таких, например, как Северный Кавказ).

Страны Западной Европы могут столкнуться не только с наплывом беженцев с юго-востока, но и с перспективой серьезных разногласий по вопросам внешней политики в своей собственной среде. Наконец, США рискуют оказаться неадекватными новым мировым реальностям.

Поскольку общий главный источник угрозы (при всей несхожести конкретных ситуаций) заключается в нестабильности, слабой управляемости развития тех или иных процессов, целью совместных усилий России, Европы и Северной Америки должна стать стабилизация не только международных, но и — в ряде случаев — внутриполитических отношений, прежде всего на Балканах, в черноморском регионе, на Кавказе и в Центральной Азии. Задачи: противодействие грубым и массовым нарушениям прав человека, предотвращение конфликтов, прекращение вооруженного насилия, содействие мирному урегулированию.

Как классические ооновские операции по поддержанию мира, так и новомодные миротворческие акции с применением военной силы — лишь инструменты большой стратегии, контуры которой были намечены, в частности, в известном прошлогоднем докладе Генерального секретаря ООН Б.Бутроса Гали, озаглавленном «Повестка дня для мира». Этот документ, составленный по поручению Совета Безопасности, стимулировал уже начавшуюся в мире дискуссию о том, каким должен быть ответ мирового сообщества на новые вызовы безопасности.

На наш взгляд, эти вызовы, как и сорок пять лет назад, требуют глобального, но на сей раз совместного ответа. Стратегия стабилизации имеет три основные составляющие — это прежде всего предотвращение конфликтов; управление конфликтами, которые уже идут, с целью их прекращения; наконец, послеконфликтное урегулирование.

Вмешательство? Да!

Отличие предлагаемой стратегии от традиционной дипломатии, которая также нередко ставила перед собой подобные задачи, заключается в комплексном подходе, тесной координации действий многих стран, а также — главное — в признании необходимости вмешательства (на определенных, заранее оговоренных условиях) во внутренние дела тех или иных государств. При этом такое вмешательство — опять в известных случаях — могло бы опираться на силу. Естественно, что каждый случай вмешательства требовал бы специального мандата Организации Объединенных Наций в полном соответствии с Уставом ООН, признаваемым всеми ее членами.

Так, эффективное предотвращение конфликтов предполагает функционирование системы раннего предупреждения, активности превентивной дипломатии, а также превентивного размещения военных сил. Раннее предупреждение может означать не только отслеживание ситуации и обмен

Россия в роли миротворца

— Миротворческие силы, по мнению главнокомандующего вооруженными силами СНГ Евгения Шапошникова, вероятно, станут основой Объединенных вооруженных сил СНГ, если таковые вообще удастся создать. Пока что, несмотря на наличие ряда соглашений, подписанных более года назад, страны СНГ, кроме России, не видят для себя необходимости участвовать в миротворческих акциях. — За 1992–1993 годы российские миротворческие силы потеряли 32 человека убитыми, 66 ранеными. (Для сравнения: потери сил ООН в бывшей Югославии за тот же период составили 30 убитых.)

— Российский офицер из состава батальона сил ООН в Хорватии получает 870–950 долларов в месяц, а его коллега из российских миротворческих сил в Молдове или Южной Осетии — лишь надбавку к основному окладу в размере 18–20 процентов денежного содержания. — Расходы России на военное миротворчество составили в 1992 году немногим более 2 миллиардов рублей.

информацией, но и создание информационных пунктов и центров в потенциально конфликтных регионах.

Превентивная дипломатия включала бы целый спектр действий — от посылки миссий по сбору фактов и инспекций до консультаций, посредничества и добрых услуг. Ее инструментарий включал бы и меры давления: предостережения, санкции. За дипломатами стояла бы при необходимости сила — как юридическая, опирающаяся на реальность международного судебного преследования за военные преступления и преступления против человечества, так и военная, недвусмысленно указывающая на серьезность предостережений со стороны международного сообщества.

Превентивное размещение военных сил в районе возможного конфликта могло бы осуществляться без обязательного в предыдущей ооновской практике согласия противостоящих сторон. Достаточно масштабные и решительные международные действия способны оказать сдерживающее воздействие на потенциального агрессора.

Шесть с половиной

Управление кризисами с целью их скорейшей ликвидации требует неотложных мер по локализации насилия и ограничению его масштабов. Информационное сотрудничество приобретает в этих условиях огромное значение, например для разоблачения «кукловодов», реально направляющих действия той или другой стороны. Важнейшей задачей становится достижение договоренности о прекращении огня и начале переговорного процесса, после чего в район конфликта могут быть направлены наблюдатели и войска, действующие на основе мандата международной организации.

Эти войска, однако, могут оказаться в ловушке, если давление на противостоящие стороны в пользу политического решения конфликта будет ослаблено. В лучшем случае конфликт может быть законсервирован (как, например, случилось на Кипре), в худшем — прекращение огня будет использовано как передышка.

Достижение перемирия и посылка разъединительных сил — стандартная практика ООН, получившая название «статья 6 с половиной» Устава (шестая статья говорит о санкциях, седьмая — о военных акциях, моделью которых могут служить действия в Корее и в Ираке). Этого может оказаться недостаточно. В случаях невозможности достижения договоренности о прекращении огня или же нарушения перемирия, а также при неудаче сдерживания посредством превентивного размещения войск речь может пойти о прямом международном военном вмешательстве.

Разумеется, если все несиловые средства воздействия окажутся исчерпанными и при наличии определенных условий: например, когда пожар конфликта реально способен перекинуться на пока еще не затронутые районы; когда нарушение прав человека приобрело характер геноцида; когда продолжение конфликта угрожает

Нагорный Карабах

Фото Петра Новикова

А рмяно-азербайджанский конфликт стал первой «горячей точкой» на территории бывшего СССР. С 1988 года в Карабахе погибло около 3 тысяч человек, почти полмиллиона стали беженцами. Стимулируя появление новых конфликтов, Карабах фактически открыл кавказский ящик Пандоры. Даже спустя пять лет его конфликтный потенциал далеко не исчерпан: возможно распространение зоны военных действий на пока еще мирный Нахичевань, а также эскалация войны до уровня полномасштабного столкновения между Азербайджаном и Арменией. Если дело дойдет до худшего, в конфликт могут быть втянутыми крупные соседние державы (прежде всего Турция), что, вероятно, спровоцирует вмешательство России. Вряд ли останется в стороне Иран.

Серьезных усилий по предотвращению конфликта в Нагорном Карабахе принято не было. По-

пытки управления кризисом оказались малоэффективными. Тактика «разделяй и властвуй» не только не принесла успеха, но усугубила положение в регионе и подорвала доверие обеих сторон к Москве. Российско-казахстанская мирная инициатива (Железноводск, осень 1991 года) оказалась мертворожденной. Осуществленное в начале 1992 года решение о выводе частей бывшей советской армии из Карабаха предотвратило новые российские жертвы, но повлекло за собой спад интереса Москвы к войне в регионе, где практически отсутствует русское население. Нахождение в районе конфликта военных наблюдателей СНГ скорее выявило не возможности Содружества, а их ограниченность. Впрочем, опыт Минской группы СБСЕ, а также «тройки» (Россия, США, Турция) не многим успешнее.

Навязать мир воюющим сторонам в Карабахе — задача невы-

полнимая. Другое дело — стимулировать диалог, ведущий в конечном счете к договоренности. Здесь требуется максимум дипломатического искусства, учитывающего в том числе опыт американского посредничества на Ближнем Востоке. Как только будут достигнуты первые соглашения о прекращении огня, потребуются силы, которые взяли бы на себя контроль за его соблюдением. Такой контроль должен был бы осуществляться жестко, вплоть до силового подавления провокаторов, заинтересованных в возобновлении военных действий.

Целесообразно, чтобы на примере Карабаха СБСЕ получило возможность попробовать себя в качестве инструмента поддержания мира. Вместе с тем существовал бы и мандат ООН на силовые акции, для осуществления которых привлекались бы специально выделенные силы и средства.

экологической катастрофой глобальных масштабов.

Любые рассуждения насчет вооруженного вмешательства, сопряженного с риском для жизни самих миротворцев, должны принимать в расчет позицию общественности и ее вероятную эволюцию. Сцены насилия, показываемые телевидением, рожают возмущение и вызывают требования «сделать что-нибудь, чтобы навести порядок», но сообщения о потерях, если они окажутся выше приемлемого для общества уровня, способны вызвать еще более мощную обратную реакцию. Как вьетнамский, так и афганский синдром сохранит свою силу еще на многие годы.

Нужно искать, таким образом, узкий проход между Сциллой силового подхода и Харибдой невмешательства, ибо и то и другое одинаково пагубно. Тщательный учет национальных интересов и приоритетов, обеспечение солидной общественной поддержки внутри страны, ясность целей и скоординированность действий на международной арене — неперемennые условия успеха миротворческого интервенционизма.

Без филантропии

В прошлом международно-правовое урегулирование конфликта становилось венцом дипломатических усилий и знаменовало собой окончание внешнего вмешательства. Сейчас и в будущем — это лишь переход от его негативной фазы к позитивной, конструктивной.

Многим странам необходима помощь в создании собственной современной государственности. Некоторые страны (Сомали? Камбоджа? Босния?), возможно, должны будут стать протекторатами международных организаций. Потребуется долговременная внешняя помощь в наведении внутреннего порядка, укреплении законности, создании условий для национального примирения и последующей национальной реконструкции. Все это — не филантропия: неурегулированный конфликт может разразиться вновь, с тяжелыми последствиями не только для населения одной, отдельно взятой несчастной страны.

Положим, техническое задание сформулировано. Кто сможет взяться за его выполнение? Прежде всего наиболее крупные и ответственные, скажем так, государства. Любые международные организации обладают лишь делегированными им полномочиями. Нужна новая коалиция, в состав которой вошли бы по крайней мере Северная Америка, Европа и Россия, другие бывшие республики СССР.

Что касается международных организаций, то лишь ООН — благодаря своему уникальному Уставу, универсальному характеру и исключительному авторитету — способна обеспечить политическую и юридическую основу для любых операций в поддержку мира. С другой стороны, было бы ошибкой перегружать ООН или требовать от нее вы-

1992 год стал, вероятно, самым кровавым в новейшей истории Таджикистана. По разным подсчетам, число погибших в ходе гражданской войны в этой стране составило от 20 до 40 тысяч человек. Около 350 тысяч были вынуждены покинуть свои дома, из них примерно 60 тысяч бежали в Афганистан.

Руководители центральноазиатских государств (прежде всего Узбекистана) и российские военные серьезно воспринимали угрозу исламского фундаментализма, нависавшую над Таджикистаном. Это привело к тому, что на смену безразличию и бессилию Москвы пришла более активная политика. Неудача с созданием специальных миротворческих сил СНГ не помешала Москве возложить их функции на российскую 201-ю мотострелковую дивизию, дислоцирован-

Фото ИТАР-ТАСС

ную в этой бывшей советской республике, а Ташкенту — применить свою военную авиацию для разгрома опасных с точки зрения узбекистанского правительства сил.

В Таджикистане вопрос о власти, таким образом, решен силой. Здесь речь не идет о подержании мира между сторонами. Наряду с вы-

полнением гуманитарных миссий, а также задачами по поддержанию минимального порядка в стране (насколько это возможно) российские войска фактически выступают в качестве внешней подпорки нынешнего правительства в Душанбе. Трудно отделаться в этой связи от неприятной параллели с Афганистаном.

Молдова

Активные боевые действия в ходе конфликта в Приднестровье велись весной 1992 года. В июле того же года было заключено перемирие, гарантом которого (как и в Южной Осетии) стали российские силы по поддержанию мира. Как и в районе Цхинвала, перемирие по Днестру в целом соблюдается. Отличие заключалось в том, что, если в Юго-Осетии российские войска вводились специально для осуществления миротворческой миссии, 14-я российская армия в ходе всего конфликта оставалась в Приднестровье.

Как и войска в Абхазии, 14-я армия оказалась неспособной для осуществления миссии по под-

Фото Николая Уфимцева

держанию мира. План создания многосторонних сил с участием России, Украины, Болгарии и Румынии, однако, не был реализован — возможно, для того, чтобы не создавать прецедента с приглашением иностранных войск на территорию бывшего Союза ССР. Вместо этого на Днестр были срочно направлены пять батальонов из России.

Важную роль в регулировании кризиса в направлении его разрешения могут сыграть международные организации, прежде всего СБСЕ. Постоянная миссия Европейского совета, в состав которого входил бы специальный омбудсмен, могла бы сыграть важную роль в предотвращении инцидентов на месте.

полнения функций, которые ей не свойственны.

«Оперативный уполномоченный» ООН

В этой связи следовало бы продолжать укреплять СБСЕ как уникальный Евро-Атлантический форум, призванный играть исключительно эффективную роль, особенно на этапе предотвращения конфликтов. На этапе же кризисного регулирования требуется, по-видимому, другой инструмент. На роль «оперативного уполномоченного» ООН и СБСЕ претендует, как известно, НАТО.

Нет сомнения: существующая инфраструктура Североатлантического союза, его ресурсы, опыт коалиционного взаимодействия говорят в пользу этой заявки. Тем не менее у НАТО есть одно серьезное ограничение: миротворческие действия ее вооруженных сил на территории любой из бывших советских республик либо невозможны, либо контрпродуктивны. Но именно здесь сосредоточена значительная часть взрывчатого потенциала.

Россия, как известно, балансирует на грани объявления собственного варианта доктрины Монро для бывших республик СССР. Но односторонние действия Москвы способны вызвать негативную реакцию некоторых соседей России и нанести ущерб российским интересам. Это бесперспективный путь, если цель заключается в стабилизации нашего ближайшего геополитического окружения, а не в восстановлении (под другим именем) СССР.

Итак, кто же способен выполнить мандат ООН? Такая структура уже существует полтора года. Это уже упоминавшийся выше Североатлантический совет сотрудничества. Совет объединяет все основные державы; он включает все государства, которым реально угрожает нынешняя нестабильность; базируясь в Брюсселе, он опирается на мощную инфраструктуру НАТО.

Займствуя все ценное из опыта НАТО, но не будучи связан ее устаревшими функциями, Совет может стать прообразом новой коалиции государств, заинтересованных в обеспечении военно-политической безопасности. Это возможно: в конце концов в свое время удалось сформулировать и успешно реализовать антикризисную стратегию в экономической области, благодаря чему для значительной части человечества понятие «экономический кризис» стало историзмом.

Настало время совершить нечто подобное и в отношении войн и других актов крупномасштабного насилия — во всяком случае там, где для этого имеются условия. Политические противоречия не исчезнут, как не исчезли противоречия экономические, но ограничить формы и масштабы их проявления — задача, для которой мировое сообщество созрело.

Южная Осетия

Конфликт в Южной Осетии (начался в 1989 году, наиболее острая фаза пришлась на конец 1991 — начало 1992 годов) затрагивает не только Грузию, но и — самым непосредственным образом — Россию. Прибытие десятков тысяч беженцев с юга легло тяжелым бременем на Северо-Осетинскую Республику. В последнее время многие из них были расселены на землях, с которых были согнаны ингуши. Движение же к созданию единого осетинского государства, независимого или же в составе Российской Федерации, способно еще больше осложнить обстановку по обе стороны Большого Кавказского хребта.

Регулирование юго-осетинского кризиса выглядит на первый взгляд удачным: в результате использования благоприятного стечения обстоятельств 24 июня 1992

Фото Николая Уфимцева

года удалось заключить в Дагомысе трехстороннее соглашение о прекращении огня и направлении в район конфликта смешанных сил по поддержанию мира. Российский компонент этих сил (700 человек) был численно равен грузинскому и осетинскому батальонам, вместе взятым. На практике именно российские войска обеспечивают перемирие в Юго-Осетии.

Чисто оперативный успех, однако, может быть в конечном счете утрачен, если не

удастся возродить и поддерживать переговорный процесс между грузинской и осетинской сторонами. Хотя время от времени в Цхинвал из Тбилиси приезжают сотрудники небольшой миссии СБСЕ, естественным посредником в деле налаживания здесь продуктивного диалога может выступить только Россия. Именно она кровно заинтересована в преодолении противостояния и имеет необходимые для этого ресурсы.

Абхазия

Война в Абхазии только с августа по декабрь 1992 года унесла 2 тысячи жертв. Для России речь идет о судьбе десятков тысяч этнических русских, которых в Абхазии в мирные времена насчитывалось примерно столько же, сколько самих абхазов (около 100 тысяч человек). Речь идет далее о положении частей российской армии, оказавшихся в зоне конфликта. Наконец, конфликт на границе России уже вызвал активизацию движения северокавказских народов. Осенью 1992 года в Абхазию через российскую границу прибыло от 4 до 7 тысяч бойцов Конфедерации наро-

Фото ИТАР-ТАСС

дов Кавказа, принявших участие в военных действиях.

В условиях глубокого недоверия между сторонами реализация любого мирного плана потребует присутствия сил по поддержанию мира, однако — в отличие

от Юго-Осетии — российские войска вряд ли станут ядром таких сил. Руководство Грузии выступило с предложением, чтобы под флагом ООН в Абхазии были размещены украинские части и подразделения.

Пусть земля останется благословенной

Вот уже год как в Молдове
прекратилась стрельба. И хотя
согласие пока не достигнуто,
надежда на него есть

Галина Ковальская

Трудно, наверное, приходится в Кишиневе фашистам — и молдавским, и русским. Как им отличать «наших» от «ненаших», когда весь город темноволося, чернобров и смугл и все говорят без акцента по-русски? Ну, конечно, если где-то вдруг зазвучит румынская речь (что, впрочем, случается не так часто), скорее всего, это означает, что перед вами молдаванин. Впрочем, и тут можно «проколоться»: дети дошкольного и младшего школьного возраста почти все щебечут по-румынски в отличие от своих родителей, которые по большей части говорят по-русски.

Может, потому и слинял так быстро оголтелый национализм, захлестнувший было республику, налетел и ушел, предоставив жителям города оставаться тем, кем они в сущности были: приветливыми, улыбчивыми южанами.

«Перебесились», — говорит Олег. Мы сидим с ним на веранде летнего кафе в парке Пушкина, небольшом парке, но изумительно красивом, благоухающем к тому же разогретым миртом и отцветающими липами, пьем сухое вино и неспешно беседуем «за жизнь». Олег родился на Левобережье, бабушка и сейчас живет в Рыбнице («Не уехала?» — «Не, да

там войны и не было, это ж не Бендеры».) Учился и работает все время в Кишиневе, мать у него украинка, отец — русский, самому ему до сих пор чудно, что, оказывается, живет «за границей».

«Уедешь?» — «Да что ты! Кто теперь уезжает? Где лучше? Это поначалу, когда там, на площади эти собирались, орали, ну, там, чтобы русских выгнать — ерунду всякую, тогда многие испугались. И по-русски боялись в городе говорить, и уезжать начали... А теперь у нас, видишь, как спокойно».

«А война?» — «Так договорились вроде до чего-то...» — «Нет, не договорились пока». — «Ну, не знаю, не стреляют, значит, договорились...» — «А кто начал, не знаешь?» Он отвечает сразу и очень уверенно — видно, что над вопросом этим размышлял давно: «Наши козлы не поделили с тираспольскими, кто что будет продавать. Эти продают Правый берег, те — Левый, но и те и другие хотели бы захватить все». Интересно, сколько жителей Молдовы видят приднестровский конфликт так?

Если верить Олегу, неудобно в Кишиневе русскоязычным было в 1989–1990 годах, ну, может, еще в 1991-м, потом все успокоилось, а за последний год национальные проблемы вообще как-то подзабылись.

Он показывает мне площадь — как раз у входа в парк, — где кипели и выплескивались национальные страсти. Теперь она пуста, только в уго-

лочке, как раз у начала парка, толчется человек восемь—десять, оживленно о чем-то беседующих по-румынски. Говорят, это местный «уголок патриота», но люди совсем не кажутся агрессивными, к тому же их для выражения агрессии все же слишком мало. И в непосредственной близости от них — не менее оживленная тусовка: обсуждают результаты последнего матча чемпионата мира по шахматам — на сей раз по-русски.

«Фантики» и купоны

Возникла неожиданная сложность: оказывается, Молдавский банк не принимает российские деньги — подавай им советские, с Ильичем. А мы, командировочные, естественно, привозим с собой то, что выдают в кассе, то есть в основном новенькие «фантики». Однако первый шок — «как же расплачиваться?!» — быстро сменился полным спокойствием: расплачиваться нормально!

Банк может принимать или не принимать все, что ему вздумается. Люди теснейшим образом связаны с украинской и российской торговлей, летают, ездят туда-сюда, занимаются коммерцией и просто привозят детям и друзьям подарки. Словом, российские рубли граждане Молдовы берут очень охотно, легко предлагают обменять их на молдавские купоны и даже уважительно именуют «деньгами».

Что уж говорить о путешествиях в Москву или Одессу, когда в полутора часах езды от Кишинева начинается Приднестровье — Бендеры, Тирасполь, где берут как раз российские и только российские деньги, а молдавские купоны не берут... Впрочем, опять же, кто не берет? Не берет банк, а жители, то и дело навещающиеся в Кишинев в гости, к родным, по торговым делам, охотно соглашаются на купоны. Не удается заставить экономику жить по воле чьих-то политических амбиций!

И историю тоже. Сегодня в идиллически спокойном Кишиневе начинает казаться, что два тяжелейших политических кризиса — приднестровский и гагаузский, один из которых едва не вылился, а второй вылился-таки в кровавое столкновение — результат какого-то общего недоразумения.

Что обусловило изначальное неприятие идей молдавского национального возрождения немолдаванами? Что побудило гагаузов и жителей Приднестровья постараться избавиться от Кишинева и в конечном счете взяться за оружие?

Если не говорить о политических интригах, о безответственных и недобросовестных лидерах (чего хватало, но ведь любая интрига, чтобы она удалась, должна опираться на реальные чаяния), то прежде всего людьми всех национальностей двигал страх: страх оказаться наедине и без защиты перед лицом молдавских национал-экстремистов и страх очутиться в абсолютно чужой и, по правде говоря, мало симпатичной им Румынии.

Что побудило тогдашнее молдавское руководство к несоразмерно жесткой реакции на поначалу вполне умеренные попытки повысить статус? (В данном случае и гагаузы, и приднестровцы действовали примерно по сходному сценарию.) Неспособность и неготовность увидеть и понять реальность, обоснованность, оправданность таких опасений.

И вот спустя четыре года совершенно ясно, что национал-радикалы не в чести, а вопрос о воссоединении с Румынией с повестки дня снят. Он остался в политической игре как жупел против Народного фронта: острая полемика в печати или в парламенте сопровождается простираньем обвиняющего перста в сторону защитников идеи объединения — «Вот они, противники нашей государственной независимости!»

Кто есть кто в парламенте

Парламент Молдовы почти без «болота». В нем семь депутатских фракций, почему-то именуемых «клубами». Четыре из них выделились из бывшего «Фронта», по большинству политических и национальных вопросов они голосуют вместе и отличаются между собой степенью ради-

кальности и отношением к воссоединению.

Только те, кто по-прежнему не отказался от ставшего почти одиозным названия «Народный фронт», продолжают отстаивать крайне непопулярную идею скорейшего объединения с Румынией. Остальные готовы отложить решение этого вопроса на десятилетия, а то и столетия, пока «не созреет народ». Отношение в обществе к идее «отложенного воссоединения» очень спокойное: одни считают, что такая идея просто тактическая уловка со стороны юнионистов, другие (их я встречала чаще) говорят, что это формула достойного отступления.

Когда-то вокруг Șтефана Великого кипели националистические страсти. Сегодня здесь мир и покой

Представители парламентского большинства называют эти четыре фракции «националистами», хотя у тех самоназвания даже не включают слово «национальный» — «Демократы», «Демократическая партия труда», «Конгресс интеллигенции».

Самый многочисленный клуб — аграрии. Молдова — сельскохозяйственная страна, поэтому фракция аграриев фактически объединяет большинство представителей «с мест». Это наиболее консервативная фракция во всем, что касается вопросов реформирования экономики, особенно, конечно, там, где речь идет о частной собственности на землю. Но как все ответственные хозяйственные руководители, аграрии заинтересованы в стабильности, мире и государственной целостности, поэтому по политическим и национальным вопросам они, как правило, блокируются с двумя другими клубами: «Кончильере — Согласие» (в него входят русскоязычные депутаты) и «Независимые».

Политическая линия деятелей, составивших фракцию «Кончильере», и поддерживающее ее внепарламентское движение изначально были близки позициям интерфронт во всех республиках. Противники развала СССР, они с сочувствием относились ко всем «просоветским» движениям в Молдове — и к гагаузскому, и к приднестровскому.

Лидеры, борющиеся за репутацию центристов, любят указывать на «кончильеристов» как на иную, противоположную националистам крайность: «Вот две силы, противостоящие государственной независимости Молдовы, — одни толкают нас в Румынию, другие — обратно в СССР».

На сегодняшний день это не вполне справедливо. Большинство активистов «Кончильере» понимают, что возврата к Советскому Союзу нет, и усилия свои сосредотачивают на том, чтобы обеспечить национальным меньшинствам Молдовы максимально комфортное существование в независимом государстве. В результате объективно они работают на укрепление молдавской государственности, хотя, возможно, и не все из них делают это осознанно.

Депутаты фракции «Кончильере» в большинстве своем оказались сторонниками коренных преобразований в экономике — отчасти это связано с тем, что в результате недавнего «вытеснения» русскоязычных из государственного управления именно русские сплошь и рядом возглавляют новые коммерческие структуры.

Почему парламент теряет авторитет?

«Независимые» — депутаты разных национальностей, с самого начала решительным образом поддерживавшие идею многонациональной демократической независимой Молдовы. Против СССР и против воссоединения — такая позиция обеспечила им устойчивое положение в «центре». Сейчас аграрии и «кончильеристы» фактически оказались на позициях «независимых». Это самая конструктивная и, пожалуй, интеллигентная фракция. Именно от нее исходят наиболее взвешенные и грамотные законопроекты.

Аграрии, «независимые» и «кончильеристы» вместе составляют устойчивое большинство, намного превосходя голоса все четыре «фронтистских» клуба. Почему же один за другим проваливаются проекты урегулирования отношений с гагаузами, почему не проходит разумнейшее предложение президента Снегура о смягчении процедуры принятия гражданства?

Очень просто: решения проходят большинством от списочного состава. Кворум с момента избрания депутатского корпуса не пересматривался, а депутаты от Приднестровья на

Гагаузские депутаты покинули зал заседаний Верховного Совета. Но, кажется, никто не сомневается, что они вернутся к работе, потому что соглашение рано или поздно состоится

сессии не ходят. Учитывая, что и гагаузы не всегда на месте, да и многие аграрии могут оказаться в самый ответственный момент у себя в колхозе, для прохождения разумного решения не хватает обычно девяти-двенадцати голосов.

Парадоксальная складывается ситуация: отсутствие коллег с Левого берега куда больше задевает, скажем, «независимых», чем «фронтистов».

За последний год в политическом курсе действительно произошли серьезные перемены. Не просто сменились одни политические лидеры другими, не просто ушел «юнионист» Мошану и пост спикера занял сторонник независимости Петру Лучинский, изменились, можно сказать, сами политические приоритеты: из национальных они стали государственными.

Гагаузы уходят, чтобы вернуться

Параллельно, и не без взаимного влияния, менялись «сепаратистские» движения. С гагаузами в этом смысле было проще: поспешив провозгласить в 1990 году свою независимость от Молдовы, они подразумевали, как им и было обещано из Москвы, самостоятельное вхождение в СССР как равноправной республики.

После распада СССР гагаузским лидерам пришлось всерьез задуматься, что же стоит за «независимостью» — ведь никто всерьез не предполагал самостоятельного государственного существования. Соответственно авторитет наиболее непримиримых вождей, считавших диалог с Кишиневом предательством национальных интересов, потихоньку стал мельчать.

Хотя президент самопровозглашенной Гагаузской республики Топал и председатель ее Верховного Совета Киндигилян — люди достаточно крайних воззрений (выборы то проходили два года назад, совсем в

другой атмосфере), но реально политическая жизнь зависит скорее не от них, а от тех, кто активно работает в молдавском парламенте, «отторговывая» в пользу Гагаузии каждую запятую. То есть опять-таки от политиков, интегрированных в молдавскую государственность.

Кризис разразился из-за того, что депутатам вместо подготовленного специально созданной комиссией проекта о статусе районов с компактным проживанием гагаузов был предложен другой, фактически сводящийся к культурно-национальной автономии.

Возмущение гагаузов понятно: их несогласие с таким решением было заранее известно, согласительная комиссия работала больше двух месяцев, последний же текст не просто не был с ними согласован — его им даже не показали до раздачи всем депутатам.

Но можно понять и Лучинского, не поставившего проект комиссии для голосования «за основу». Проект опять явно «не добирал» необходимого списочного большинства. «Провал» проекта был бы однозначно расценен за пределами здания Верховного Совета как победа «фронтистов». По-видимому, он решил действовать иначе: «за основу» принять тот минимум, против которого не возражал вообще никто, а потом попытаться поправками придать документу вид, устраивавший хотя бы часть гагаузов.

Ничего не вышло: не прошло и такое решение. И все же у свидетелей последнего парламентского кризиса осталось стойкое убеждение, что и уходившие гагаузы, и остававшиеся молдаване, украинцы, болгары, русские понимали, что рано или поздно, скорее рано, соглашение состоится.

Не зря боролись

С Приднестровьем ситуация посложней. Здесь продолжает доминировать идея возможности самостоятельного государства или даже вос-

создания Союза. Самое главное — здесь была война, пролилась кровь, поэтому уровень отчуждения населения от Кишинева несопоставим с гагаузским.

И все же, по свидетельству Николаи Кирплаке, советника президента по военным вопросам, постоянного активного участника всех этапов переговорного процесса, даже нынешние, не ахти какие гибкие руководители в Тирасполе готовы состязаться друг с другом за роль главного миротворца. Да, договоренности пока достичь не удастся, но уже то, что в течение года не стреляют, в течение года разговаривают — разве этого мало?

В чем камень преткновения? В сущности, одно и то же, что в южных, гагаузских, что в восточных, приднестровских районах. Во-первых, спор о статусе. Позиции сторон предельно ясны: Кишинев старается «дать» поменьше, гагаузы и приднестровцы хотят «взять» побольше.

Гагаузы, в общем-то, соглашались на статус куда менее высокий, чем, к примеру, имеют республики в составе Российской Федерации, а Левый берег пока, во всяком случае на словах, готов лишь к конфедерации. Если удастся (а похоже, удастся — во всяком случае очень хотелось бы верить) избежать взрывов и потрясений, то большая взаимная уступчивость сторон при выяснении статуса — вопрос времени.

Есть еще одно общее для приднестровцев и гагаузов требование, которому с упорством, достойным, на мой взгляд, лучшего применения, сопротивляется молдавская сторона. Речь идет о пресловутом «праве на самоопределение в случае воссоединения Молдовы с Румынией».

Сейчас, когда ясно, что Молдова и не собирается ни с кем воссоединяться, такая законодательная норма мало что изменит по существу. Для Молдовы она куда меньшая уступка, чем любое повышение статуса одного или другого региона.

Вместе с тем именно такое право «условного самоопределения» было главным, поднявшим жителей юга и востока на борьбу. Николаи Кирплаке справедливо заметил, что формула согласия должна быть такой, чтобы люди и с той и с другой стороны знали, что они боролись не зря. Есть ли лучшая формула?

Нет аналогов, нет прецедентов в международном праве? Прямых нет, но ведь и ситуация беспрецедентная. К тому же послевоенная Австрия, решая весьма похожие проблемы, пошла же на такой беспрецедентный шаг: заложила в конституцию гарантии от аншлюса.

Уже замечено было, что конфликты в нашем бывшем Союзе почему-то обрушиваются на самую благословенную землю: Карабах, Абхазию, Приднестровье. Пока изо всех только в Молдове сделаны серьезные шаги к умиротворению. Суждено ли ей стать землей воистину благословенной?

КИШИНЕВ — МОСКВА

Слишком дорогие мифы

Канув в Лету, всепобеждающее учение Маркса и Ленина оставило после себя идеологическую дыру, которую многим хочется заполнить

Илья Герол,
канадский политолог

Не так давно в столице Гаити Порт-о-Пренсе у меня украли чемодан. В оживленном калейдоскопе событий эта грустная новость не потрясла мир.

Но так как в исчезнувшем чемодане, уложенном по принципу «омниа мза мэкум порте», было действительно все для двухнедельного пребывания в одном из самых тяжелых для жизни городов мира, я направился к начальнику аэропорта. На двери его кабинета красовался патриотический плакат с изображением мускулистого человека в ордене, чем-то напоминавшего внезапно почерневшего Леонида Ильича Брежнева в многомедальном парадном сюртуке. «Гордый гаитянин» — так назывался плакат.

Темное предчувствие, что я больше не увижу своего чемодана, возникло и мгновенно укрепилось во мне — патриотические плакаты в любой стране мира почему-то всегда действуют на меня именно так.

Маленький человек с грустными глазами, начальник аэропорта, ничем не напоминал «гордого гаитянина». С предельной откровенностью он объяснил мне, что в Гаити если уж что-нибудь и пропадает, то это навечно. Исключений из этого правила ему видеть не приходилось. «Такая уж у нас страна», — сказал он, обменявшись со мной церемонным рукопожатием, которое оказалось единственным возмещением за пропажу. Так в маленьком пространстве кабинета прекрасно ужились мускулистый комплекс превосходства и грустное чувство неполноценной «третьемирности».

Мой старый друг гаитянский писатель Абеляр Жоликур (между прочим, прототип маленького Пьера, если кто-нибудь еще помнит «Комедиантов» Грэма Грина) объясняет это так: «Гаити раз и навсегда выпало за рамки нормального мирового процесса. Мы стали независимыми, почти что не зная колеса. У нас менялись императоры, когда рядом с нами создавались конституции, закреплялись права и определялись обязанности граждан и приобретала очертание экономика, а потом через все потрясения появился тот мир, который довольно удачно существует, пережив и фашизм, и коммунизм, и колониализм. И только мы, отбро-

сив себя по уровню экономического, политического и социального развития на сто лет назад, опустили руки и ждем гуманитарной помощи».

«Это не о нас случайно сказано?» — спросила московская машинистка Тania, когда я диктовал ей эту статью.

О вас. А вернее, о мифах, которые лихорадочно создаются на пространствах разлетевшегося в прах Советского Союза, сознательно или подсознательно. Создают их те, кто хотел бы заполнить огромную идеологическую дыру, которую оставил вместо себя дематериализовавшийся марксизм-ленинизм.

Нет ничего более опасного, чем идеологическое мифотворчество: оно парализует общество, давая ему пустые таблетки вместо настоящего лекарства. То есть, принимая плацебо, иногда можно и выздороветь, но это чаще всего остается медицинским курьезом.

Итак, миф номер один.

Он звучит примерно так.

...А все-таки жалко Советский Союз. Худо-бедно, а мы все-таки были сверхдержавой. И наши подводные лодки в любую минуту могли шугануть американцев у их же собственных берегов. И с голода никто не помирал, и бездомные не ночевали в подъездах. И весь мир с нами считался. А если бы на минутку

перестал считаться, то Кантемировская дивизия, глядишь, и в Париж могла б заглянуть.

Комментарий к мифу.

СССР никогда не был сверхдержавой. Его народное хозяйство было экономикой огромной военной части, где тракторный завод был на самом деле танковым, а трактора делал только временно — до новых великих боев по освобождению Бельгии от капиталистического рабства. Учитывая, что танковый моторесурс рассчитан на сорок часов жизни этого грозного железного ящика, можно наконец понять, почему, производя тракторов больше всех в мире, советское сельское хозяйство испытывало столь острую нужду в этих машинах. Их жизнь в поле продолжалась чуть больше боевого существования танка.

Завод ВЭФ, ускоренно хиреющий сегодня в абсолютно независимой Латвии, производил столько военно-полевых телефонных станций, что можно было бы смело идти на превращение Европы в траншейное общество, где обитатели каждого окопа могли бы по телефону делиться друг с другом социалистическим опытом по преодолению невзгод.

По общесоюзной статистике, тем не менее ВЭФ производил транзи-

Рисунки Марата Таурова

сторонние приемники и гражданские телефонные станции. В результате телефоны в Советском Союзе было удобно подслушивать, но говорить по ним было трудно.

Развал абсолютно всего, наблюдаемый сейчас в постсоветской экономике, начался тогда, когда банда лихих экспериментаторов — от Ленина, Троцкого и Сталина до Брежнева, Андропова и Черненко — строила свой чингисхановский военный табор, впоследствии нареченный сверхдержавой.

Сегодня все это гигантское захоронение вполне годных к употреблению танков и ракет повисло чудовищным грузом на несчастной стране, унаследовавшей весь милитаризованный бред идеологии и экономики Советского Союза. И расправиться одним ударом с этим наследием невозможно, что бы ни говорили российские эксперты и западные доброжелатели, щедро делившиеся своими советами о том, как обустроить Россию. Этот никому не нужным стальной кулак по-прежнему поддерживается миллионами ученых, инженеров, генералов, офицеров, картографов, психологов и дрессировщиков боевых дельфинов — у всех семьи, всем нужно жить. И прямой переход ракетного производства на конвейерные линии по выпуску титановых ложек и кованых презервативов невозможен. Предстоит долгая работа, основанная на международной кооперации по конверсии и спокойному акционированию военных заводов, а также выводу военного производства из секторов, которые хотя бы по идее должны производить тракторы, масло и радиоприемники.

А сверхдержавы в истинном экономическом и социальном значении этого термина никогда не было. Была жестокая, лживая, хотя и тотально-милитаризованная чушь.

Миф номер два.

Его создатели, собравшись на домашней вечеринке или патристическом вечере, любят попеть «Боже, царя храни!» и всласть потоптаться по жидким и масляным. Вместе с парочкой профессоров (больше набрать им не удастся) и несколько подуставшей литературной тройкой — Распутин, Бондарев, Белов — эта не слишком большая, но весьма громкая сотня, вобравшая в себя все оттенки черного цвета, от красного до коричневого, убеждает себя и других, что решение всех проблем не только возможно, но и чрезвычайно просто.

Надо вернуться в 1913 год, когда Россия была без пяти минут Америкой, привести царя, отыскав его через троюродную ветвь Романовых в парижском особняке, решить еврейский вопрос в духе, как писала газета «Русское воскресение», — «меткого гитлеровского слова», выпороть демократов у памятника Юрию Долгорукому, чтоб было недалеко вести, взять с боя Чечню — на Кавказе или у московского Южного порта, крестить инородцев и сделать

газету «День» государственным органом. Вот и все. Жизнь будет прекрасна, потому что она была прекрасна — «так сказал Заратустра», роль которого в патристическом контексте играет в России Говорухин.

Комментарий к мифу.

Россия не была счастливой страной в начале XX века. Голод и крестьянские бунты, стремление поляков и финнов стать, наконец, независимыми, возмущения украинцев, которым запрещали говорить и учиться на своем языке, бедность рабочих окраин и бессмысленное упрямство самодержавной власти, которая и оставалась-то чисто самодержавной разве что в России, Абиссинии и Сиаме, — неужели профессиональные патристы хотят загнать новую Россию в эту мрачную старую киноленту? Еще никому не удавались обратные прыжки на исторической арене. Впрочем, однажды в этом упражнении преуспел имам Йемена Эль Бадр. Рассердившись — это было в пятидесятых годах, — он запретил кино, отменил радио и закрыл школы. Страна купалась в верности средневековому укладу. На улицах валялись руки, головы и уши тех, кто пробовал все-таки сходить в кино или прочитать газету. Впоследствии случилась революция, и тамошние большевики взяли дворец, сэкономив силы на захвате почты и телеграфа, которых там уже не было. Из всех мифов, циркулирующих по интеллектуальным коридорам СНГ, миф номер два, пожалуй, глупее всего.

Миф номер три.

Его любят бойкие люди в гонконгских курточках, которые они выдают за американские, и развезжающие в «мерседесах», украденных в Польше ассоциированными с ними бандитами. Их офисы обычно занимают несколько комнат на третьем этаже, где количество телохранителей значительно превышает число работников, продающих всему миру несуществующую в природе красную ртуть. Обычно они обещают нефть авантюристам из Оклахомы или цемент каждому, кто о нем спрашивает. Ни нефти, ни цемента у них нет и никогда не будет, но в процессе можно сшибить несколько тысяч долларов за услуги и назвать фирму совместным предприятием.

Миф, на котором стоят эти люди, тоже немыслим. Ввести частную собственность на все — от нефтеприисков до завода, производящего атомные бомбы, получить право открывать банки, биржи, создавать конгломераты наемных убийц для совершения актов коммерческого возмездия в Макао или Гонконге, и вообще: вперед, господа, в Чикаго 1929 года. Ввести все это раз и навсегда: сильные выживут, слабые исчезнут, задумчивых научат молчать.

Комментарий к мифу.

Он не менее опасен двух предыдущих. То, что бойкая российская мафия искренне верит, что наступило ее время

и возможность купить на черном рынке автомат «Узи», введет ее в высшее общество, еще полбеды. Рано или поздно мафию раздавят не только заметно окрепшие органы порядка российского государства, но и сам бизнес, серьезный, солидный и сильный. Гораздо опаснее вера не очень образованных литераторов, журналистов и всего «идеологического цеха» псевдобизнеса в то, что бедные должны оставаться бедными, если они иначе не умеют, а больные должны с достоинством умереть, если у них нет денег на лекарства. Непонимание и неприятие социальной сферы, поддерживаемой государством и принятой всеми цивилизованными странами, может превратить российское государство в Парагвай Адольфа Стресснера или Аргентину во времена диктатуры генералов. Эти режимы служили мафиозным структурам и жадным до быстрых денег нуворишам. Они разорили свои страны, самих себя и отбросили общество на десятилетия назад.

Существование такой возможности в России или даже вера в такую возможность есть прямой результат семидесятилетней изоляции и непонимания того мучительного пути, который был пройден миром.

Опасность здесь в том, что созданные группами заблуждающихся, сознательно лгущих или просто наивных идеологов для достижения привлекающих их целей эти мифы принимаются на веру не только и не столько слоями общества, сколько самими их создателями. А когда миф становится верой, за него идут в бой. Причем думают, как всегда, что бой этот святой и правый. И нет на свете ничего, что они пожалеют для того, чтобы сделать каждую паршивую сказку былью. Расплата за мифы приходит потом. Впрочем, дело осложняется еще и тем, что Россия больше платит за мифы и сказки не может.

Между прочим, мифы запрещать нельзя. От запретов они становятся еще более желанными. Их можно опровергнуть только серьезным и реальным отношением к политике, экономике и истории.

Когда появятся настоящие политические партии, лидеры которых будут отличаться друг от друга не только длиной усов и количеством матерных слов и угроз в выступлениях и частных разговорах, когда появится конституция, раз и навсегда определяющая права человека, обязанности гражданина, государственную справедливость и общественный порядок, взаимоотношения обладателей собственности и работников наемного труда, ставшая армией, полицией, разведкой и контрразведкой под строжайшим контролем парламента и исполнительной власти, провозглашающая независимость суда не только от государства, но и от Хасбулатова, и политические партии будут проводить в жизнь свои идеи, а не личный взгляд друг на друга, — вот тогда мифы потихонечку исчезнут. И начнется жизнь.

МОНРЕАЛЬ

Тривими Веллисте:

«Мы не можем отказаться от «спорных территорий»

Нынешние российско-эстонские отношения нельзя назвать безоблачными. Переговорный процесс между Россией и Эстонией упирается в несколько противоречий: Эстония хотела бы, чтобы с ее территории как можно быстрее были выведены бывшие советские, а ныне российские войска. Россия увязывает условия вывода с вопросом гражданских прав русскоязычного населения Эстонии, что Эстония в свою очередь называет «вмешательством во внутренние дела».

Все усугубляется претензиями Эстонии на принаровские земли, отошедшие к ней от

Советской России в 1920 году и возвращенные РСФСР в 1940-м.

За три года у Эстонской Республики сменилось три министра иностранных дел. Первый из них — Леннарт Мери (ныне президент Эстонской Республики) запомнился своими крайне враждебными высказываниями в адрес России. Второй — шведский гражданин Яан Маницкий не оставил заметной памяти о себе — ни успехов, ни провалов. Сумеет ли осуществить прорыв в российско-эстонских отношениях третий министр — Тривими Веллисте?

С министром иностранных дел Эстонской Республики беседует корреспондент «Нового времени»

Марк ЛЕВИН.

«Новое время». С недавних пор в Эстонии все громче призывают остановить или вовсе прервать переговоры с Россией. Как вы, господин министр, относитесь к такой идее?

Тривими Веллисте. Думаю, в их остановке нет никакого смысла. Как бы медленно и трудно ни развивался переговорный процесс, все же наш диалог создает мостик между обеими сторонами. К тому же я убежден: в любом случае надо улучшать отношения с Россией — в любом, если это не наносит ущерба Эстонии.

«НВ». Дипломатические переговоры — всегда поиск компромисса. Эстония еще не исчерпала свой лимит компромиссов?

Т.В. Переговоры — это творческий процесс, и на него у нас пока вполне хватает сил. Но я не могу ответить, исчерпан ли наш лимит на уступки именно потому, что они должны быть взаимными. Тут одна сторона не должна решать за всех, это выглядело бы как диктат. Или как сдача своих рубежей. В руководящих кругах России сейчас происходит раскол, потому ей так трудно однозначно сформулировать свою волю. Вот отчего, в частности, дело на наших переговорах идет туго. Конечно, Эстонская Республика не может и не собирается жертвовать своими коренными интересами, но все же по многим пунктам мы с российским партнером могли бы достичь договоренности — равноуважительной, взаимоприемлемой.

«НВ». В чем конкретно?

Т.В. Например, в вопросе о выводе войск. Он ведь попроще, чем вопрос о границах, о так называемых «спорных территориях»: при всей готовности понять партнера мы не можем отказаться от Эстонии в границах Тартуского мирного договора, иначе нам пришлось бы отказываться и от собственной государственности. Это наше понимание мира, это наша философия...

А в области экономического и культурного взаимодействия мы могли бы стать для России очень конструктивным партнером. Между прочим, в сфере экономики проблемы начинают все чаще решать сами бизнесмены, а государство лишь вводит их действия в определенные законом рамки. Но при этом эстонским бизнесменам приходится трудно — их коллеги в России не всегда надежны. Так что стабильность на востоке для нас многое определяет и в нашей собственной жизни. В той же торговле сегодня много нестыковок, разнобоя. Помочь могла бы сильная воля — а ее то и не заметно.

«НВ». В этом обе страны виноваты, как вы полагаете?

Т.В. Эстония — меньше: мы не заинтересованы в завалах на пути между Таллином и Москвой.

«НВ». Правительство Эстонии однозначно поддержало курс президента Ельцина и его правительства, парламент же молчит. Солидарность исполнительных властей всех стран?

Т.В. В Эстонии нет крупных противоречий между исполнительной и законодательной ветвями власти.

Мы всегда радовались, когда демократические силы в России побеждали. Мы поддерживаем господина Ельцина не потому, что он президент, но потому, что он осуществляет реформы, раскрепощающие людей. Его принципы нам близки, ведь мы тоже убеждены, что реформаторству в демократическом направлении нет альтернатив. К тому же демократическое общество лучше приспособлено к рыночным отношениям, а свободный рынок, думаю, нас сблизит.

Однако подчеркну: как бы ни развивались политические сюжеты в России, кто бы ни оказался у власти в Москве, мы будем и впредь добиваться добрососедства. Конечно, если Россия пойдет недемократическим путем, то наши отношения, вероятно, опустятся на уровень ниже. Но все же и тогда добрососедство с Россией останется важнейшим политическим приоритетом Эстонии.

«НВ». Известно, что сегодня в ряду этих приоритетов — вывод российских войск. Не выгоднее ли, в самом деле, как некоторые и предлагают, оставить в Эстонии российские военные базы — под своим контролем и, главное, за большие деньги? Вон, Филиппины только богатеют от присутствия баз США...

Т.В. Для нас тут вообще вопроса нет. Во-первых, я не думаю, что Россия желает или готова платить за свои базы. Во-вторых, вне зависимости от денег Эстонии чужие войска на ее земле не нужны. Да, филиппинцы и американцы договорились между собой об этих базах, но Эстония — другое дело. Она не желает терпеть российскую армию. Сколько же может длиться это нашествие?! Тут нет предмета для дискуссии: чужеземные войска должны

уйти — и точка. В прошлом году Россия подписала хельсинкский документ, согласно которому ее армия должна покинуть страны Балтии. И всяческие проволоочки здесь неприемлемы. Но разве это должно мешать соседям жить по-людски? Так уж необходимо, ворвавшись в чужую квартиру, поселиться в ней навек?

«НВ». Сегодня в Эстонии обретает силу «концепция деколонизации», направленная, в первую очередь, против российских «иноземцев». В связи с этим растет тревога русскоязычного меньшинства за свое будущее...

Т.В. Не считаю, что проблема деколонизации связана с какими-либо меньшинствами, в том числе и национальными. Ибо наша государственность основана на законе, и этнические критерии не имеют значения. У нас работает механизм правовой преемственности: если кто-то сам или его предки обладали гражданством Эстонской Республики на законных основаниях, то он может его получить вновь. Вот, к примеру, русские в Причудье до лета 1940 года имели гражданство, и теперь оно им предоставляется — по факту рождения в семье эстонского гражданина.

«НВ». Тем не менее в Эстонии есть сотни тысяч русскоязычных людей, которым в скором будущем эстонский паспорт «не светит».

Не потому ли они, оставаясь в Эстонии, предпочитают гражданство России? И не прав ли в таком случае бывший премьер Эдгар Сависаар, недавно публично заявивший: «При нынешнем «раскладе» судьбу Эстонии станут скоро решать в таллинском посольстве России?»

Т.В. Я думаю иначе. Не играет принципиальной роли, есть ли у конкретного человека местное гражданство. Куда важнее, чтобы он чувствовал себя достойно, чтобы был уверен в том, что его права охраняются.

«НВ». Права человека? Права гражданина?

Т.В. Вот-вот! Некоторые недружественно настроенные к нам политики любят поговорить о том, что, дескать, эстонское государство не заботится о правах человека — только на том основании, что какая-то часть населения не получает гражданских прав...

«НВ». Но в данном случае «какая-то часть» — это почти сорок процентов населения страны...

Т.В. И тем не менее. Заметьте, во всем цивилизованном мире гражданские права — это привилегия. Ее надо добиваться, о ней следует ходатайствовать. А права человека присущи каждому из нас с рождения и неотъемлемы.

В материальном аспекте всем в Эстонии сейчас нелегко: и эстон-

цам, и неэстонцам. Жизненная удача определяется не гражданством и не национальностью, а талантом, инициативой, волей... Тот, кто выразит желание получить наше гражданство, у кого будет сильная мотивация, кто станет его добиваться, тот и получит. Это вопрос личностной эволюции. А дома, кстати сказать, русский бизнесмен вполне может говорить по-русски, даже если дела он ведет на эстонском. И то, добьется ли он успеха на рынке, будет зависеть от него одного. Поэтому я и полагаю, что судьбу Эстонии определит не количество некоренных жителей. И не российское посольство.

«НВ». Однако в Эстонии немало тех, кто живет тут десятилетиями, вообще тут родился, считает эту землю своей родной... Им-то с какой стати добиваться гражданства? Другое дело — приезжающие: они знают, на что едут, что их ждет в чужой стране...

Т.В. Я хорошо понимаю тех пришлых, кто считает, что годами честного труда в Эстонии уже заслужил себе право гражданства. Однако суть в том, что у нас другая исходная позиция — и историческая, и правовая. Да, люди, приехавшие сюда по указу Сталина, в этом не виноваты. Как и в том, что их «адресом был не дом и не улица», а весь

Советский Союз. Однако разве эстонцы в этом виноваты? Нет и нет. Значит, никто не виноват. Возникает заколдованный круг...

«НВ». Разве этот круг так уж трудно разорвать?

Т.В. Вероятно, он и разорвется, но со временем. Поэтому я и говорю об эволюции. В первую очередь, об эволюции тех, кто намерен интегрироваться в эстонское общество. Это сложный процесс, и наше правительство ищет способы, позволяющие исключить новый виток межнациональной конфронтации. Мы ищем гибкие решения, которые помогут избежать жертв. Слава Богу, пока их у нас не было.

ТАЛЛИНН

Рисунок
Марата
Таирова

Биржа труда инвалидов

Поиск мест трудоустройства для инвалидов-москвичей.

Предлагает
различных специалистов
из числа инвалидов.

Мико

338-34-35
10-15 час.

Андрей Степанян: «Ушел из физики, чтобы создать нефтяную империю»

30-летний бизнесмен превратил брокерскую контору в одно из крупнейших частных предприятий в России

Мой уход из института был вызван не разочарованием в науке, но неудовлетворенностью положением, которое сложилось в научных учреждениях: многое здесь делалось ради того, чтобы оправдать свое существование, результат же отходил на задний план.

Сейчас уже трудно вспомнить, как возникла идея организовать кооператив и кому первому она пришла в голову — мне или моему другу, тоже физики. Идея в общем-то витала в воздухе. Шел 1988 год, уже появились десятки тысяч кооперативов, малых предприятий, центров НТТМ, и слухи о высоких заработках новых предпринимателей, подтверждаемые резко возросшим спросом на дорогостоящие товары; невольно заставляли задуматься: почему мы умные, но бедные?

Как мы начинали

Профиль нашего кооператива определился сам собой. Чисто коммерческая деятельность нам не подходила: не было опыта и первоначального капитала. Однако мы обладали интеллектуальным потенциалом. На некоторые виды интеллектуальных услуг, связанных, в частности, с разработкой программного обеспе-

Андрей Степанян: «...хотим увязать планы развития компании с задачами экономического и социального возрождения России»

чения, существовал устойчивый спрос.

В октябре 1988 года кооператив был зарегистрирован, мы быстро получили первые несколько заказов. Но потом начались перебои. Я и мой компаньон не учли инерции бюрократической системы: многие руководители государственных организаций (наших потенциальных клиентов) смотрели на коммерческие структуры с подозрением и опаской.

Довольно долго мы занимались проектированием и строительством дорог в Сибири (кооператив осуществлял проектные работы, а само строительство вели коллективы, организованные нами под своей «крышей»), а затем, после открытия Российской товарно-сырьевой биржи, — посредничеством. Биржа вывела нас на нефтяной бизнес.

«Квант» довольно скоро стал одной из наиболее известных брокерских контор. Дело было не столько в профессионализме — его в то время ни у кого не было, сколько в нашей готовности рисковать. Благодаря нашей активности за «Квантом» укрепилась репутация брокерской конторы, которая берется выполнить практически любой заказ.

Вскоре наша брокерская контора

получила заказ приобрести нефть для одного совместного предприятия. Мы согласились, не представляя в то время всей сложности дела, за которое брались.

Риск — прибыльное дело

Открыто тогда еще никто не занимался куплей-продажей нефти: она не была биржевым товаром. Но неофициально такого рода сделки осуществлялись.

Первые попытки найти нефть оказались безрезультатными. Мы уже начали терять надежду, как вдруг в газетах появилось сообщение о предстоящем открытии в Тюмени нефтяной биржи.

Брокерское место на ней стоило 500 тысяч рублей — в десять раз больше места на Российской товарно-сырьевой бирже. У нас таких денег не было. А ведь мы должны были заплатить полмиллиона только за то, чтобы участвовать в торгах, не имея никакой гарантии, что нам удастся купить нужное количество нефти по приемлемой цене. Более того, брокерское место в нашем случае приобреталось под один-единственный заказ...

И все же мы пошли на риск: этот единственный заказ принес бы нам несколько миллионов рублей.

Оставлю за скобками поиск денег. Ограничусь главным: нам удалось приобрести нужное количество нефти. Но, чтобы выполнить заказ, пришлось скупить большую часть нефти, выставленной на продажу. Торгов как таковых практически не было — кроме «Кванта», нашлись лишь два покупателя, остальные следили за происходящим. На нас работал эффект неопределенности ситуации: на первых торгах рыночная цена нефти еще не установилась, никто не знал, насколько рентабельно приобретать нефть по предлагавшейся цене. Мы же знали свой потолок (была договоренность с заказчиком), поэтому могли действовать наверняка.

На этом, правда, история покупки нефти не закончилась. Наш заказчик отказался оплачивать контракт, пока нефть не будет ему доставлена. Речь шла о 30 миллионах рублей — по тем временам огромной сумме. Один коммерческий банк согласился оплатить нефть на условиях долевого участия в прибыли. Мы сочли сделку выгодной: доля банка была небольшой, а уже на следующих торгах цена на бирже-

АНКЕТА

Андрей Степанян, 30 лет, женат, имеет двоих детей. После окончания университета работал в Институте физики, где считался подающим надежды молодым ученым, учился в аспирантуре. В 1988 году неожиданно для окружающих ушел из института и некоторое время занимался «поисками самого себя». Нашел себя в бизнесе, создав вместе с компаньоном кооператив «Квант». Ныне совладелец «Квант интернэшнл», совместного предприятия по производству и продаже нефтепродуктов, одного из крупнейших частных предприятий России.

вую нефть выросла почти вдвое. Через несколько месяцев, когда цена на нефть вновь резко подскочила, мы продали свой товар, получив в несколько раз большую прибыль по сравнению с первоначальным расчетом. Это был наш звездный час.

За первой сделкой последовала вторая, третья... Вскоре мы хорошо освоили этот бизнес, и, после того как РТСБ перешла к торговле нефтью, наша брокерская контора отчасти прекратилась и на этот вид спекуляций. Мы увеличили численность персонала, разработали специальную программу обработки биржевой информации, которая стала бесцеллером среди брокеров. Наши дела шли в гору.

Но рынок биржевой нефти оказался не таким уж стабильным и становился все менее рентабельным. Следовало ожидать и ужесточения конкуренции. На простой купле-продаже нефти не стоило строить стратегию. К тому же это занятие не приносило морального удовлетворения: отсутствовал элемент творчества.

Собственное производство

Возникла мысль перейти от купле-продажи нефти к нефтепереработке, то есть собственному производству. Мы имели перед собой готовую схему такого производства — по ней работало СП, от которого «Квант» получил первый нефтяной заказ. Внешняя схема была очень простой и, наверное, единственно возможной в тех (да и нынешних) условиях.

По закону совместным предприятиям разрешалось экспортировать только самостоятельно произведенную продукцию. Но, поскольку для строительства своих предприятий требовались большие капиталовложения и время, СП, создававшиеся как производственные, арендовали часть мощностей на действующих государственных предприятиях. Выпускаемая на этих мощностях продукция считалась продукцией собственного производства.

Решение технических и организационных вопросов заняло несколько месяцев. В конце 1991 года СП «Квант интернэшнл» было зарегистрировано. А уже в начале следующего года мы получили первую продукцию.

Воспользоваться этой схемой мог каждый, но не у каждого она работала. Эффективность схемы определялась тем, насколько увязаны между собой различные звенья тех-

нологической цепочки, начиная с покупки нефти и доставки ее на нефтеперерабатывающий завод и кончая отгрузкой готовой продукции (бензина, дизельного топлива...). То есть кид во многом зависел от непосредственных связей с нефтедобытчиками, хорошими отношениями с транспортной системой, нефтепроводами, заводами, портами.

«Квант» — одна из немногих компаний, чья деятельность охватывает все звенья этой технологической цепочки.

Стратегия

До сих пор развитие

«Кванта» шло по линии диверсификации деятельности и расширения масштабов операций, а также совершенствования используемой схемы. Но сейчас «Квант» достиг той стадии зрелости, когда необходим качественный скачок в развитии. Это диктуется и условиями внешней среды: нефти добывается все меньше, количество нефтеперерабатывающих заводов невелико, а конкуренция между частными компаниями за использование их мощностей, по-видимому, будет расти. С учетом этого эксперты «Кванта» разработали программу развития компании, которая предусматривает строительство собственного нефтеперерабатывающего завода в районах месторождения нефти, реконструкцию заброшенных и освоение новых скважин, внедрение прогрессивных технологий нефтедобычи. В перспективе мы хотели бы иметь собственный транспорт, сеть бензозаправочных станций. То есть все, что имеет, скажем, «Шелл» или «Мобил ойл».

Кто-то заподозрит «Квант» в намерении превратиться в нефтяного спрута, устанавливающего свою монополию на нефтяном рынке России. Но такая цель, даже если бы она была поставлена, неосуществима — слишком емко этот рынок.

Долгосрочные цели компании заключаются в том, чтобы превратить «Квант» из компании, преследующей свой частный интерес, в структуру с четко выраженной социальной значимостью. Речь идет не только о благотворительных акциях — «Квант» выделяет на них средства постоянно. Мы хотим увязать планы развития компании с задачами экономического и социального возрождения России.

Многое из того, что наша компания делает сейчас на свой страх и риск, могло бы осуществляться в рамках государственной программы модернизации и реконструкции нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности — на основе, скажем, госзаказа. Есть конкретные виды работ, которые мы могли бы выполнить в более сжатые сроки и более качественно, чем это делается сейчас.

Однако пока сохраняется монополия государства и «разорванность» технологической цепочки по различным ведомствам, пока добыча нефти курируется одними, нефтепереработка — другими, инвестиции — третьими, никакие инвестиции в нефтедобычу и нефтепереработку не дадут сколько-нибудь значительного эффекта. Остановить падение добычи нефти могут только сами нефтяники, если они станут подлинными хозяевами. От государства требуется только одно — дать закон и следить за его выполнением.

Материал подготовили

Игорь Бунин
и Юрий Крашенинников
Спонсоры проекта «Новые
российские предприниматели»
— Технобанк и РИНАКО
Рисунок Марата Таирова

Нельзя быть немножко свободным

Сергей Чупринин

**Заметки
русского
либерала:
опыт
самоидентификации**

Называть себя либералом как-то неловко. Будто заносишься, задаешься, сам себе напоминая казачьего подъясула из нынешних, что безмятежно красуется на параде в дедовских «георгиях», выторгованных или выцыганенных у ветхого хуторянина.

Какие в поле ягоды?

Но... надо же ведь как-то обозначить свою ориентацию в этом мире. Тем более что все иные самонаименования либо сомнительны, либо требуют принципиальных оговорок.

Ну например.

Прогрессист? Пожалуй, но только с примечанием, что идея поступательного развития кажется тебе сущим вздором применительно к искусству, к философии, к морали, к религии, к бездне других важных явлений и понятий.

Западник? О да, конечно, но ясно отдающий себе отчет в том, что сам термин «Запад» в российском словоупотреблении есть не столько имя собирательное для разных там франций, америк и японий с их реальными проблемами и реальными отличиями друг от друга, сколько синоним

Полностью статья Сергея Чупринина о либерализме публикуется в № 7 журнала «Знамя».

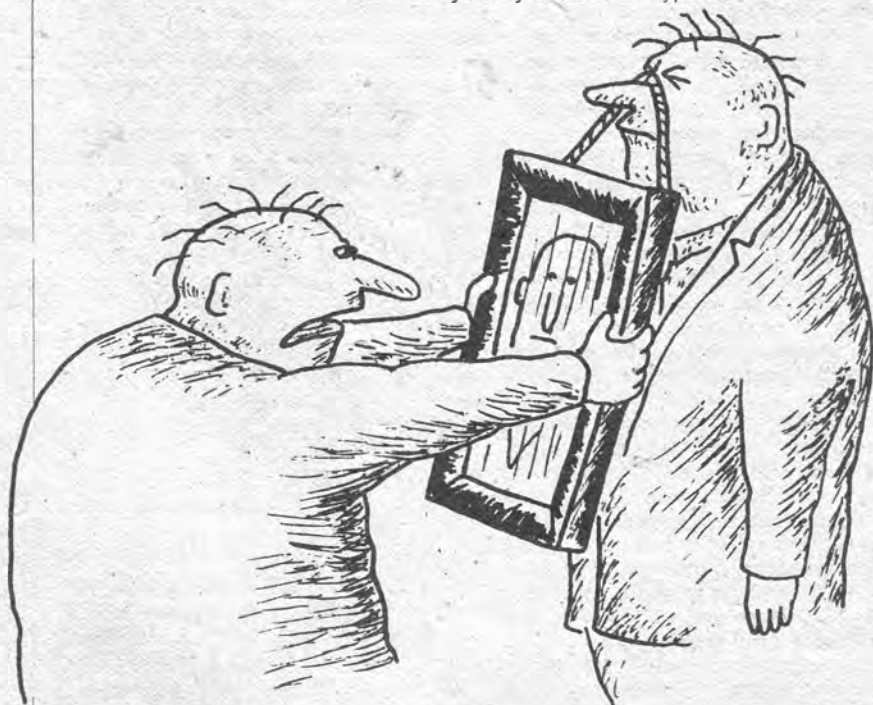
Академик Сахаров оставался либералом и наедине с самим собой, и наедине с толпой

Беловодья, то есть некоего вымечтанного места, где жить тепло, сытно, нестрашно и — главное — необходимо.

Патриот? Безусловно, но только, упаси Бог, не государства с его верховным и иными советами, с его державной спесью, равно как с его революционными и палачскими традициями, а патриот русской речи, российской культуры.

Демократ? Ну-у... Скорее демократ, наверное, хотя опыт повсеместного и скороспешного внедрения демократии в России кого угодно заставил задуматься о необходимости предварительной культивации почвы, это во-первых. Во-вторых же, слову «демократ» в нашем Отечестве непременно требуется смыслопроясняющая подпорка (социал-демократия, национал-демократия, демократия христианская или, наоборот, конституционная), причем все эти подпорки скомпрометированы в российской истории как минимум дважды: сначала в первой четверти XX века, а теперь вот и в последней его четверти. Воля ваша, но не хочется быть одним поля ягодой ни с Руцким, ни с Румянцевым, ни с Михаилом Астафьевым, ни с Жириновским, ни с Аксютинцем, ни даже со Станкевичем или Нуйкиным.

Только и остается ползть в кузов, на-

завалившись либералом, — «...хоть имя дико, но мне ласкает слух оно».

Лишние на рынке

История либерализма в России пока не написана.

Очень может быть, что ее и не напишут никогда, так как отечественный либерализм ни разу еще не заявлял о себе как о сколько-нибудь влиятельном течении общественной мысли и уж тем более как о сколько-нибудь значимом факторе социальной практики. Речь не о либерализаторах, пытавшихся (часто не без успеха, но всегда только на время) умягчить государственные обычаи и общественные предрассудки, — либерализаторы на троне и у трона в России как раз бывали: от царя Федора Алексеевича, Сперанского, Александра II Освободителя, Лорис-Меликова до Горбачева включительно. Речь о том, что, в отличие от Западной Европы и Северной Америки, либеральная тенденция в нашей стране никогда не была ни достаточно артикулированной, ни резко автономизированной, ни в общем идеологическом спектре, ни устойчивой.

Кто спорил, кто врукопашную сходил на российских баррикадах? Западники и славянофилы, революционеры и консерваторы, народники и государственники, интернационалисты и патриоты, коммунисты и антикоммунисты...

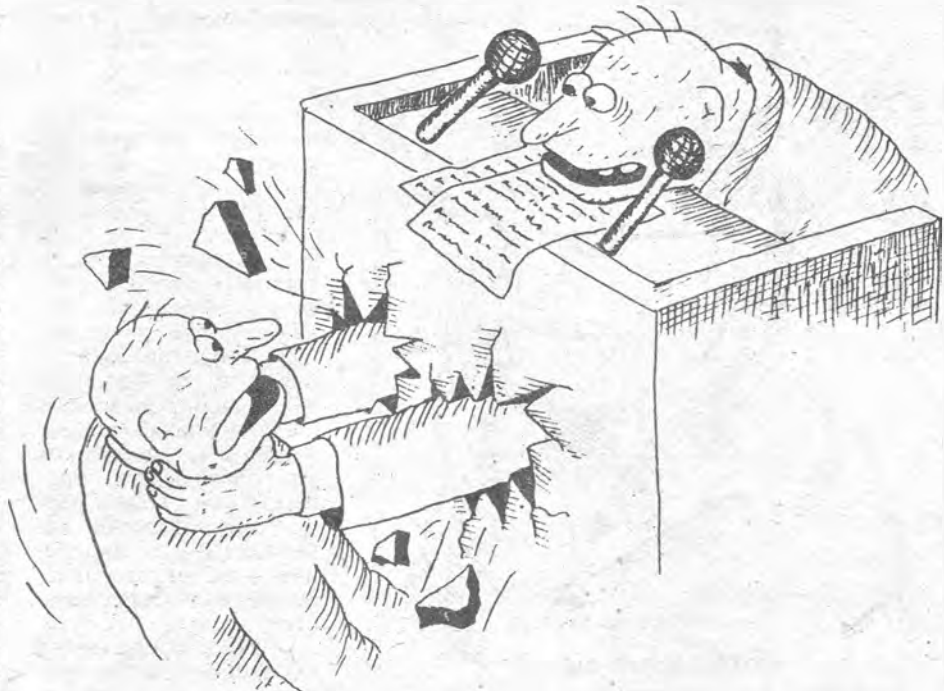
Не либералы, всякий раз оказывавшиеся либо лишними на российском рынке идей, либо в силу исторических обстоятельств вынужденные отстаивать ценности, может быть, и согласующиеся с либеральными, но никак не либеральными в строгом смысле слова: например, четверть века назад — социализм с человеческим лицом, теперь вот — народо-правство.

Вот и придется нам в дальнейшем говорить не столько о либерализме, сколько о расхожих по стране либералах, описывать не программные ориентиры движения, но приметы определенного типа личности, определенного психического склада, образа поведения и мысли.

Так что речь пойдет по преимуществу не об исключительных душевных и интеллектуальных качествах немногих выдающихся либералов, а о массовом, срединном либеральном самосознании, о чертах и свойствах, которые фиксирует в себе либеральный стандарт, одинаковый и для Сахарова, и для тех, кого, по русской пословице, тринадцать на дюжину.

«Герои оговорок»

Понятно, что такой подход высветит не только (а может, и не столько) достоинства либеральности как типа сознания и поведения, но и ее

природные мели, уязвимые места, смешные предрассудки, ее, если хотите, ограниченность, межеумочность и непрактичность. Другое, впрочем, и невозможно, так как — в отличие от течений более напористых, агрессивных и уже потому более успешных — либеральность вне самоконтроля и самокритики попросту не живет.

«Герои оговорок», либералы, постоянно разъедают свою позицию сомнениями и колебаниями, истощают себя рефлексией, тормозят реализацию собственных проектов беспрестанными перепроверками. Либерал (по крайней мере российский) никогда не уверен в собственной правоте и, следовательно, в собственном праве на вмешательство в ход вещей.

Семь раз отмерить — вот это либералу по сердцу.

Все подвергнуть сомнению, ко всему на свете отнестись со снисходительной иронией и скепсисом — тоже по нему, и порою кажется, что для либерала в этой жизни действительно нет ничего святого и ничего неизблемого.

Кроме свободы.

Либерал и городской

Тут шутки и страхи в сторону, поскольку, может быть, единственное, на чем стояла, стоит и стоять будет либеральность, — это признание свободы личности и ее суверенных прав высшей, самодостаточной и универсальной ценностью.

И сразу же два важных прибавления.

Либеральная аксиома гласит: как нельзя быть немножко беременной, так нельзя быть и отчасти (напри-

мер, только в области экономики или в сфере политических прав) свободным. Свобода, по либеральному канону, есть цельный, нерасщепляемый комплекс всех мыслимых прав — вплоть до права на прихоть, на каприз, на сумасбродство. Вынужденное (по воле правительства, церкви, партии, общественного мнения) изъятие из этого комплекса хотя бы самого ничтожного элемента лишает человека и общество возможности называться свободными.

Иными словами, свобода — это вседозволенность.

Но не анархия, не хаос! В этом смысле второго важного прибавления, так как за десятилетия, за века постепенной инфильтрации либеральных идей и привычек в социальную практику цивилизованное сообщество научилось цивилизованно же и защищать свободу от возможных злоупотреблений ею.

Защищать внутренней культурой индивида, тем самым вошедшим в плоть и кровь либеральным стандартом, который не позволяет осуществлять свое право на свободу ценою покушения на чужую свободу. Свобода личности ограничена только свободой другой личности, зато граница эта — при всей ее прозрачности — всегда на замке.

И защищать — если апелляция к культуре, к стандарту цивилизованного общежития оказывается недейственной — всею силою закона, всеми (в том числе и полицейскими) средствами правового государства, благодаря чему только и возникает столь изумляющий нас на Западе комфорт «порядка, при котором личность уважает закон и живет под защитой закона» (Г.Померанц).

Гарантом свободы становится, таким образом, общественный договор между либеральными обывателями и государством: первые обязуются не нарушать порядок, второе — не покушаться на суверенитет личности. Законопослушность и, более того, готовность чуть что кликнуть городского есть в этом смысле органичное свойство либерала, как бы ни шокировало это свойство российских интеллигентов, воспитанных на Щедрине и диссидентской публицистике. И наоборот: неуважение к работникам правоохранительной сферы, равно как и едва не инстинктивный, веками произвола, вынужденный страх перед ними, что в суммарном итоге оборачивается стремлением держаться подальше от властей, решать свои проблемы полюбовно, по совести и по справедливости, не прибегая к посредничеству и заступничеству закона, либерал оценивает не иначе как дикость, как сигнал о вопиющей непродвинутой обществу по пути к свободе.

Чужак

Охотно допускаю, что эта декларация (за вычетом, может быть, некоторых риторических обострений, например о вседозволенности или, напротив, о городском, хотя именно в этой диалектике — специфика либерализма), — так вот, охотно допускаю, что все пока сказанное покажется большинству читателей всего лишь набором красивых банальностей, способным вызвать априорное сочувствие не только у людей с либеральным типом сознания.

Ну кто в самом деле рискнет выступить против свободы и против порядка, а уж тем более против их

неразъемного единства? Никто решительно, и характерно, что язык не выработал даже термина, обозначающего альтернативу либерализму, — должно быть, за ненадобностью.

Хотя...

Есть, правда, тоталитаризм, и можно согласиться с Френсисом Фукуямой, что «в уходящем столетии либерализму были брошены два главных вызова — фашизм и коммунизм».

Причем, подчеркну для наглядности, брошены они были в первую очередь именно либерализму и либералам, а не, допустим, демократии или христианству.

«Гитлеризм, — не без изумления писал профессор Э.Хейнманн в годы нацистской тирании, — заявляет о себе как о подлинно демократическом и подлинно социалистическом учении, и, как это ни ужасно, в этом есть зерно истины. Гитлеризм идет еще дальше, объявляя себя защитником христианства, и, как это ни противоречит фактам, это производит на кого-то впечатление. Среди всего этого тумана и передержек только одно не вызывает сомнений. Гитлер никогда не провозглашал себя сторонником подлинного либерализма. Таким образом, на долю либерализма выпала честь быть доктриной, которую более всего ненавидит Гитлер».

Прочитав сказанное, свою систему рассуждений разворачивает Фридрих фон Хайек. «Нет ничего удивительного, — говорит он, — в том, что в Германии до 1933 года, а в Италии до 1922 года коммунисты и нацисты (соответственно фашисты) чаще вступали в столкновение друг с другом, чем с иными партиями. Они боролись за людей с определенным типом сознания и ненавидели друг друга так, как ненавидят еретиков. Но их дела показывали, насколько они были в действительности близки. Главным врагом, с которым они не могли иметь ничего общего и которого не надеялись переубедить, был для обеих партий человек старого типа, либерал».

Если коммунист (или социалист, или демократ без либеральной ориентации) для нациста — прежде всего соперник, которого необходимо уничтожить, но лучше перевербовать, то либерал и коммунистами, и нацистами воспринимается исключительно как чужак. Его тоже, конечно, можно уничтожить, зато перевербовать нельзя: под давлением обстоятельств, повинуюсь

желанию выжить, либерал в крайнем случае пойдет в коллаборанты, в услужение сильному, примеров чему тьма в германской и в советской истории, но внутренне так и останется для хозяина, так и будет чувствовать себя чужаком, «пятой колонной».

И второй вывод, тесно связанный с первым, хотя и имеющий отношение не столько к прошлому, сколько к настоящему. Можно — сплошь и рядом наблюдаем вот уж который год — из пламенного коммуниста превратиться в столь же пламенного демократа или националиста, можно лихо сменить демократическую ориентацию на красно-коричневую, но до сих пор не известен ни один случай трансформации коммунистов (или националистов) в либералы.

Возникает догадка, что и в самом деле значимыми оказываются не убеждения (их можно переменить или перепродать), а биология, группа крови, психологический тип личности:

одинаково поведительный, склонный к силовому воздействию на действительность — у коммунистов, у националистов, у демократов без либеральной константы;

одинаково сослагательный, опирающийся, как сказал бы фон Хайек, не на принуждение, а «на спонтанные силы общества» и, прибавим, человеческой природы, — у либералов.

Мачо и Кармен

Догадка подтверждается тем, что либерал никогда, кажется, не способен почувствовать себя мачо — так в Европе, с испанской подачей, называют мужчин с имиджем настоящего мужика, героя, первого любовника, перед которым не в силах устоять ни женщины, ни крепости. Равным образом и типичная либералка меньше всего похожа на Кармен, играющую своей и чужой жизнью, все на свете готовую поставить на кон ради минутной страсти.

Образцово показательный мачо, если уж нужен пример, — Невзоров: кожанка, фосфорический огонь в глазах, геройская гримаса, хлопотливое желание окутать свое имя красивой легендой. Либерал же — это сутулящийся, неавантажный, запинаящийся и — увы, романтики, увы! — скучноватый Сахаров, которого так легко перекричать, но который — и в полной изоляции, и наедине с бушующей толпой — не отречется от либеральной аксиоматики с ее тезисом «о первичном, определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества».

Либерал или демократ

Наличие этой жесткой константы,

неизымаемого и непластичного внутреннего стержня изумляет — особенно если учесть, что вообще-то либерал политически и этически некапризен, нетребователен и, по сути, почти равнодушен к конкретной форме политической организации общества.

Тоталитаризм ему чужд, что называется, по жизненным показаниям, это понятно. Но либералу, как свидетельствует общемировой опыт, вполне мог бы подойти любой строй, где права и свободы личности находятся под гарантированной защитой стабильных законов. То есть и просвещенная монархия, и просвещенный авторитаризм, и просвещенная олигархия, понятая как власть природной аристократии или политической, интеллектуальной и экономической элиты.

Впрочем, просвещенность или, говоря иначе, просветленность власти законом немислима в современном понимании без более или менее выраженной опоры на волеизъявление большинства народонаселения, поэтому вряд ли ошибается французский исследователь Ф.Нэмо, когда замечает, что «в целом либерализм и демократия подразумевают друг друга, так же как тоталитаризм и деспотизм».

Причем подразумевают настолько, что в российском политическом обиходе слова «либерал» и «демократ» употребляются практически как синонимы.

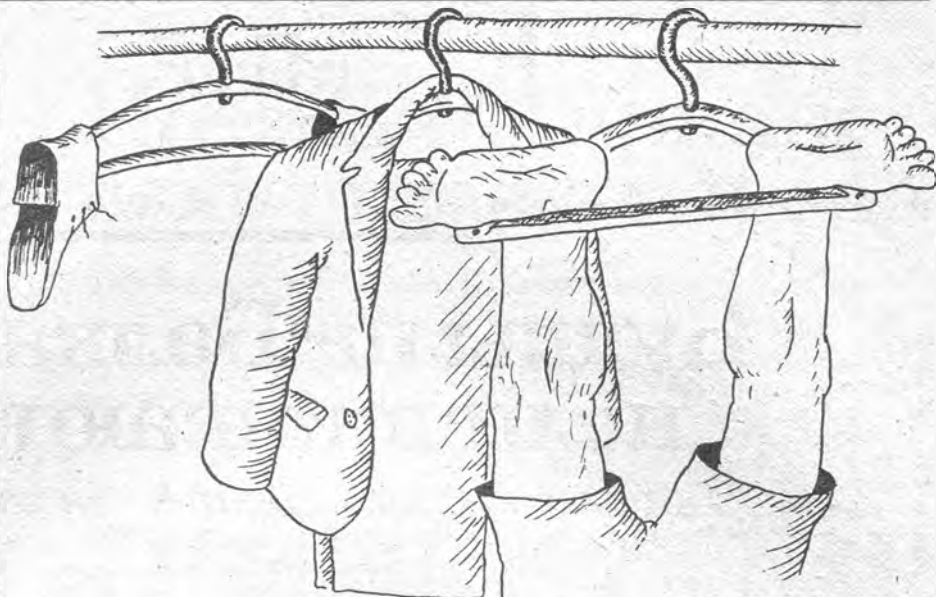
И напрасно. Для либерала быть демократом — условие, возможно, и необходимое (особенно на этапе выплзания страны из тоталитаризма), но явно недостаточное, ибо совпадающими, однокоренными оказываются только исходные (антитоталитарные) установки, но никак не цели:

демократы хлопочут о равенстве и справедливости, то есть о благе большинства, и потому, естественно, стремятся развязать «политическое творчество масс», при котором, это уж само собою, «голос единицы — тоньше писка»;

либералы, наоборот, втайне безразличны к идеям равенства и справедливости для всех; они озабочены исключительно свободой индивида, что на практике оборачивается благом для меньшинства, и к «политическому творчеству масс» относятся в высшей степени подозрительно, угадывая в нем возможность охлократии или, по меньшей мере, «тоталитаризма общей воли»;

демократы политически успокаиваются, когда ориентиры народовластия (например, в форме лозунга «Вся власть — Советам!») оказываются достигнутыми, и все силы тратят уже только на поддержание статус-кво;

либералы, наоборот, только на этой стадии начинают осознавать

специфичность собственных задач, пытаюсь — уже не только в борьбе с извечными противниками, но и в споре с вчерашними союзниками — насытить демократическую матрицу либеральным (не обязательно демократическим, во всяком случае, не доктринально демократическим) содержанием.

Холуяж

И в высшей степени показательно: не природные ельцины, но либеральная творческая интеллигенция и либеральные предприниматели, то есть те, чья полноценная профессиональная деятельность немислима в условиях несвободы, требовали от Ельцина и введения прямого президентского правления, и роспуска Советов, и жестких, силовых мер по отношению к тем, кто выходит на площади и проспекты Москвы с булыжниками, с заточками, с арматурными прутьями в руках, покушаясь на наши с вами гражданские права.

Слабонервные демократы из убежденных как раз недоумевающе взывали: ай-яй-яй, какой сервиллизм («холуяж», по изысканному выражению Виктора Розова), и разве позволительно апеллировать к городскому, защищаясь от тех, кто всего-навсего доступными ему, пусть даже и не слишком цивилизованными, средствами пытается отстоять собственное мнение?

Для либерала, знающего один, зато универсальный критерий свободы личности, здесь нет проблемы: не только позволительно, но в острых ситуациях и необходимо. Можно публично, открыто отстаивать любое мнение — кроме того, которое угрожает свободе, например, свободе слова или свободе предпринимательства. И равным образом: оппозиции должны быть гарантированы все права — кроме права на бунт, на сознательное, про-

вокационное нарушение общественного порядка.

Когда появляется буреветник

Либералы жестоки и нетерпимы?

Безусловно, как нетерпимым и жестоким оказалось отношение мирового сообщества к режиму Саддама Хусейна, к межэтническим волнениям в Сомали, к нарушениям прав человека в бывшей Югославии. Как нетерпимыми и жестокими оказываются обычно мягкосердечные западные власти по отношению к любым вспышкам насилия, ибо ни одно покушение на хрупкие, любовно выпестованные либеральные ценности не может остаться безнаказанным.

Вся разница лишь в том, что на Западе добропорядочный либерал при первом же появлении буреветников «робко прячет тело жирное в утесах», перепоручая государству и свою защиту, и всю грязную работу по наведению общественного порядка, а у нас до сих пор властвует героический, то есть варварский, императив:

*Лишь тот достоин жизни
и свободы,*

*кто каждый день идет за них
на бой,*

хотя либералы для боя совершенно не приспособлены и хотя, видит Бог, жизни и свободы в цивилизованном мироустройстве достоин решительно всякий, кто рожден на белый свет.

Иными словами, «там» обыватель рассчитывает на автоматическую поддержку власти, «здесь» же, наоборот, демократическая власть чуть что зовет на подмогу обывателей, производя их в граждане, — как это было и в августе 1991-го, и в апреле 1993 года, и во многие другие месяцы.

Рисунки Марата Таирова

Будды на Балканах не приживаются

Поражение президента. Чья победа?

Добрица Чосич проиграл. Но выиграла ли Югославия?..

Югославия осталась без президента. Не пробовав и года на этом посту, 71-летний Добрица Чосич волею политиков, в чьих руках реальная власть, снова превращен в обычного пенсионера. Внешне это произошло неожиданно для всех. Даже для самого Чосича. Он узнал о своей отставке, сидя дома перед экраном телевизора и наблюдая, как обладающие большинством в парламенте социалисты и радикалы наносят ему один удар за другим. Примерно в час ночи председательствующий, подсчитав голоса, объявил об отставке. Сам Чосич назвал это «государственным переворотом».

Фактически судьбу Чосича предопределил тот же человек, который усадил его в кресло первого президента СРЮ, — Слободан Милошевич.

Когда в июне прошлого года над Белградом, зажатым тисками санкций, нависла угроза бомбардировок и весь мир осуждал Сербию, Чосичу была отведена роль громоотвода. Известный писатель, четверть века назад порвавший с коммунистами, Чосич пользовался большим уважением в мире. Немногие тогда вспоминали, что именно Чосич являлся духовным отцом политической концепции, взятой на вооружение Милошевичем.

Приняв предложенный пост, Чосич надеялся, что его влияние и авторитет среди населения окажутся решающими в любом конфликте, в любом споре. Он пытался играть роль сербского Будды, который стоит над борьбой и в состоянии рассудить своих заблудших детей и направить их на путь истинный. Но поза мудрого философа оказалась непригодной на политической арене, где требовалась реакция каратиста.

Когда на выборах в конце прошлого года Милан Панич потерпел поражение, будущее Чосича-президента было предрешено. На него сразу же обрушились радикалы Шешеля. Но тогда Милошевич не допустил падения Чосича. Он был ему еще нужен для ретуширования имиджа новой Югославии в мире.

Как справедливо заметил один из друзей Чосича, «у него было в руках больше власти и влияния, пока он сам не был у власти». Попытка

предпринять мало-мальски самостоятельные шаги во внешней политике стоила Чосичу президентского кресла. Он отыграл отведенную для него роль: будды на Балканах не приживаются.

Новый президент Югославии будет избран через месяц. Но уже сегодня всех волнует вопрос: как устранение Чосича скажется на развитии балканского кризиса, к которому приковано внимание всего мира?

Уход Чосича — безусловный шаг к дальнейшему укреплению личной власти Милошевича.

Пока в Белграде воюют политики, в Боснии гибнут женщины и дети

Президент примет любую волю народа

Лех Валенса убежден: кризиса не было и нет

Рудольф Борецкий,
собственный корреспондент
«Нового времени»

На пресс-конференции в Бельведере, устроенной по образцу вашингтонских (и дом белый, и лужайка подстрижена, и трибуна с гербом), Лех Валенса заявил категорически: «В Польше не было и нет кризиса». Слова явно были нацелены в нас, корреспондентов заграничных. Держался глава государства уверенно. Как победитель. А победителей, известно, судить трудно. И все же...

Страна пережила очень тревожный май. Газеты разносили по всему миру сообщения о забастовках и манифестациях «Солидарности», завершившихся требованием к парламенту выразить правительству Ханны Сухоцкой вотум недоверия. Сенсацией стало даже не то, что сейм проголосовал (с перевесом в единственный голос) за вотум, а окончательный раскол между славным профобъединением, свалившим коммунизм, и властью. Ее, «Солидарности», собственной властью.

Проще всего объяснить случившееся обкатанной формулой: одни,

их меньшинство, богатеют, к тому же путем несправедливым, другие, народ то есть, беднеют и терпеть дальше не могут. Значит, долой всех, кто правит, кто наверху. Между тем достоверные исследования социологов показывают, что не весь народ «терпеть дальше не может», что польское общество поделилось примерно на три равные части. Треть — спокойны и уверены в будущем, нашли свое место в новом социально-экономическом пейзаже. Треть — неопределившихся, все еще «ищущих себя» и колеблющихся между старым и новым. Наконец столько же — растерявшихся и растерявших былые блага и тоскующих по прежнему укладу.

Непредвзятому взгляду видно, как круто изменилась Польша за четыре года. Непрерывная, удушающая скачка инфляции остановлена. Национальная валюта, «мера всех вещей» в экономике, стала устойчивей и конвертируется. Рынок хотя и кусается, но радует глаз. Экспорт, как правило, превышает импорт. Наконец, реализуется программа всеобщей приватизации. Биржа ценных бумаг — акций польских предприятий — заработала так интенсивно, что даже закаленные западные маклеры диву даются. Словом, реформа пошла. Цена

Слободан Милошевич выиграл. Но выиграла ли Югославия?

он не менее умерен и прагматичен.

Чтобы стабилизировать свою власть и положение в стране, Милошевичу надо снять санкции, а сделать это он сможет, только сотрудничая с внешним миром. Может случиться так, что международное сообщество будет поставлено перед перспективой закрыть глаза на внутренние процессы в Югославии, если она станет выполнять предъявляемые к ней требования. Но все это из области предположений. Пока ясно одно: Милошевич, устранив Чосича, расчищает почву для своей новой политики.

Что это будет: жесткий режим? Поворот лицом к внешнему миру? Или и то и другое? Об этом сегодня знает только Господь Бог. И еще один человек.

Геннадий Сысоев,
собственный корреспондент
«Нового времени»

БЕЛГРАД

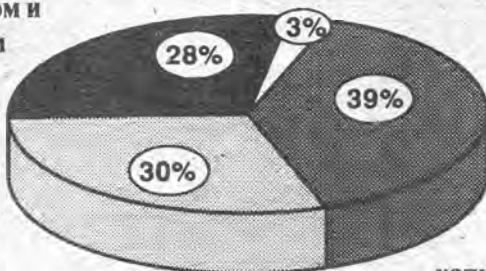
К какому строю должна стремиться Польша:

нечто среднее между
капитализмом и
социализмом

затрудняюсь
сказать

социалистическому

капиталистическому

Польская молодежь о положении в стране

Рисунок из журнала «Польша сегодня»

Знамя «Солидарности» Лех Валенса сегодня, похоже, сдает в архив...

ее, конечно, высока. И расплачиваться за тяготы, ошибки, неразбериху, злоупотребления, как нынешние, так и прошлые, приходится прежде всего все тому же «простому человеку труда». В первую очередь занятому в бюджетной сфере. Картина, в общем-то, знакомая для всего посткоммунистического пространства, и вопрос всюду возникает тот же: успеют ли реформаторы добиться реальных успехов прежде, чем чаша терпения переполнится?

В Польше, похоже, нашла коса на камень. Коса в руках лидеров «Солидарности» на твердую волю и аргументы правительства. Если бы исполнительная власть пошла на поводу требований профсоюза, дрогнула под напором забастовок — все свелось бы к печатанию пустых, не покрытых товаром денег. Налаженный с таким трудом товарный рынок рухнул бы, злотый покатылся вниз, и инфляция рванула вверх. Реформам был бы конец.

Смена исполнительной власти — это всегда задержка, если не стопор поступательного движения. Особенно только-только набирающего скорость. А правительство Сухоцкой, «договорное», составленное из представителей весьма искусственной парламентской коалиции, все десять месяцев своего правления пребывало в подвешенном состо-

янии. С огромным трудом скроенный бюджет на 1993 год, крайне скупой для непроизводительной сферы, все же позволял удерживать инфляцию в границах 3 процентов в месяц, а злотый защищать от девальвации. Требования «Солидарности» заведомо рушили это хрупкое равновесие. Президенту предстоял нелегкий выбор между породившей его «Солидарностью» и правительственным курсом. И президент выбрал: своим декретом он распустил парламент. Теперь до выборов нового, которые должны будут состояться уже в соответствии с новым законом, закрывающим непопулярным партиям дорогу в сейм, правительство может работать относительно спокойно.

Правда, по закону любые распоряжения главы государства становятся юридической нормой не тогда, когда они объявляются, но лишь с момента их публикации в «Мониторе» (аналог наших «Ведомостей Верховного Совета»). В этой связи поговаривали, что «непримиримая оппозиция» (лидер Соглашения центристских сил Ярослав Качиньский, бывший премьер Ольшевский и министр в его кабинете Мацеревич) может решиться требовать импичмента президенту, что они, дескать, вновь поднимут вопрос о его лострации как агента коммунистических спецслужб.

Но Валенса переиграл противников. В понедельник заработали типографские машины, и к концу дня тираж «Монитора» с указом о роспуске парламента был готов. Здание сейма, походившее в последние дни на дымящийся кратер вулкана, во вторник утром было пустынным и безлюдным. Извержение не состоялось.

Но не окажется ли победа президента пирровой? Ведь как-никак жертвой пал целый парламент. А это сотни людей, и среди них немало обескураженных, обиженных и раздосадованных. Да и «Солидарность» тоже чувствует себя обойденной, обигранной своим бывшим вожакom. Во всяком случае немедленной реакцией Общепольской комиссии профобъединения стало заявление о том, что го-

Ханна Сухоцкая и ее правительство получили передышку. Надолго ли?..

товность ко всеобщей забастовке не снимается.

Но сегодня Валенса — победитель. «Реформаторский блок будет иметь во мне союзника», — заявил он в телевизионном обращении к народу, — а если возникнет такая необходимость, то и лидера». В этом заявлении президент обнаружил уже не столько свое тактическое умение, сколько стратегические планы и намерения. Его пере-выборы — еще через два года. И если в новом парламенте ведущей окажется пропрезидентская коалиция, Валенса может рассчитывать быть переизбранным и на следующий срок.

А если нет? Весьма серьезные прогнозы не исключают и другую возможность. Авантюрная, обнаруживающая все более популистский крен, крайне правая Конфедерация независимой Польши, Союз демократической левицы (бывшие коммунисты), наконец, радикалы-антиваляновцы, идущие за Ольшевским, — все это силы заметные на политической карте страны. Не только история, но и текущая политическая практика уже знает немало примеров схождения, срастания крыльев — крайне правого и крайне левого антикоммунизма и неолешевизма. Хотя на словах ни капезновцы, ни «ольшевики» (название-то какое!) компрометировать себя контактами с левицей не хотят, на деле и лозунги, и требования, и программные заявления, и партийная тактика все более смыкаются.

Как сложится дальнейшая судьба страны, покажут выборы. А Лех Валенса на вопрос журналистов, что будет, если победят антиреформаторы, ответил коротко: «Как демократ буду вынужден принять любую волю народа».

ВАРШАВА

Ремонтно-строительная организация качественно, в сжатые сроки выполнит:

- герметизацию межпанельных швов,
- ремонт и окраску фасадов,
- ремонт мягкой кровли.

Заявки принимаются
по адресу: 111401,
г. Москва, а/я 37,
тел.: 171-48-41.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО "ОРИКС"

принимает заказы на изготовление следующего оборудования:

- экономичные камеры для сушки пиломатериалов (с использованием теплонасосной установки): потребляемая мощность (средняя) - 10 кВт; объем загрузки - 10 м куб; температура сушки - 35-40 °С; влажность конечного продукта - 8-10%;
- камеры для сушки грибов, овощей, лекарственных трав, вяления рыбы (объем 1,5 м куб и более);
- модуль обработки воздуха с теплонасосной установкой для модернизации действующих сушильных камер различного назначения (модуль позволяет более чем в два раза снизить энергопотребление камер);
- переоборудование имеющихся у заказчика помещений в холодильные (морозильные) камеры;

КРОМЕ ТОГО, МЫ МОЖЕМ:

- отремонтировать Ваше компьютерное оборудование;
- перевести с иностранных языков;

А ТАКЖЕ РЕАЛИЗУЕМ:

- комплекты аккумуляторных батарей 28 ТНЖ-250-У2 для напольного электротранспорта;
- гидрокомпенсаторы зазоров клапанов для двигателей автомобилей ВАЗ 2101-2107.

Тел.: (812) 355-83-36, 355-83-28, факс: (812) 311-22-06.

НОВЬ

Господа предприниматели!

Фирма "НОВЬ"

имеет честь предложить Вам:

РАЗРАБОТКУ фирменного стиля с регистрацией товарного знака;

ИЗГОТОВЛЕНИЕ оригинальных визитных карточек и бланков, календарей, плакатов, буклетов, рекламных ручек, пакетов, брелоков, значков, сувенирных карт, упаковки и т. п.;

ОФОРМЛЕНИЕ оригинал-макетов для любой печатной продукции;

РАЗРАБОТКУ и ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВЫВЕСОК.

Тел.: 200-31-68

«Репсы» атакуют справа

Дмитрий Погоржельский,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Ж

урналист из России?
Как интересно! Что
же привело вас к
нам?

Элегантно оде-
тый, аккуратно по-
дстриженный, весь-
ма респектабельный

господин средних лет встретил меня на пороге боннского отделения партии, которая именует себя «республиканцы». В последнее время эта в общем-то малочисленная партия вызывает все больше беспокойства у политического истеблишмента Германии, поскольку набирает очки, становясь все более заметной и даже популярной.

— Подозреваю, что вас не балуют визитами иностранные журналисты, — начал я, когда мы расположились для беседы.

— Нет, отчего же, захаживают. — Мой собеседник был крайне любезен, даже мил. — Однако средства массовой информации пытаются представить в неверном свете нашу деятельность, цели. Нас считают «праворадикальной опасностью». Но это совершенно неверно. Просто мы откровенно говорим о тех вещах, о которых думает подавляющее большинство немцев, но почему-то не решаются говорить «большие» партии.

Я было приготовился выслушать нечто новое от респектабельного господина. Но, вопреки ожиданиям, услышал набор стандартных фраз о засилье иностранцев в Германии, о европейской бюрократии, о том, что пора прекратить тыкать немцев носом в их собственное прошлое.

Затевать дискуссию не имело ни малейшего смысла. Мой собеседник реагировал на мои замечания как на легкий ветерок в тихий вечер — он их просто не замечал, продолжая свою неостановимую тираду. В ней нашли отражение реальные страхи, не дающие покоя рядовому бюргеру. Она была наполнена популистской фразеологией, до боли знакомой из речей иных отечественных политиков, радеющих «о благе народном».

Ошибка покойного Штрауса

Непосредственной причиной возникновения «республиканцев» стал десятимиллиардный кредит, который летом 1983 года дал режиму Хонеккера Баварский земельный банк под правительственные гарантии. Кабинет пошел на этот шаг после настоячивых уговоров ныне покойного лидера ХСС, многолетнего премьер-министра Баварии Франца Йозефа Штрауса. Он действовал на свой страх и риск, не советуясь ни со своей собственной партией, ни с партнером по коалиции ХДС, и вел

«Германия для немцев» —
главное кредо
«республиканцев»

**Даже прочные
демократии
оказываются
уязвимыми
перед напором
популизма**

переговоры с доверенным лицом Хонеккера Александром Шальк-Голодковским, а потом и с самим генсеком СЕПГ летом 1983 года.

В своих мемуарах Штраус напишет позже, что сделал это, дабы лишить своих политических противников козырей — они не смогут утверждать, что он противник разрядки. Кроме того, рассчитывал Штраус, таким образом появится большее пространство для маневра «правее ХСС». Однако сам того не ожидая, он стал невольным отцом «республиканцев» — партии, возникшей именно правее ХСС.

Двое депутатов бундестага от ХСС Франц Хандлоз и Эккехард Фогт порвали с Христианским социальным союзом после многолетнего в нем пребывания. Оба политика не захотели более «терпеть демократию одного человека в партии» и нести ответственность за тот самый кредит. Вместе с тележурналистом Францем Шенхубером 27 ноября 1983 года они возвестили о создании собственной партии. «Республиканцы» поставили своей целью к земельным выборам 1986 года собрать под свои знамена представителей консервативного лагеря как внутри ХСС, так и вне его. Не заставили себя ждать и союзы изгнанных, некоторые прочие малозначительные группировки и движения, столпившиеся на правой половине политической сцены страны.

Однако глубинные причины возникновения «республиканцев», которых именуют сокращенно «репс», кроются в изменениях, которые произошли к началу 80-х

в партийно-политическом ландшафте страны. После прихода к власти коалиции христианских партий и либералов правое крыло ХДС/ХСС, реваншистские и праворадикальные группировки стали

требовать от нового кабинета «истинного духовного поворота». Что применительно к внутренней политике означало требование прекратить разговоры об исторической вине немцев за преступления второй мировой войны. А ко внешней — жесткую линию на конфронтацию, отказ от «восточной политики».

Но по законам политической логики пришедшие к власти партии неизменно сдвигаются к центру, какие бы радикальные требования они ни выдвигали накануне выборов. Точно так же кабинет ХДС/ХСС — СвДП не оказался исключением и по крайней мере во

внешней политике продемонстрировал преемственность, в том числе по отношению к Восточной Европе. Не претерпела драматических изменений и внутривнутриполитическая жизнь.

Поэтому крайний правый фланг ХСС и ХДС, прежде выступавший с позиций правоконсервативного мышления, но не против собственных партий, понял: «духовного поворота» не произойдет. И правый консерватизм обрел свои новые черты в облике «республиканцев».

Тем самым был опровергнут тезис, который отстаивал Штраус, — правее ХСС не может возникнуть легитимной партии.

Известный в Баварии тележурналист Шёнхубер одержал первую победу и стал единовластным лидером новоявленной партии.

Ему, правда, не удалось привести «республиканцев» к победе на выборах — партия собрала всего три процента голосов и оказалась вне земельного парламента. Тем не менее ее предвыборные собрания и митинги собирали немалое количество благодарных и даже восторженных слушателей. «Республиканцы» активно эксплуатировали две главные предвыборные темы — строительство АЭС в Вакерсдорфе и политика по отношению к иностранцам. Но они пошли дальше и выдвигали требования большей честности в политике, протестовали против про-

дажности и коррупции иных политиков, страстно агитировали за то, чтобы прекратить «преодоление прошлого», и призывали к «здоровой национальной гордости».

Уже тогда становилось ясно, что «республиканцы», несмотря на недобор голосов, далеко не исчерпали своих возможностей. Они продолжают активно агитировать, выступая выразителем интересов не каких-то определенных слоев общества, а всех недовольных, обделенных. И не без успеха. Шёнхубера и его откровенно популистские речи все чаще встречают бурными овациями.

«Пока в них можно стрелять...»

Неудача в Баварии вовсе не обескуражила «республиканцев». Им становится тесно в крупнейшей земле ФРГ. Они начинают создавать свои организации в других землях страны. Под их знамена перебегают политики даже из «демократических» партий, приходят довольно известные высокие военные чины. Все это придает партии некий флер серьезности и повышает ее репутацию в глазах определенных слоев немецкой общестственности.

Этот флер сыграл свою роль на выборах в берлинскую палату депутатов в январе 1989 года — «республиканцы» получают 7,5 процента голосов. Затем следует серия «побед» — они смогут делегировать своих представителей в коммунальные органы управления в Гессене, Рейнланд-Пфальце, Северном Рейне-Вестфалии. И, наконец, получат 6 мандатов в европейский парламент, набрав 7,1 процента голосов в ходе выборов летом того же года. Шёнхубер, естественно, среди шести избранных.

После этого успеха «республиканцы» неожиданно оказались как бы в тени. Стремительные события 1990 года, объединение Германии, за которое они рьяно выступали, окончание «холодной войны» на некоторое время отодвинули на второй план многие проблемы, которые составляли «конек» республиканской пропаганды.

Эйфория, царившая в обществе по поводу сбывшейся мечты всех немцев, длилась, однако, недолго. Когда стало ясно, что проблемы не только никуда не делись, а просто временно отодвинулись, чтобы вернуться в еще больших масштабах, «республиканцы» снова подали свой голос. Прежде всего, спекулируя на проблеме сотен тысяч ази-
лянтов — тех, кто ищет поли-

тического убежища в Германии. Собственно, эта тема — из обязательного арсенала «республиканцев». Но именно она наряду с экономическими трудностями вышла на первый план в последние два года. И, бесцеремонно оседлав ее, «республиканцы» смогли триумфально въехать в ландтаг Баден-Вюртемберга, набрав почти 11 процентов голосов и став крупнейшей оппозиционной партией, а также добиться успеха на коммунальных выборах в Гессене весной этого года.

Здесь «республиканцы» не брезгуют никакими методами, обостряя и без того болезненную проблему, превращая иностранцев в «козлов отпущения», виновных в сегодняшних сложностях. Они требуют отмены 16-й статьи конституции, которая гарантирует право на убежище. Компромисс, которого с таким трудом достигли в конце мая коалиция и оппозиция, их не устраивает.

На одном из предвыборных собраний «республиканцев» в Баден-Вюртемберге некий Герд Зельбах, представившийся «экспертом ООН», так ответил на вопрос, что он думает о национальных меньшинствах в Германии: «Пока в них можно стрелять, я не имею ничего против». И сорвал аплодисменты. Председатель «республиканцев» Шёнхубер призывает «не делать уголовников» из «бритоголовых»,

Неонацисты проявляют неприязнь ко всему чужому. В нем они видят угрозу «немецкой идентичности»

которые нападают на приюты азы-лянтов и беженцев, учиняют погромы и поджоги.

Естественно, что наряду с турками, иранцами, африканцами и прочими иностранцами, ищущими убежища в Германии, злом, с точки зрения «репсов», являются и евреи. И как бы ни пытались высшие бонзы «республиканцев» дистанцироваться от откровенно антисемитских выпадов своих «товарищей по партии», антисемитизм — неотъемлемая составная их политического кредо.

Отсюда и попытки оправдать уничтожение миллионов евреев в годы нацизма и второй мировой войны. В своей книге, вышедшей шесть лет назад под броским заголовком «Вопреки всему — Германия», Шёнхубер, по сути, пытается оправдать преступления гитлеровцев. Неоднократно в своих интервью он называл Центральный совет евреев Германии «пятой оккупационной державой». При этом непременно добавляя, что он противник антисемитизма. Политолог из Берлина Хайо Функе, проанализировавший программные установки «республиканцев», пишет: шёнхуберовский послевоенный антисемитизм направлен против основ еврейского существования в Германии.

«Европа — да. ЕС — нет!»

Под таким лозунгом выступали «республиканцы» в 1989 году на выборах в Европейский парламент. И добились успеха.

В их арсенале набор гневных филиппик в адрес ЕС, которое, по мнению «репсов», лишь вредит Германии. «Членство Германии в Европейском сообществе необходимо пересмотреть», — призывали на своих митингах политики от «республиканцев», постоянно подчеркивая приоритет национальных интересов Германии. Как и прочие правопопулистские партии в других странах Европы, «республиканцы» категорически против европейского политического союза.

В списках неугодных числятся «республиканцы» и НАТО во главе с американцами, которых ненавидят как представителей оккупационной державы. «Эти американские воспитатели, — возмущался Шёнхубер, — ответственны за духовное и политическое убожество в Германии. Оккупанты — вон! Нам не нужны ни красные, ни американские защитни-

ки». Если с «красными» после объединения вроде бы все ясно, то с войсками США на немецкой территории Шёнхубер будет сражаться столь же непримиримо, как и прежде.

Впрочем, не милы их сердцу и все другие международные организации, в которых состоит Германия.

Исследователи «республиканского феномена» считают, что в этом отношении к международным институтам, равно как и к иностранцам в Германии, проявляется неприязнь ко всему чужому. В нем «республиканцы» видят угрозу немец-

— все они стали фактором политической жизни своих стран, а может быть, даже и всей Европы. Недаром социологи поговаривают о пришествии «десятилетия правого популизма».

Это объясняется утратой привлекательности крупных партий для избирателей в целом. Конкуренты же в лице правых радикалов тут как тут. Причем они стараются создать себе плацдарм не путем декларирования неких новых особых ценностей или выдвижения выдающихся личностей, а формулируя и артикулируя размытое недовольство, на-

растающее в обществе, хватаются за популистские лозунги, применяя их в борьбе с «теми, кто там наверху».

В Германии кризис партийно-политической системы, вызревавший несколько лет, с необычайной наглядностью проявился во время и после объединения страны. «Маленький человек», сталкивающийся с проблемами, видит неспособность крупных партий совладать с ними, перестает верить бесконечным обещаниям политиков, стоящих у государственного руля. Ему нет дела до того, что возможности политиков тоже ограничены и не всегда получается разубить

целую связку гордих узлов одним ударом.

В такой ситуации можно было ожидать прироста в стане «республиканцев» за счет новых, восточных земель, куда они ринулись сразу же после крушения Берлинской стены. Однако этого не происходит. «Репсы» черпают пополнение по-прежнему на западе страны — прежде всего в южной ее части, в основном среди молодежи.

Будущее «республиканцев» зависит от нескольких факторов. В партии налицо «разброд и шатания», столкновение амбиций, а подчас и непримиримые противоречия. Несмотря на все попытки сделать партию более «салонной», коалиция с ними крупных партий исключена, даже если «республиканцам» удастся прорваться в бундестаг.

Однако самое важное, видимо, все-таки, насколько смогут традиционные партии совладать с проблемами, предложить избирателям четкую программу выхода из экономического и социального кризиса, в котором находится Германия. Пока они этим не радуют. И потому снова популярны праворадикальные лозунги.

БОНН

Фото ТАСС и из журнала «Штерн» (Германия)

Немецкие демократы выступают против деятельности «репсов», представляющей опасность для демократического строя в Германии

кой нации и «немецкой идентичности».

Не так страшен черт?..

Ученые, занимающиеся «республиканцами», расходятся во мнении, какое место в политическом спектре Германии занимают «республиканцы». Одни считают, что партия праворадикальная, даже правоэкстремистская, поскольку у нее немало общего с неонацистской идеологией и группировками. Другие полагают: «репсы» — национал-популистская партия правой ориентации. Мне кажется, что этот научный спор не имеет принципиального значения. Едва ли учитывало его Федеральное ведомство по охране конституции, принимая решение взять партию под наблюдение как представляющую опасность для демократического строя.

Куда важнее тот факт, что «республиканцы» набирают очки, завоевывая все новых сторонников. И не только в Германии. Их духовные братья, как бы они ни назывались, — «Национальный фронт» во Франции или «Народная партия» в Австрии, «Лига Ломбардии» в Италии или «Фламандский блок» в Бельгии

ОСВОИТЬ РЫНОК ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВАМ ПОМОЖЕТ РЕКЛАМА В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ "МОЛОДОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИК"

Наш тираж не меньше, чем у других дальневосточных изданий, а расценки на рекламу значительно ниже.

Приглашаем к сотрудничеству рекламодателей и рекламных агентов.

НАШ АДРЕС: 680000, г. Хабаровск,
ул. Гоголя, 21.

Телефоны: (4210) 33-10-64, 33-45-33, 33-50-82.

Факс: (4210) 33-27-05.

Изготовим
липкую

АПЛИКА

рекламу,
бирки,
этикетки,
наклейки,
товарные
знаки
и т.д.

ЦИЮ

Разработаем
фирменный и
рекламный
стиль.

Тел.
202-50-66

Научно-производственное
предприятие "Экон"
предлагает:

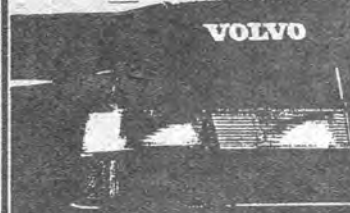
ЭКОН

- поставку оборудования для локальных вычислительных сетей (ЛВС);
- монтажные работы, генерация и администрирование локальных сетей "под ключ";
- программное обеспечение по всем аспектам административно-хозяйственной деятельности предприятий, в том числе и для применения в составе локальных сетей;
- разработка специализированного программного обеспечения для автономного и сетевого использования;
- реализация автосамосвалов марки "ЗИЛ-ММЗ".

Тел. (095) 208-40-02

Организация
предлагает
автомшины

"VOLVO 350 GLE"

(базовая модель)

со склада в Москве.

Гарантия 1 год.

Форма оплаты

любая.

Возможна поставка

любых моделей

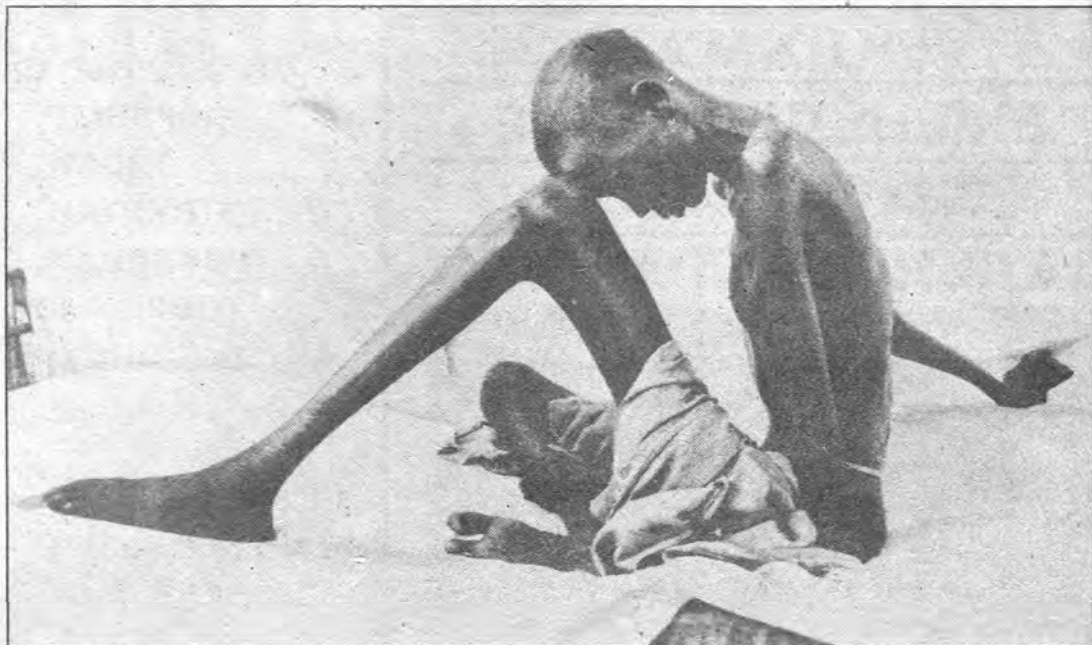
в течение месяца.

Тел.:

(095) 928-58-76, 200-60-29.

Детство по имени Голод

Продовольствия в стране катастрофически не хватает ни мусульманам, ни христианам, которые тем не менее готовы драться друг с другом «до победного конца»

Яков Боровой

Африканские племена на юге Судана дважды «провинились» перед центральным фундаменталистским правительством в Хартуме. Они в отличие от арабов черные, да к тому же христиане.

Смерть в тукуле

Детям в христианских семьях на юге Судана в последнее время дают странные имена. Ю-Эн (сокращенное английское название Организации Объединенных Наций), Лайф (жизнь)... Но чаще всего детей называют Хангер (голод).

Чернокожие живут в тукулах — хижинах, сделанных из толстых веток и соломы. Все крепкие строения времен турецкой и британской администрации превратились в руины. «Артерию жизни», по которой могла бы поступать продовольственная помощь от богатых западных единоразовцев, регулярно перерезают правительственные войска. Каждый день и взрослые, и дети ждут белые самолеты. «Инопланеты» — представителей гуманитарных организаций — здесь почитают наравне с христианскими святыми. Те, кому повезет, наполнят зерном свои калabasы — сделанные из соломы котомки. Другие, менее удачливые подберут зерно в песке. Неудачникам не достанется ничего.

Гибнут дети с раздувшимися от голода животами.

Матери отдают еду только тем, кто посильнее. На остальных не стоит тратить драгоценное зерно — они все равно обречены.

Около восьми миллионов жителей Южного Судана — примерно треть населения страны — находятся под угрозой голодной смерти.

Кто эти люди? «Мы суданские негры, верующие в Иисуса Христа, — говорит один из лидеров повстанцев Эльях Хон. — Для того ли мы родились, чтобы смотреть, как наших детей превращают в арабов?» Эльях Хон — дипломированный специалист в области искусства и лингвистики, закончил Каирский и Бейрутский университеты. Но сегодня он полковой командир Народно-освободительной армии Судана (НОАС). Красные генеральские погоны нарисованы у него на кителе от руки. За его спиной стоят повстанцы, они молодые, одеты в лохмотья, в руках у них допотопные «калашниковы», явно побывавшие в нескольких африканских войнах. Впрочем, есть у них на вооружении и минометы, и базуки, и пулеметы... Но куда им до правительственных войск, вооруженных танками, бомбардировщиками, ракетами... К тому же в суданской армии служат инструкторы из Тегерана и Багдада...

Часы с портретом

1 января 1956 года. Рождение республики Судан. К власти в огромной (самое крупное по территории государство в Африке), отсталой, этнически неоднородной (арабы-мусульмане составляют чуть более пятидесяти

процентов населения) стране приходит бюрократическая каста, связанная с племенной и феодальной аристократией, торговой буржуазией, английским капиталом.

Экономическое положение ухудшается, катастрофически снижается жизненный уровень населения.

Октябрь 1964 года. Установлено гражданское демократическое правление. Но «вестминстерская система» не срабатывает. В экономике дела обстоят все хуже и хуже. Некомпетентность и неэффективность демократов очевидны. Коррупция. Обещанной социальной справедливости нет и в помине.

Май 1969 года. Военный переворот. Полковники решительно отказываются от «вестминстерской системы». Они провозглашают курс на социалистическую ориентацию. Председателем правящего Революционного совета становится молодой генерал Джафар Нимейри. Происходит поляризация сил. Националисты толкают честолюбивого и властолюбивого генерала подальше от социализма.

Июль 1971 года. Нимейри свергнут, но... всего на три дня. Далее следует жестокая расправа над бунтовщиками. Новая ориентация: на капитализм внутри страны, на сближение с Соединенными Штатами на внешнеполитической арене. В стране установлена диктатура. Диктатор, лишенный каких-либо позитивных идей, живет в вечном страхе перед новым переворотом, занят перетасовкой руководящих кадров. Между тем экономика развалена, всюду хозяйственная разруха. Очень высок

уровень инфляции. Внешний долг достиг отметки в 9 миллиардов долларов. Огромные средства, полученные от международных благотворительных организаций, тратятся впустую. Считается, что почти 75 процентов кредитов вообще не доходили до тех объектов, для которых они были предназначены. Чтобы отпраздновать пятнадцатую (и последнюю) годовщину своего прихода к власти, Нимейри заказал в Швейцарии на сумму в 156 тысяч долларов три тысячи часов со своим портретом и раздал их в качестве подарков; все расходы, разумеется, были отнесены за счет государства.

В 1983 году, провозгласив «юридическую революцию», Нимейри установил в стране исламское законодательство, ввел в силу положения шариата. В Судане началась исламизация. За воровство отрубали руки. Но, главное, под лозунгом «исправления нравов и защиты веры» удалось обрушить репрессивный аппарат на инакомыслящих. Тем не менее «юридическая революция» не спасла диктатора.

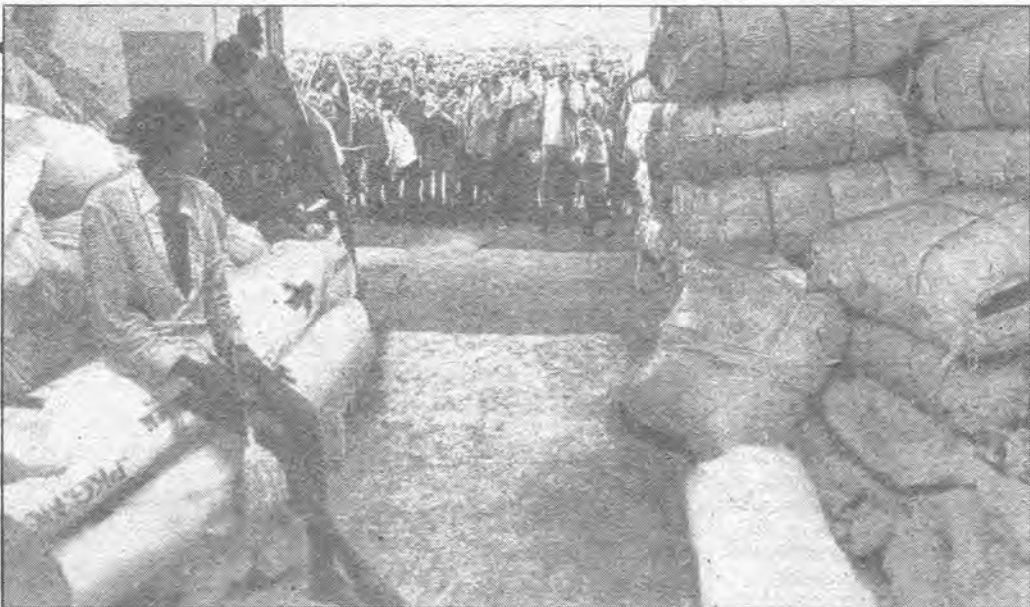
Жить по Хомейни

6 апреля 1985 года старшие офицеры отстранили от власти Нимейри. Об этом диктатор узнал, возвращаясь из поездки в США, в каирском аэропорту от президента Египта Мубарака. К власти пришло гражданское правительство Садыка аль-Махди. Но новая демократия не смогла решить ни одной экономической проблемы. Еще одна попытка установить в стране гражданское правление потерпела фиаско.

30 июня 1989 года к власти в Судане пришла военная хунта, возглавляемая генералом Омаром Хасаном Ахмедом аль-Баширом. «Ночной переворот» совершил Национальный исламский фронт — партия суданских фундаменталистов. Омар аль-Башир с гордостью провозгласил, что Судан намерен «жить по Хомейни». Цель — создание общества, основанного на исламских ценностях и живущего по исламским законам.

На практике это означало развязывание террора внутри страны. Всевластие сил безопасности, где многие палачи обучались применению пыток в Иране. Совет командования революции национального спасения объявил войну коррупции и контрабанде. Она свелась к запрету гражданам иметь иностранную валюту. Государственный аппарат стал объектом чисток. Прежде всего были уволены демократы, а затем и все те, кто просто выступал против чрезмерного религиозного фанатизма. Их место заняли фундаменталисты — «братья по вере».

В Судане началась кампания исламизации по иранскому образцу. Пре-

Зерно, поставленное в страну гуманитарными организациями Запада, достанется только тем, кто посильнее

следованиям подвергались не только инакомыслящие, а практически все образованные люди. «Политические контролеры» зорко следили за строгим исполнением законов шариата. Те, кто не последовал призывам молиться по пятницам, а также владельцы магазинов и другие люди, не прекратившие работу в этот день, подвергались публичной порке кнутом или забивались на людном месте камнями. Женщинам было предписано облачаться в паранджу. Им запретили заниматься торговлей, работать по найму, учиться в высших учебных заведениях. На общественном транспорте была введена сегрегация: женщинам разрешено входить лишь в переднюю дверь, а мужчинам в заднюю. Трибуналы общественной безопасности подвергали провинившихся порке.

После «ночного переворота» были закрыты все суданские газеты. Многие журналисты брошены в тюрьмы. Иностранным корреспондентам, поголовно обвиненным в «пособничестве сионистам», доступ в страну был заказан.

Поддержав Ирак во время войны в Заливе, Судан посорился со многими арабскими государствами. Зато стал центром «Исламской международной организации». Ее генеральным секретарем был избран суданец Х. ат-Тураби, он же лидер Национального исламского фронта, фактически верховодящего в Судане.

Но исламизация, расцениваемая властями Хартума как панацея от всех бед и напастей, не спасла страну от экономического коллапса. При фундаменталистах Судан превратился в крупнейшего должника Международного валютного фонда. Валовой национальный продукт ежегодно уменьшается. Инфляция достигла отметки в 150 процентов в месяц. В стране нет иностранной валюты, ибо практически отсутствует импорт.

Лозунги режима: «Опора на собственные силы», «Едим то, что сеем;

одеваемся в то, что производим» — оказались утопическими. Стало нечего есть и не во что одеваться. Но суданские лидеры — гордые люди. Они наотрез отказываются от помощи Запада. «Мы не хотим, чтобы наши люди зависели от иностранной помощи. Наш опыт свидетельствует о том, что те люди, которые зависят от помощи, становятся ленивыми. Мы же хотим, чтобы они работали, производили товары и продовольствие», — говорит министр культуры и информации Судана Абдалла Мухаммед Ахмед.

По ту сторону реки

И при демократах с их приверженностью к «вестминстерской системе», и при Нимейри, когда он уповал на социалистический путь развития и когда отказался от него, и при исламских фундаменталистах, правящих ныне в Хартуме, южане подвергались дискриминации. Любой новый режим начинал с того, что призывал «забыть прошлое и провести диалог по устранению религиозного и кланового господства». Но прошлое не забывалось, а вместо диалога начинался новый виток напряженности.

В южных районах Судана, по ту сторону реки Бахр-эль-Араб, живут не арабы, а негроидные народы, так называемые нилоты, исповедующие либо христианство, либо анимистские культы. Не только по религии, но и по языку и культуре южане отличаются от северян. Юг — наиболее отсталая часть Судана. Уровень жизни здесь традиционно значительно ниже, чем на Севере. Северяне всегда рассматривали Юг как второстепенный придаток, а на жителей этих районов смотрели свысока, с пренебрежением, как на дикарей. Юг мусульмане презрительно называют «черным поясом».

С немусульманами обращаются в Судане как с гостями в их собственном доме. Дискриминация при приеме на учебу и на государственную

службу, отсутствие реальных возможностей участвовать наряду с северянами в управлении страной, засыле выходцев с Севера в аппарате администрации южных провинций — вот те причины, которые привели к нескончаемой гражданской войне, длящейся практически с обретения Суданом независимости. В топку войны на Юге регулярно выбрасывается по миллиону долларов в день. Даже малая часть этих денег могла бы спасти от голодной смерти треть населения страны. Но враждующие стороны не идут ни на какой компромисс, действуя по принципу «борьба до победного конца». То есть до последнего мусульманина, последнего христианина...

Дискриминация христиан и язычников достигла своего апогея при нынешнем правлении фундаменталистов. По сути, сегодня идет джихад (священная война) против неверных. Теперь детей из нилотских племен продают в рабство, насильно превращают в мусульман, кастрируют, выжигают клейма на теле... Известно, что арабы есть и у шефа хунты Омара аль-Башира. Суданские правительственные войска принимают участие в массовых убийствах, похищении людей и поставках невольников в Ливию.

Проводится насильственная арабизация населения. Христианам, принявшим ислам, предоставляются льготы. Солдат-аравов поощряют к тому, чтобы они женились на захваченных ими в плен женщинах-нилотках. Тем солдатам, у которых от подобных браков есть дети, выдают специальное вознаграждение.

Глава военной хунты Омар аль-Башир каждый новый год объявляет решающим для разгрома «мятежников». Но войне не видно конца.

Не арабы и даже не мусульмане

Во главе повстанцев из Народно-освободительной армии Судана находится полковник суданской армии Джон Гаранг. Выходец из нилотского племени динка. Христианин. Гаранг прекрасно образован: учился в США, имеет кроме высшего военного образования степень доктора экономики.

Он выступает прежде всего за отмену шариата как единственно действующей в стране системы законов. «Шариат — это религиозный аппарат к немусульманской части населения страны», — подчеркивает руководитель НОАС. Повстанцы ратуют также за возвращение к многопартийной демокра-

Лидер Народно-освободительной армии Судана Джон Гаранг и его войско

тии, проведение всеобщих выборов, накопцев, за определение статуса Юга страны с учетом законных прав населения этого региона... Одним словом, повстанцы выступают за создание светского демократического государства по обоим берегам Бахр-эль-Араб. Что касается федеративного устройства государства, то это, согласно взглядам Гаранга, означает следующее: на территории нынешнего Судана возникают два автономных образования, каждое из которых живет по собственной конституции, но при этом существуют единое правительство и единая система обороны. Такая политическая программа приходится по душе и многим оппозиционным кругам на Севере, которые видят в НОАС единственную силу, способную принести демократию в Судан.

В то время как весь Судан превратился в международную парию, в «африканский Иран», Гарангу и его войску помогают западные державы (хотя, впрочем, больше на словах, морально), а также Израиль, африканские государства Кения и Заир. После свержения режима Менгисту в Эфиопии (май 1991 года) положение повстанцев, ранее контролировавших до 90 процентов территории на юге Судана, резко ухудшилось. Ведь они использовали эфиопские земли в качестве плацдарма для военных вылазок против правительственных войск.

Курс Гаранга на установление демократического строя во всем Судане, против раздела страны на мусульманский Север и христианский Юг, а также военные неудачи по-

следних лет, в свою очередь, привели к расколу в рядах партизан.

Диссиденты стали выступать с призывом о создании христианского государства Южный Судан. «Для нас нет и не будет места в исламском государстве, — заявляют раскольники. — Мы ведь не арабы и не мусульмане. Мы иностранцы в собственной стране. Много лет мы призывали к единству, но наши усилия были отвергнуты».

Лидером сепаратистов выступает 40-летний Рейк Машер. Он окончил университет. Ходит по английской моде колониальных времен со стеком из слоновой кости. На голове — пробковый шлем. У него роскошная тукула, в которой он живет с женой — молодой англичанкой Эммой. Машер уже примеряет на себя костюм первого президента христианского государства Южный Судан.

Кровавые стычки время от времени сменяются переговорами. Но все они в конечном счете заканчиваются провалом. Политические амбиции берут верх над здравым смыслом. Международные посреднические инициативы также терпят фиаско. Официальные власти выступают против «интернационализации конфликта и вмешательства в него внешних сил».

А между тем на юге Судана, в краю черных христиан и язычников, смерть от голода лишает ее жертв даже могил. Мертвых выносят за пределы поселка и кладут в колючий кустарник к великой радости грифов и гиен. Эльях Хон риторически вопрошает: «Сколькими трупами еще накормят грифов, прежде чем будет проведена международная операция типа сомалийской?» А пока что нет даже саванов для погребения в этом краю африканского краснотела.

Фото из журналов «Шпигель» (Германия) и «Жен Африк» (Франция)

СЕРЬЕЗНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМ!

С 23 по 25 июня в Государственном зале "Россия" пройдет 2-й Международный конгресс "Малое и среднее предпринимательство России". В работе конгресса примут участие более 2000 человек.

Это предприниматели, хозяйственные и банковские деятели, представители международных экономических и финансовых организаций, из них около 300 представителей зарубежных фирм.

Реклама, представленная на конгрессе - это информация, размещенная в кругу заинтересованных лиц, прежде всего это возможность заключения долгосрочных взаимовыгодных контрактов и установления надежных партнерских связей с российскими и зарубежными предпринимателями, ее результативность проверена практикой предыдущего конгресса.

Наши телефоны: 200-2110,
209-9612, 209-7301, 200-4223.
Факсы: 209-5178, 200-4192

Международное агентство "Русская Пресс Служба"-

официальный представитель по размещению рекламы на конгрессе - предлагает •размещение рекламного щита, •раздачу рекламных листовок, буклетов вашей фирмы всем участникам конгресса, •размещение стенда, •организацию выставок ваших товаров и услуг, •место под торговую точку, •размещение щитовой конструкции перед входом в концертный зал, •возможность интервью о вашей фирме по центральному ТВ в программах "Новости", "Вести", в других передачах, освещающих конгресс.

Мы готовы рассмотреть любые ваши предложения по представлению вас на конгрессе.

209-95-81
209-76-52
200-21-10

RUSSIAN
PRESS
SERVICE

Шейх-вольнодумец

**В гостях у друзей.
Часть из них служит в
израильской армии и
не считает себя
коллорабационистами**

Елена Супонина

Приняв из рук шейха миниатюрную чашку крепкого горького кофе с кардамоном, я не удивилась, что перед тем, как поднести ее мне, он сам отпил глоток: гость должен быть вполне уверенным в добрых намерениях хозяина. В далеком средневековье, бывало, и ядом потчевали. Вот и пошел обычай: угощавший сам пробовал напиток и уже потом передавал чашку дальше по кругу. Сначала — гостям, родным — в последнюю очередь.

Обвинен в симуляции падучей

А принимали меня друзья — одна из самых загадочных в арабском мире религиозных общин. Причем до сих пор ни востоковеды, ни мусульманские улемы, ни сами друзья не могут однозначно ответить на вопрос о том, можно ли называть друзей мусульманами.

Мне удалось добраться до одной из самых глухих деревень сирийской провинции Эс-Сувейда — Шбеки, где в основном живут друзья. Деревушка спряталась в затерянном горном уголке. Не всякий друг отважится туда подняться: в эту деревушку сосланы сирийскими властями шейх Абу Омар, за которым потянулись люди, решившие не покидать своего лидера. Шейх Абу Омар был обвинен в вольнодумстве, раскольнической деятельности, распутстве, колдовстве, черном знахарстве, в авантюризме и симуляции падучей.

Абу Омар оказался общительным и весьма подвижным пышноусым стариком. Он обильно цитировал «Послания мудрости» — священную книгу друзей. Мне, наслушавшейся про него несусветных разностей, на мгновение показалось, что его блестящие глаза, подведенные сурьмой, а оттого еще более пронзительные, видят меня насквозь. Говорят, что шейх-изгнанник обладает экстрасенсорными способностями. По крайней мере Абу Омар лечит людей. Видимо, это привлекло многих пошедших за ним.

Сначала пробует кофе хозяин...

— Друзьями нас называют неправильно, — сказал Абу Омар. Такое наименование утвердилось с XI века по имени проповедника из Персии Анаштакина Дарази. Он был проклят за попытку посягнуть на верховную власть. Кстати, и наша священная книга «Послания мудрости» написана тоже персом Хамзой бен Али. Мы не возражаем, когда непосвященные называют нас друзьями, а сами называем себя «объединившимися».

— Наши последователи рассеяны по всему миру, — продолжал шейх Абу Омар. — Не только в Сирии, Египте, Ливане, Иордании и в Израиле. Есть они и в Индии, и даже в России, но под другими названиями. Учение наше охраняется не только от чужих, но и от непосвященных своих, которых еще называют невеждами. Мудрые, допущенные к знанию, имеют свои степени посвящения. Самая высшая — шейх Разума.

Рассказывая об истории и обычаях друзей, шейх Абу Омар умалчал о принципе «такыи» (от арабского слова, означающего «охранять», «скрывать»). Друзья имеют право соглашаться на что угодно в религиозном споре, могут даже отказать от собственных убеждений — «полезно все, что на благо общине и вере».

С мегафоном на Голанских высотах

Несмотря на отдельные противоре-

чия, принцип дружеского единства не знает государственных границ. Как не вспомнить о Голанских высотах, вернее, о тех, кто там живет.

Из 300 тысяч населения этого оккупированного Израилем сирийского плато теперь абсолютное большинство составляют еврейские поселенцы, среди которых, говорят, есть 160 семей бывших советских граждан. До того как израильские войска появились на Голанах в результате «шестидневной войны» 1967 года, здесь проживало примерно 100 тысяч человек. Большинство из них бежали в арабские страны. Однако тысяч десять осталось. Почти все они друзья.

Время от времени они идут к границе с Сирией, зная, что по ту сторону их ждут друзья и родственники. С помощью мегафонов переговариваются с теми, кто живет в Сирии, шутят, плачут, шлют приветствия, но остаются на оккупированной земле своих предков. Приграничную зону они прозвали Долиной слез.

Как осторожно заметил в интервью одной арабской газете лидер дружеской общины на Голанских высотах 71-летний шейх Мухаммад Хасан ас-Сафди, кстати, десять лет назад даже угодивший в израильскую кутузку за призыв к экономической забастовке, вызванной недовольством налоговой политикой властей: «Президент Хафез Асад для меня — не Сирия, и сегодняшнее правительство в Дамаске никоим образом меня не представляет. Для меня Сирия — это народ и его земля».

Друзы живут и на территории самого Израиля и принимают его гражданство. Это вызывает множество споров в арабском мире. Некоторые друзы — активные участники палестинского сопротивления, но гораздо большее их число адаптировалось в Израиле. Друзы даже призываются в ряды израильской армии, и редко кто из них пытается уклониться от службы. Возможно, давние гонения на представителей общины выработали у них свою особую психологию. Может быть, поэтому они предпочитают быть с теми, кто сильнее?

Но есть и иное мнение: друзы настолько привязаны к своей земле, что оторваться от насиженных мест для них равносильно вселенской катастрофе. Большинство из них считает, что остаться было гораздо благороднее, чем отдать свою землю еврейским поселенцам. А оставшись, предпочитают ладить с властями.

Пятиконечную звезду — в каждый дом

Одним из крупнейших политических деятелей Ливана в 70-х годах был председатель Прогрессивной социалистической партии Ливана Камаль Джумблат, убитый в 1977 году неизвестными лицами. Он был друзом, и его партию считали в основном друзской. В одной из последних своих книг — «Завещание» — он упоминает о том, что «злопыхатели пытаются очернить честь друзов, используя при этом факт их пребывания в Израиле».

«Я бы хотел указать, — писал Джумблат, — что совсем недавно среди восьми тысяч мусульман, служивших в рядах израильской армии, было немало суннитов. Самое уди-

На мужской половине

вительное то, что именно сунниты неумолимо критикуют друзов, позабыв о себе. Это происходит потому, что их духовная доктрина учит замечать недостатки других, закрывая глаза на собственные, пусть более значительные».

В доме шейха Абу Омара мое внимание привлекло изображение пятиконечной звезды на стене.

— Это символ друзов, — пояснил шейх. — В любом жилище истинного друга увидите такой символ. Как видите, каждый ее луч окрашен в определенный цвет: зеленый — олицетворение Разума, красный — Души, желтый — Слова, белый — Настоящего, голубой — Прошлого.

Шейх Абу Омар рассказал мне о том, что друзы верят в переселение душ. После смерти душа человека переселяется в другого человека. Конечная цель таких реинкарнаций

— совершенствование человека, пока в итоге душа его не сольется с Богом. Некоторые люди помнят свои прежние жизни. Мне предложили побеседовать с пятилетним другом, который рассказывал, как он двести лет назад был служителем в буддийском храме.

Нет даже многоженства...

В ночь с четверга на пятницу только посвященные, как мужчины, так и женщины, собираются в молельном доме друзов — меджлисе, который на первый взгляд ничем не отличается от обычных сельских жилищ, разве что попросторнее.

Каких только историй не распространяли об их молельных домах. И что друзы поклоняются золотому тельцу, и что доводят себя до экстаза, а затем устраивают оргии. Ничего подобного у друзов нет. Им даже не дозволено, как у мусульман, многоженство. Внутри меджлисов имеется полотняная перегородка, которая отделяет женскую половину от мужской. Особо набожные друзы удаляются от мира и становятся отшельниками.

В каждом друзском доме, даже самом бедном, есть мадафа — специально отведенная для гостей комната-пристройка. Порой совершенно незнакомые путники находили приют в друзских мадафах. Тот, кто принимает гостя, не спрашивает имени странника, пока он не сочтет нужным представиться сам. Хозяин, стараясь не ударить лицом в грязь, преподносит пришельцу все необходимое. Однако гость, с другой стороны, становится как бы добровольным пленником хозяина. И если он знаком с обычаями, то должен, перед тем как покинуть гостеприимный кров, испросить на то позволения.

ДАМАСК—МОСКВА
Фото автора

Деревушка Шбека: за горой — Голанские высоты

Король ждет и надеется

Виктор Писмаров,
собственный корреспондент
«Нового времени»

После падения диктатуры Чаушеску в стране уже дважды состоялись парламентские и президентские выборы. Принята новая конституция, закрепившая демократическую республиканскую форму государственного устройства. Однако нет-нет да и раздаются призывы к восстановлению существовавшей до 1947 года конституционной монархии.

Тем более что экс-король Михай I еще жив и находится неподалеку, в Швейцарии. Эту идею поддерживают возродившиеся «исторические» национал-либеральная и национал-цэрэнистская, христианская и демократическая партии и новая либерально-монархическая партия и целый ряд других промонархических объединений. Участники антиправительственных митингов и демонстраций неизменно скандируют: «Король Михай!» Справедливости ради следует, правда, сказать, что они ратуют не столько за возвращение короля, сколько против нынешнего руководства страны.

Сторонники конституционной монархии исходят из убеждения, что создание постсоциалистического общества сопровождается столь резким обострением со-

Но ждет ли монарха румынский народ?

Король в изгнании

циальных и экономических проблем, что только монарх может подняться над амбициями противоборствующих политических сил, утихомирить страсти, обеспечить плановый ход реформ. Только монарх может придать стране международный авторитет и убедить мир, что с коммунизмом покончено раз и навсегда. При этом ссылаются на пример короля Испании Хуана Карлоса, наследника тысячелетней династии, вернувшегося на трон после смерти Франко и сумевшего проявить в трудных обстоятельствах качества подлинного государственного деятеля.

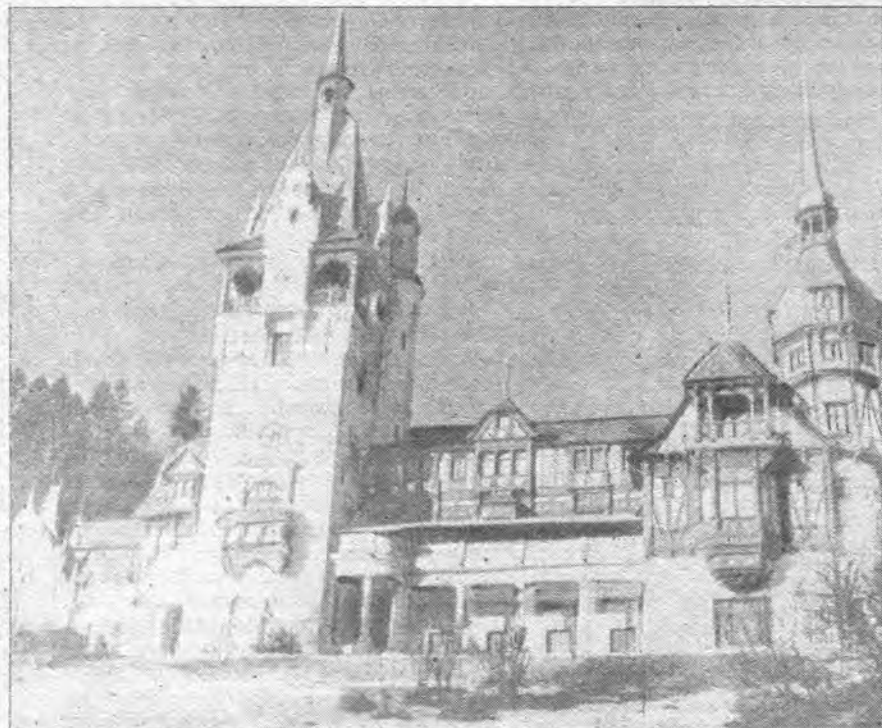
Михай – не Хуан Карлос...

Да и румынская династия не имеет столь долгой истории. Монархи здесь занимали трон лишь с 1866 по 1947 год.

После насильственного свержения князя Александру Иоана Куза, сумевшего с помощью России объединить в 1859 году освобожденные от турецкого ига румынские княжества Молдову и Валахию, заговорщики посадили на престол Карла Людвига Гогенцоллерна-Зигмарингена, отпрыска довольно захудалой боковой ветви прусского королевского рода, служившего в чине капитана в одном из гвардейских драгунских полков.

Прусский капитан, принявший имя Кароль I, и положил начало румынской династии. Ему наследовали Фердинанд I и Кароль II. Четвертым Гогенцоллерном стал ныне здравствующий Михай I.

Михай родился 8 ноября 1921 года от брака Кароля II с греческой принцессой Еленой. Через несколько лет его

Королевский дворец в Сигеу.
Сейчас это музей. А если вернется хозяин?..

отец, не отличавшийся строгостью нравов, покинул страну с любовницей, отказавшись от престола. Шестилетний Михай стал королем под опекой регентского совета. Говорят, что утром в день коронации он горько плакал, спрашивая мать: «Что значит быть королем? У меня заберут игрушки?»

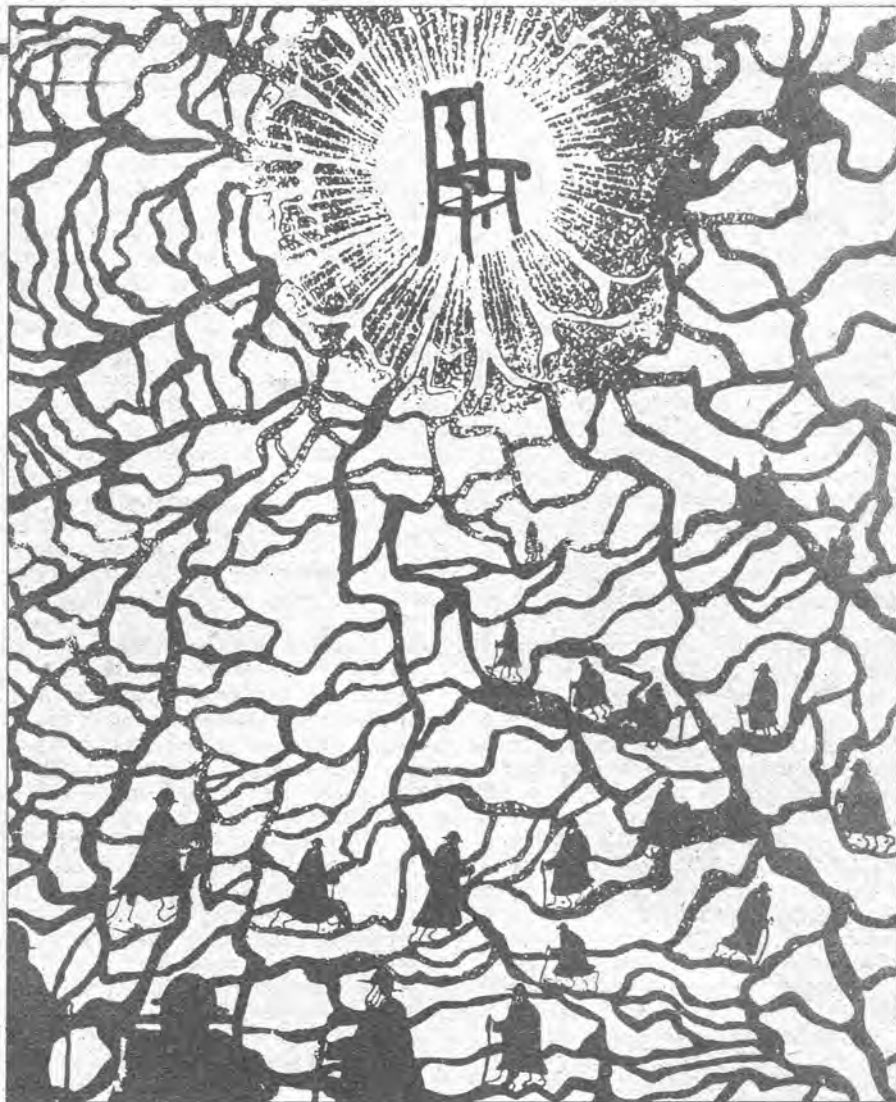
Первое «правление» Михая продолжалось всего три года. Оставив любовницу, Кароль II возвратился в Бухарест и вновь занял румынский трон. Во второй раз Михай стал королем в 1940 году. Согласившись тогда взять на себя роль «кондуктора» — руководителя государства, маршал, в то время еще генерал, Ион Антонеску потребовал от Кароля II отречения от престола в пользу сына. Михая было всего 19 лет и он вполне подходил к декоративной представительской роли.

Это были сложные времена. Антонеску вовлек Румынию в войну против СССР на стороне фашистской Германии. В стране находились немецкие войска. Перелом в ходе войны, быстрое приближение советской армии к границам Румынии заставили Михая I и его приближенных искать пути спасения монархии. В этих непростых условиях двор решил пойти на сотрудничество с коммунистами. 23 августа 1944 года Михай I арестовал Антонеску во время аудиенции в королевском дворце. Армия получила приказ повернуть оружие против нацистской Германии. Арест Антонеску стал, пожалуй, первым самостоятельным решением молодого короля.

Сейчас высказываются самые различные оценки этого решения. По одним утверждениям, король якобы вмешался в политическую игру, что явно превосходило его полномочия. Сталин, дескать, уже направил Антонеску телеграмму с согласием на перемирие, и, следовательно, Румыния и без переворота могла бы стать пятой силой антигитлеровской коалиции и не попасть в униженное положение после войны. Обвиняют Михая и в том, что он отдал страну под власть коммунистов со всеми вытекающими из этого последствиями, предав свой народ.

Монархия и коммунисты

Ситуация была уникальной. Михай I оставался на троне, сохранив свои привилегии и полномочия. Он продолжал считаться главой государства и верховным главнокомандующим, принимал участие во всех официальных церемониях, где его встречали овациями. Королю предоставлялся личный самолет. На демонстрациях его портрет соседствовал с портретом Сталина. Верховный Совет СССР наградил его высшей военной наградой — орденом

Желающих занять трон или хотя бы президентское кресло всегда хватало

Рисунок из газеты «Курьерул романеск»

«Победы», а президент США — орденом «Почетного легиона» для иностранцев.

«Обе награды мне были вручены почти одновременно», — рассказывал Михай в одном из своих интервью. — Те, кто стремится меня опорочить, говорят о жесте, сделанном русскими. Я утверждал тогда и утверждаю сейчас, что орден делает честь не мне, а стране и армии за то, что мы совершили 23 августа. Если русские считали, что эта награда может сблизить меня с коммунистической политикой, то очень быстро они убедились, что ошибались».

Действительно, их «мирное сосуществование» не могло продолжаться до бесконечности. Коммунисты наращивали усилия, чтобы изолировать короля и сгруппировавшиеся вокруг него политические партии. Удары следовали с нарастающей силой, начиная с создания Национально-демократического фронта, прихода к власти правительства с участием коммунистов под председательством Петру Гроза и кончая победой блока левых партий на первых послевоенных парламентских выборах. Подходил

к концу и «медовый месяц» короля с советской военной администрацией.

Все попытки Михая I как-то повлиять на ход событий были в конечном итоге обречены на поражение. 30 декабря 1947 года состоялась встреча Михая I с представителями правительства и компартии, которые предложили ему отречься от престола. Акт был подписан и принят парламентом. Гогенцоллерны сошли с политической сцены, как и вошли на нее, с помощью силы. Цикл закончился.

В изгнании

«Мое отречение от престола было незаконным», — заявил экс-король в одном из интервью, опубликованных в последние годы. — Акт был подписан под физическим воздействием. У Петру Гроза в кармане был пистолет. Охрана была арестована, а артиллерия заняла позиции вокруг дворца».

Специальная комиссия тщательно проверила багаж уезжавшего экс-короля. По словам Михая, он взял с собой только одежду и че-

тыре автомобиля. Коммунисты выдали ему в качестве «подъемного пособия» 50 тысяч американских долларов и 280 тысяч швейцарских франков, чего хватило на два года безбедной жизни.

После краткого пребывания в Нью-Йорке первым прибежищем короля-изгнанника стала Англия. Здесь он встретился со своей будущей женой Анной Шарлоттой Бурбон-Пармской. В 1939 году шестнадцатилетней девочкой она бежала из Европы от нацистов. Во время войны была санитаркой в Италии, награждена военным крестом.

В Англии супруги занимались выращиванием и продажей овощей и цветов. В Швейцарии, куда семья переехала в 1954 году, Михай работал летчиком-испытателем, летал на регулярных авиалиниях. Скопив немного денег, создал небольшую фирму по производству электроники, которая через семь лет была вынуждена прекратить существование. В конце концов о Михе, очевидно, вспомнили его августейшие родственники. Король Греции, приехавший в Михай дядей, помог ему наладить контакты с греческими бизнесменами, получить лицензию и заняться финансовыми операциями.

У Михе и Анны пять дочерей. Наследницей считается принцесса Маргарет. Ни одна из принцесс не говорит бегло по-румынски, хотя все довольно часто посещают страну. Семья живет на большой вилле в Версуа близ Женевы.

«Король Михай, не уезжай!»

В годы тоталитаризма в Румынии о Михе почти не упоминалось. Все сводилось лишь к его участию в событиях, связанных с 23 августа 1944 года, в которых главную роль, естественно, играла компартия. Да и сам экс-король, занимаясь частными делами, отошел от политики. Попытки привлечь внимание к своей особе встречали, по его словам, весьма сдержанное отношение западных правительств и средств массовой информации.

Первым из забвения Михе I извлекло Будапештское телевидение, взявшее у него интервью в июне 1989 года. Тогда сам этот факт вызвал дипломатический конфликт между Румынией и Венгрией.

Декабрьские события 1989 года в Румынии, начавшиеся перемены, наладившиеся вдруг контакты с лидерами вновь возникшей оппозиции создали у экс-монарха иллюзию, что не все окончательно потеряно. Михай снова начал называть себя королем. Первому проекту посетить Румынию на Пасху в 1990 году не суждено было осуществиться: страна готовилась к всеобщим выборам, и обстановка была напряженной. В том же году в первый день Рождества

Михай предпринял отчаянную попытку осуществить свое желание, прилетев в Бухарест с женой Анной и дочерью Софией на частном самолете с датскими дипломатическими паспортами. Румынские власти вежливо, но твердо предложили иностранным гражданам, к тому же не имеющим въездных виз, покинуть страну. Эта история обошла весь мир.

Визит Михе I, его жены, дочери Елены и ее сына — «последнего принца» Николае состоялся в прошлом году с соблюдением всех формальностей. Десятки тысяч людей заполнили в дни пасхальных праздников центральные улицы Бухареста, по которым проходил маршрут королевского кортежа. Другие десятки тысяч ждали у монастырей в Путне и Куртя-де-Арджеш. Независимо от своих убеждений люди пришли, чтобы приветствовать последнего представителя династии, которая правила Румынией восемь десятилетий.

Поездка, несмотря на ее частный характер, все время находилась на грани дозволенного и недозволенного. Экс-монарха приветствовали представители столичного муниципалитета, церковные иерархи, лидеры оппозиционных «исторических» и монархических партий, деятели науки и культуры, студенты. Где бы он ни появлялся, повсюду его встречали толпы, скандирующие: «Да здравствует король!», «Король и родина!», «Михай, не уезжай, Румыния твоя страна!»

Михай старался честно соблюдать правила политической игры. «Для меня прием был волнующим, он превзошел все мои ожидания», — заявил экс-король по возвращении в Швейцарию, добавив, что готов просто вернуться в Румынию без претензий на трон.

Но пожилого короля ждали новые испытания. Национал-либеральная партия предложила его кандидатуру на пост президента на проходивших в сентябре прошлого года всеобщих выборах. «Уговаривать» его в Версуа выезжала делегация этой партии. С королем встречался и лидер цэрэнистов. Михай предпочел отказаться, заявив при этом, что «не мыслит возвращения на пост главы государства иначе, как заняв законный трон».

До трона, как до Луны...

Отказавшись от участия в президентских выборах, Михай стал планировать новую поездку в Румынию, тем более что недостатка в приглашениях не было. Но за месяц до выборов власти признали визит несвоевременным, предложив перенести посещение на октябрь. Михай заупрямился.

Реакция румынских властей была жесткой. Правительство заявило, что готово рассмотреть вопрос о гражданстве королевской семьи при условии, если ее членами будут приз-

наны республиканские институты. В противном случае правительство ужесточит свою позицию и с одобрения парламента полностью запретит въезд на территорию страны бывшего короля и членов его семьи.

Не осуществилось и намерение короля приехать на Рождество. Министерство внутренних дел Румынии отказалось принимать какие-либо специальные меры для его охраны, организовывать полицейское сопровождение и оцепление, освободить от личного досмотра при въезде в страну.

У Михе появились и другие «неприятности». Недавно Бухарестский муниципальный суд возобновил слушание дела в связи с заявлением гражданина Великобритании Мирчи Григоре Ламбрино, содержащим просьбу подтвердить правомерность решения Лиссабонского суда от 1955 года, признавшего его законным сыном румынского короля Кароля II. Интересы Мирчи представляет его сын Пауль.

За этой юридической казуистикой кроется, в общем-то, простая история. Первой женой Кароля II была танцовщица Иоана Ламбрино, с которой он обвенчался в русской православной церкви в Одессе. Брак был позже аннулирован, но остался сын Мирча Григоре. Михай I родился тремя годами позже. Процесс явно направлен против бывшего монарха. Признание за Мирчей Григоре и, следовательно, за его сыном Паулем права на корону и ее наследование может поставить под сомнение претензии Михе на трон. В интервью румынской и зарубежной прессе Пауль Ламбрино утверждает, что преследует цель лишь восстановить справедливость по отношению к своему отцу, но не исключает, что при благоприятных условиях можно будет обсудить и «династические шансы».

Пока же экс-королю Михе I остается только ждать и надеяться на внезапный поворот истории. Он регулярно обращается к своему народу с посланиями по случаю религиозных праздников и исторических годовщин, связанных с периодом монархии. Он продолжает верить, что политические, религиозные и другие силы найдут формулу его возвращения в качестве законного главы государства.

Румыны дважды подтвердили свой республиканский выбор, проголосовав за президента Илиеску. Упорное нежелание бывшего короля признавать приговор истории вызывает и улыбку, и недоумение, и сочувствие. Не исключено, что оптимизм 72-летнего короля основывается не только на теплом приеме в Румынии, но и на маневрах тех политических сил, которые считают, что монархия позволит им одним махом решить все нынешние проблемы.

БУХАРЕСТ

ВСЕ ГАЗЕТЫ РОССИИ В ОДНОЙ

Индекс в подписном каталоге 32114. Цена подписки 780 руб.

209-95-81	RUSSIAN PRESS SERVICE
209-76-52	
200-21-10	

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

И С Т О Р И Я И С О В Р Е М Е Н Н О С Т Ь

Андрей Грачев:

Кораблекрушение Горбачева

До и после Беловежской Пути

«Четвертая власть» президента. Андрей Грачев (слева), пресс-секретарь М. Горбачева, автор книги о нем

Волею судеб Андрей Грачев оказался в свое время рядом с первым и последним президентом СССР Михаилом Горбачевым в самый драматический момент его жизни и политической деятельности, когда распад Союза обусловил его уход с поста главы советского государства. Будучи короткое время, всего два с половиной месяца, пресс-секретарем президента, Андрей Грачев имел возможность видеть «самых разных Горбачевых» и в самых разных обстоятельствах.

Со временем журналист превозмог в нем политика: Грачев написал умную и добрую книгу о последних днях президентства — «Подлинная история распада СССР. Кораблекрушение Горбачева». Вышла она во Франции. Публикуя отрывок из нее, мы надеемся, что и российские читатели в скором времени смогут познакомиться в полном объеме с видением «драмы века» ее заинтересованным свидетелем и участником.

Андрей Грачев, один из соучредителей еженедельника «Московские новости», ведет сейчас годичный курс лекций по политологии в Университете Киото.

В конце встречи с Вацлавом Гавелом вернулись к ее началу — возможности поездки Горбачева в Прагу: «Как только найду хотя бы один день, обязательно приеду». Этого дня у него за то время, пока он оставался президентом СССР, так и не нашлось.

Ельцин не в духе

14 ноября заседание Государственного совета в Ново-Огареве началось с громовых раскатов. Приехавший последним Ельцин хмуро прошел в комнату на первом этаже, где Горбачев собрал уже прибывших участников. Сам вид российского пре-

Так и не
поняли
друг
друга...

зидента не предвещал безмятежного заседания.

Как оказалось, он был взбешен поступившей к нему информацией о том, что Горбачев на пресс-конференции по поводу выхода своей книги якобы «проходил» по адресу российского руководства в связи с событиями в Чечено-Ингушетии. «Раз вы критикуете Россию, — бросил он Горбачеву, — мы будем отвечать. Выходит, кончились наши новые отношения, которые продолжались всего три месяца после августа».

Горбачев опешил. Положение осложнялось тем, что отвечать Ельцину приходилось в присутствии уже собравшихся до его прихода других республиканских лидеров. Те, почувствовав неуместность своего присутствия при «семейной сцене», один за другим выбрались из комнаты.

Горбачев постарался умиротворить российского президента, сказав, что не имел в виду осложнить положение. Больше того, постарался выразить поддержку его позиции на сохранение целостности России и обещал в подтверждение своих слов показать стенограмму пресс-конференции. Ельцин, несмотря на примирительный тон президента, еще некоторое время не мог остыть. Ворчал по поводу «горбачевского» телевидения, которое-де постоянно повторяет его критические высказывания в адрес российского руководства, негодовал из-за того, что россияне дискриминируют в вопросах распределения дачных поселков и домов отдыха. Однако основной «пар был выпущен», и можно было открывать заседание.

Едва начавшись, дискуссия по предложенному тексту Союзного договора забуксовала, уткнувшись в определение характера будущего государственного образования.

Горбачев ратовал за «союзное государство» с новым центром, которому будут решением членов Госсовета отведены соответствующие полномочия.

Ельцин при поддержке Шушкевича неожиданно для остальных участников заседания, считавших, что они обсуждают первоначально согласованный с ним текст, выступил против единого государства. В ответ на недоумение Горбачева он сослался на то, что в своих поправках указал на несогласие с единой для всего Союза конституцией.

Горбачев предложил сосредоточиться на этом главном пункте: «Надо определить, что, собственно, мы будем создавать. Да, после августа договорились отказаться от федерации, но не ради того, чтобы вместо этого соорудить нечто бесформенное, аморфное».

Его активно поддержал Назарбаев: «Надо подтвердить, что у тех, кто здесь сегодня собрался (за столом рядом с президентом, съездившимся как шагреневая кожа Союзу, сидели представители семи республик), по крайней мере есть намерение и воля образовать политический союз с единой армией, территорией, границами. Если мы не сделаем этого, за нас это сделают другие, те, кто придет после или вместо нас. Давайте же хоть раз будем мудрыми не задним умом».

Противники Союза завели речь о конфедерации. Горбачев усиливал отпор: «Если откажемся от единого государства, то получим нечто совсем неопределенное, никого ни к чему не обязывающее, но и не особенно нужное».

На тонущем корабле

Он попробовал еще раз вернуть на стол сам термин — «Союз», доказывая, что это наиболее приемлемая

формула, ибо позволяет интегрировать все виды связей — федеративных, конфедеративных, даже ассоциативных. Закончил он решительно: «В конце концов определяйтесь сами. Я убежден, что нам необходимо сохранить союзное государство, иначе погубим дело и в стране, и в мире».

На этот раз Ельцин попробовал смягчить резкость постановки вопроса: «Насчет того, что так считают за рубежом, вы драматизируете». Горбачев был непреклонен: «Если не удержим единое государство, я вам прогнозирую беду. Это главный вопрос».

В спор включился Шушкевич, который сказал, что у конфедерации могут быть единые вооруженные силы. Ельцин добавил к этому транспорт, космос, экологию. Горбачев не отступал: «Если не будет эффективных государственных структур, зачем тогда нужны президент и парламент. Если вы так решите, я готов уйти». Ельцин запротестовал: «Ну, это эмоции».

«Ничего подобного. Я себя и физически исчерпал» — с этими словами Горбачев весьма некстати для «исчерпавшего» себя человека резко вскочил из-за стола. Чувствовалось, что он не отступит: «Я не могу и не стану брать на себя ответственность за аморфное образование. Если президент вам нужен для свадьбы, чтобы об него ноги вытирать, — это не для меня. Стране требуется избранный народом сильный руководитель, способный уравновесить ту новую степень децентрализации, на которую мы сейчас переходим. Уверен, что в народе нас поддержат. Повторю, у меня нет амбиций претендовать на эту должность».

Подавшись всем корпусом, как при теннисном ударе, Горбачев обратился к Ельцину: «Поймите, Бо-

В Ново-Огареве еще были иллюзии...

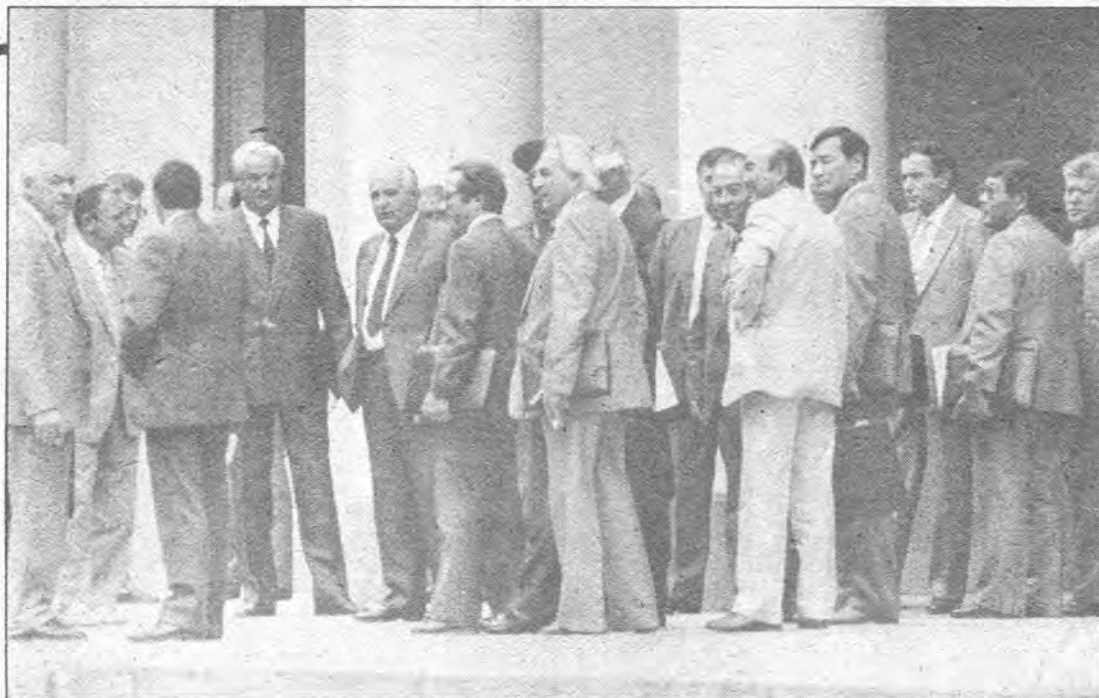

рис Николаевич, во что нас втягивают те, кто предлагает России сбросить всех и пойти вперед в одиночку». Имелся в виду, очевидно, Бурбулис с его меморандумом о скорейшем оформлении полной государственности России в качестве основного правопреемника СССР.

Даже Ельцину трудно было противостоять напору президента. Или, может быть, он просто еще не был готов прилюдно бросить ему перчатку. Так или иначе, но Ельцин примирительно пробурчал: «Я не поддерживаю экстремистов. Давайте честно напишем — конфедеративное государство». Это была явная импровизация, но она подтверждала, что на сегодняшнем заседании и он ищет компромисса.

Уловив тень слабости в его позиции, Горбачев немедленно решил усилить свою. Он вновь и вновь доказывал, что центр необходим для того, чтобы обслуживать общее оборонное пространство, выполнять стратегическую миссию, проводить согласованную, единую внешнюю политику, «а не 8–10 разных политик», толкать страну к рынку.

Неожиданно Ельцин проговорил: «Не знаю, может быть, вы правы». Это позвучало чуть ли не как извинение. Горбачев, принимая его, уже примирительно, как о прошлом инциденте, все-таки сказал: «Удивлен я, Борис Николаевич, как ты меня подвел» — и тут же предложил компромисс со своей стороны: «А может быть, и вправду, обойдемся без единой конституции». Это было уже предложением мира и формулой спасения лица.

Горбачев, уже с великодушным победителя, постарался закрепить Ельцина на пока еще скользкой платформе компромисса: «В договоре надо найти способ поддержать целостность России и ее руководство в спорах с автономиями (это

было уже его ответное извинение за вмешательство в чеченский кризис). Если в России проиграет Ельцин, проиграем все: ведь мы связаны одним проектом».

Удовлетворенный реверансом в его сторону, Ельцин напомнил об Украине: «Надо бы что-то для них предусмотреть, какую-то возможность присоединения. Ведь если они создадут свои вооруженные силы и свою валюту, то уже не вернутся».

«А в конфедерацию Украина пошла», — мечтательно протянул Шушкевич. Он же предложил еще более гибкий компромисс: «Давайте начнем с конфедерации, а потом доведем ее до федерации». Ему тут же возразил Назарбаев: колебания Украины — это дополнительный повод всем остальным объединиться.

На перерыв разошлись с двумя вариантами формулировки первой главы договора. Одна была представлена Ельциным, вторая — Горбачевым. При перепечатке помощники догадались снять упоминание об авторстве и обозначили их, как на конкурсе, анонимно: № 1 и № 2, для того чтобы избежать нового конфликта самолюбий.

Смысл компромисса был уже очевиден — единое конфедеративное государство (по Горбачеву), лишенное единой конституции (по Ельцину).

За время обеда, прослушав зачитанную самим Горбачевым стенограмму его высказываний о Чечне и удовлетворившись, что подвоха не было, Ельцин окончательно успокоился и даже пришел в хорошее расположение духа. «Смотрите, как плохо начали и как хорошо заканчиваем», — сказал он, как бы сам изумляясь этому.

В течение всей этой дискуссии Горбачев часто вставал из-за стола, расхаживая по залу. Однажды в волнении даже повалил портфель с

ядерными кодами, как обычно, стоявший на расстоянии вытянутой руки от него.

Когда после окончания заседания его участники начали спускаться по лестнице, внизу их встретил еще один сюрприз — изголодавшаяся по новостям пресса, за которой угадывалась истомившаяся от неопределенности страна. Безымянная страна, желавшая услышать от этой восьмерки лидеров, как ей впредь называться — союзом, содружеством, конфедерацией или каким-нибудь еще менее понятным ей термином.

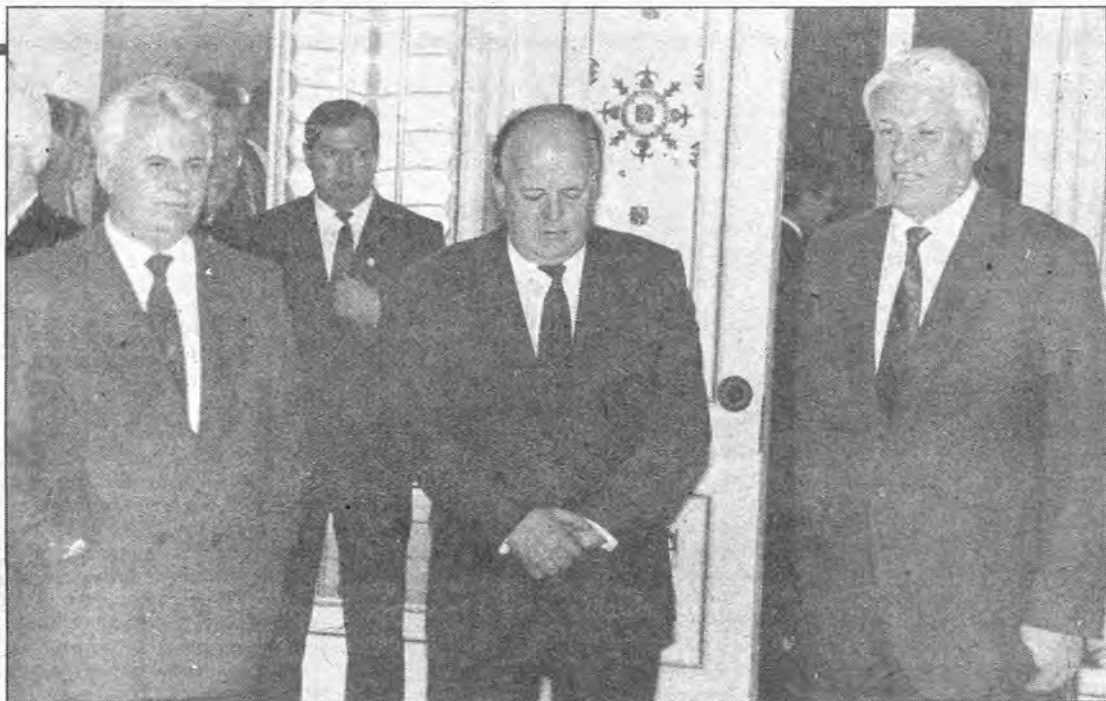
Горбачев приемами умелого пастыря (сказывался пастушеский опыт ставропольского детства) завел всю великолепную семерку в зал с сияющими прожекторами телекамер. Отвечать на первый вопрос он предложил Борису Николаевичу. Оставшись один на один с требовательно смотревшей и слушавшей его страной, тот торжественно возвестил: «Договорились, что будет Союз — демократическое конфедеративное государство».

Очередная партия Горбачевым была выиграна.

С учетом «новых моментов»

С самого утра атмосфера торжественной приподнятости характеризовала 25 ноября — день парафирования Союзного договора, который мог стать датой политического рождения нового Союза, призванного прийти на смену старой империи. Казалось, предусмотрели все, кроме досадной мелочи... политической воли к созданию Союза со стороны будущих отцов-основателей, и в первую очередь новых руководителей России.

Все выглядело так, как будто руководящий эшелон российских ли-

деров, поднятый к власти августовской революцией, принял для себя окончательное решение относительно того, чтобы не только не уступать ее союзному президенту, но и не делить с ним.

Тактическое мастерство Горбачева привело не только к тому, что идея союзного государства была сохранена, но и выразилось в том, что не кто иной, как сам Ельцин оповестил страну и весь мир о предполагаемом образовании демократического конфедеративного государства.

Видимо, после возвращения российского президента с этого заседания перед лицом перспективы почти неизбежного укрепления позиций союзного президента и его команды, в которую к этому времени вновь влились такие «киты» первого этапа перестройки, как Яковлев и Шеварднадзе, ельцинское окружение решило поднять ставки и поручило своему президенту на очередном заседании Госсовета забрать обратно то, что он «подарил» Горбачеву на предыдущем.

Заседание началось с сенсационного заявления Ельцина о том, что в российской позиции возникли «новые моменты», которые не позволяют ему парафировать проект договора в том виде, в котором он представлен. «Разговоры в комитетах Верховного Совета показывают, что российский парламент не готов ратифицировать концепцию единого союзного, даже конфедеративного государства. Нас больше устроила бы формула Союза как конфедерации демократических союзных государств. Давайте вернемся к этому вопросу или отразим оговорки России в отдельном протокольном заявлении».

Горбачев не мог поверить своим ушам: «Но тогда мы опрокинем то, о чем уже договорились. Мы ведь в

прошлый раз несколько часов обсуждали все эти формулировки. Потом оповестили страну о том, что выработали сообща».

На выручку Ельцину поспешил В.Шушкевич — тот самый, кто и был инициатором предложения о парафировании текста президентами, для того чтобы гарантировать его безболезненное «прохождение» через парламенты. Сейчас его аргументация была иной: мы не успели показать текст будущего договора в комиссиях парламента. По одной этой причине там могут найтись недовольные. Давайте отложим парафирование.

Горбачев наконец понял, что ему противостоит согласованная позиция по крайней мере нескольких республиканских президентов, и решил принять бой. «То, что вы затеываете, — сказал он, обращаясь к Шушкевичу, но на деле адресуя свои слова Ельцину, — это не просто проволочка — вы отвергаете то, о чем все договорились, разрушаете саму основу будущего документа».

Вокруг двух антагонистических позиций начали складываться свои альянсы. Горбачев решил играть ва-банк: «Если с этого заседания выйдем без парафированного общего текста, последствия могут быть непоправимые».

Белорусский лидер постарался снизить уровень противоборства с политических высот до почти технического уровня. Даже Ельцин несколько «сдал назад», объяснив, что речь не идет о том, чтобы отказаться от согласованного текста — его можно направить всем республикам, сопроводив лишь протокольной запиской с новыми замечаниями. Похоже было, что его заботила необходимость во что бы то ни стало оправдать врученный ему мандат.

Как всегда в подобных случаях, ощутив неуверенность в позициях

своих оппонентов, Горбачев немедленно повысил ставки: «В таком случае я вижу свою роль исчерпанной, но предупреждаю, что то, что вы делаете, нанесет огромный ущерб стране и нашему государству».

Чувствуя, что все его усилия разбиваются о жесткую, заранее сформулированную и, может быть, даже согласованную позицию, он устало сказал: «Ну что же, наверное, вам, как представителям республик, есть смысл поговорить между собой. Как я вижу, президент вам уже больше не нужен». Однако это была не капитуляция, а еще один — последний — способ встряхнуть, даже припугнуть мятежников.

На этот раз Горбачев не блефовал и не шантажировал своей отставкой, как это бывало на пленумах ЦК, — он был к ней внутренне готов, однако считал, что должен сражаться до конца и «дорого продать» свой уход, если его к нему вынудят. «У меня чувство глубокой грусти и разочарования, — сказал он, подводя итог нескольким раундам обсуждения. — Я не понимаю, как вы собираетесь дальше жить — ведь, создав богато и вместо единого государства, вы замордуете общество. Мы уже и так захлебываемся в дерьме. (Это вырвавшееся у него и крайне редкое для Горбачева «крепкое» выражение показывало, насколько он внутренне возбужден.) Вот увидите, сразу за вами придут силы, программа которых будет состоять из трех строк: отменить все законы и конституцию. В общем, подумайте сами, но учтите, что если вы отвергнете вариант конфедеративного государства, то дальше двигайтесь без меня».

Он резко встал и направился к выходу и уже на ходу, для того чтобы не превращать свой выход из ком-

наты в уход из Госсовета, бросил: «Перерыв».

Вместе с ним поднялись и вышли из зала его помощники, эксперты, руководитель аппарата Г.Ревенко и союзные министры — Е.Шапошников и Э.Шеварднадзе.

Процессия спустилась по лестнице на первый этаж и расположилась в гостиной, носившей название Каминного зала. Наверху остались республиканские президенты. После ухода Горбачева они получили возможность создать то самое содружество независимых государств, ради которого две недели спустя три «славянских» лидера уединятся в беловежском лесу.

Между нами, царями-ханами.

Тем не менее пассивно ждать дальнейшего развития событий Горбачев не мог и начал вместе с помощниками формулировать свой вариант решения Госсовета по первому вопросу. Формулировку президента отправили «наверх». Через некоторое время оттуда явилась депутация — Б.Ельцин и В.Шушкевич, которым было поручено передать президенту республиканский вариант компромисса. В главном проекты совпадали.

Войдя в гостиную, Ельцин с восторгом сказал: «Ну вот, нас делегировали на поклон — к царю, к хану». Чувствовалось, какую нагрузку для его самолюбия представляла собой эта парламентская миссия. Горбачев оценил усилие, сделанное Ельциным над своим характером, и примирительно ответил: «Ладно, ладно, царь Борис».

Общую формулировку выработали быстро. После того как все члены Госсовета поставили свои подписи под совместным коммунике, означившим скорее эпитафию Союзу, чем провозглашение «нового смелого мира», Горбачев предпринял попытку повторить тот коллективный выход к прессе, который после предыдущего заседания Госсовета вдохнул во всех надежду. Однако второй раз заставить себя врасплох ни Ельцин, ни другие «республиканцы» не дали. Горбачеву пришлось выдержать натиск изголодавшейся прессы в одиночку и, лишенный необходимости оглядываться на своих коллег по Госсовету, он не скрывал своего разочарования, подтвердив, что на нынешнем заседании республиками был сделан шаг назад от Союза.

Вторая часть заседания была посвящена подготовке к началу экономической реформы в России. Горбачев и в этой ситуации остался верен своей роли искателя

компромиссов. Он поддержал российский президента за решение ускорить реформу. Если ее не делать, дальше все равно банкротство. Попросил еще раз продумать сроки и последовательность ее этапов и предостерег от злорадства по поводу возможной неудачи правительства Ельцина. Если оборвется в России — умрет реформа во всем Советском Союзе. Вот почему не правы те, кто говорит про себя: пусть Ельцин сломает себе голову.

Сценарий «взрыва» Союза к этому времени был уже в деталях продуман, основные юридические формулы заготовлены — оставалось нажать на кнопку «пуск». Горбачева во избежание «сюрпризов» с его стороны, разумеется, не следовало раньше времени «травмировать», поэтому была избрана успокаивающая его тактика. Ельцин проинформировал его о своем намерении съездить в Минск к Шушкевичу «по двусторонним делам» и сказал, что заодно было бы неплохо «послушать» Кравчука, с тем чтобы уточнить его намерения в отношении Союза. Больше того, он выразил готовность согласоваться с Горбачевым тактику обсуждения этих вопросов с украинским президентом, с тем чтобы уговорить его не порывать с Союзом.

После встречи, состоявшейся у Горбачева с Ельциным, оба президента порознь сообщили прессе, что они «не мыслят Союза без Украины», при этом Ельцин сказал, что «надо будет все сделать, чтобы убедить украинцев присоединиться к Союзному договору». Правда, он сделал оговорку, которая в тот день не привлекла особого внимания: «Если этого не получится, надо будет подумать о других вариантах».

Третий лишний

Вечером в воскресенье 8 декабря мы с женой возвращались с дачи в Успенском. В машине раздался телефонный звонок. Я понял, что звонит президент. Горбачев был явно возбужден — его интересовало, когда Центральное телевидение намеревается передать его интервью для украинцев.

Связавшись из машины с информационной редакцией телевидения, я убедился, что все в порядке — интервью будет передано около 23-х часов, и еще раз перезвонил Горбачеву. «Это слишком поздно», — раздраженно отреагировал он. — Завтра рабочий день, люди рано лягут спать, а ведь важно, чтобы они успели увидеть интервью до того, как узнают о результатах встречи в Минске».

Было очевидно, что он уже знал эти результаты и хотел хотя

бы с помощью собственного интервью немедленно ответить своим соперникам и верил, что, если передать его на час раньше, будет еще не поздно.

Как он рассказал потом, ему позвонил на дачу белорусский лидер Шушкевич и сообщил, что собравшиеся в Беловежской Пуще три руководителя «вышли на соглашение», которое он ему предложил зачитать. Он же проинформировал Горбачева о том, что главнокомандующих сил Е.Шапошников поставлен в известность об их договоренности и уже состоялся разговор Ельцина с Бушем.

Горбачев взорвался: «Вы разговариваете с президентом Соединенных Штатов Америки, а президент страны ничего не знает. Это позор». Он попросил к телефону Ельцина потребовал собраться у него в Кремле на следующий день, как договаривались, для того чтобы объясниться. Ельцин сказал, что от имени всей «тройки» на разговор с Горбачевым прибудет не один.

Впоследствии упоминали о том, что два других «пущиста» не поехали в Москву, опасаясь за свою безопасность. На деле же очевидно, что по выработанной схеме Ельцина решили снарядить к Горбачеву, в сущности в роли почтальона с «запечатанным» мандатом, который он уже не смог бы сам изменить, с тем чтобы в очередной раз авторитет, опыт и напор президента не разрушили выработанные в Беларуси схемы.

Похоже было, что и в чисто личном плане Кравчук и Шушкевич предпочитали не встречаться лицом к лицу с поверженным ими лидером, которому они в конечном счете были обязаны своим собственным вознесением.

На следующее утро сразу после приезда президента в Кремль я вошел к нему в кабинет. Он полностью владел собой, был мобилизован и бодр, ждал намеченной на 12 часов встречи с Ельциным и уже прилетевшим в Москву Назарбаевым. Мы обменялись мнениями по поводу произошедшего в Беловежской Пуще. Горбачев был настроен по-боевому и сказал: «Пусть объяснят все стране, миру и мне».

«А как Ельцин?» — поинтересовался я. «Обещал прийти, но потом перезвонил и сказал, что опасается за свою безопасность. Бойтся, что его здесь арестуют. Я ему сказал: «Ты что, с ума сошел?» Он говорит: «Может, не я, а кто-то еще». В общем, кажется, я его убедил, и он сейчас будет».

Позднее по Москве распространились слухи о том, что пресловутая группа «Альфа» готовилась арестовать всю беловежскую «тройку», но получила в последний момент «отбой», что в Кремль, чуть ли не гото-

вась к осаде, нагнали грузовики с бетонными блоками.

Когда я вышел из кабинета Горбачева, в приемной уже был Назарбаев, он сразу прошел к президенту. Через минуту после него в приемную вошел Ельцин с охранником.

Встреча троих продолжалась полтора часа. После ее окончания хмурый Назарбаев, выйдя от Горбачева, сразу отправился на аэродром. В его позиции, которую он, не приглашая, изложил прессе, прозвучала открытая политическая и личная узленность не только тем, что три «славянских» брата совершили за спиной союзного президента, односторонне разорвав коллективные ново-огаревские договоренности, но и тем, что они поставили азиатские республики перед свершившимся фактом и тем самым затронули их престиж и национальное достоинство.

Ельцин встречу не комментировал, дав только понять, что он рассчитывал на разговор с Горбачевым один на один, а не в присутствии «третьего лишнего». Позднее он жаловался, что ему Горбачевым и Назарбаевым был учинен подлинный допрос.

Президент уходит без «Альфы»

Зайдя к Горбачеву сразу после выхода Ельцина из кабинета, я застал его в задумчивости. «Что можно сказать прессе, Михаил Сергеевич?» — этот, ставший привычным для нас обоим вопрос действовал безотказно. Сейчас он тщательно, по слову начал по существу диктовать мое будущее сообщение для печати: «Скажи, что на встрече президента СССР с Ельциным и Назарбаевым была выслушана и подробно обсуждена информация президента России о встрече в Бресте. Были заданы многочисленные вопросы с целью прояснения различных аспектов достигнутых там договоренностей. Условились, что инициатива лидеров трех республик (он сделал ударение на слове «инициатива») в форме их предложения (еще одно ударение) будет разослана президентом СССР в парламенты остальных республик для рассмотрения одновременно с начавшимся изучением разосланного ранее проекта Союзного договора».

На этих трех фразах он остановился. А затем, выплеснув на меня, думаю, лишь малую часть своих эмоций по поводу встречи в

белорусской глуши и ее участников, посмеявшись над моей только что родившейся шуткой, перефразировавшей название известных конфет в «Без Мишки в лесу», Горбачев сказал, что, видимо, в течение дня сделает свое официальное заявление. Оно было опубликовано на следующий день, 10 декабря, и заключалось такими словами: «Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой съезд. Кроме того, я бы не исключал и проведение всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу».

Именно эта фраза вызвала наибольшее число вопросов во время пресс-брифинга на следующий день. Корреспондентов интересовало, принял ли президент решение о том, чтобы использовать союзный парламент, чтобы дезавуировать решения, принятые в Беловежской Пуще; когда и на какой территории может быть проведен референдум — одним словом, как, с помощью каких политических или, быть может, властных и даже силовых приемов собирается он защищать распушенный в Бресте Союз, ново-огаревский процесс и самого себя.

Излагая в ответ на все эти вопросы позицию Горбачева, я имел все основания сказать: «Он не будет защищать свое положение, свою власть ценой риска нового раскола общества, провоцирования в нем дополнительных политических и тем

более вооруженных конфликтов».

К сожалению, он не учитывал, что именно его собственное, пусть единоличное, решение, его выбор, его поступок, пусть даже связанный с политическим риском, могли обеспечить ему ту самую общественную поддержку, которой он так безуспешно ждал в течение всей недели, последовавшей за брестской встречей. Президент, возможно, был прав с точки зрения той будущей гипотетической ситуации формирования в стране устойчивого правового общества и той перспективы, к которой он стремился.

Были подняты на брифинге и другие вопросы. И вопрос о ядерной кнопке, которая, по словам Кравчука, уже была «поделена на три части». И о том, насколько декабрьские решения «тройки» республиканских вождей можно уподобить августовской попытке государственного переворота. Разумеется, если бы президент стал на такую точку зрения, он должен был бы действительно послать в Минск группу «Альфа» или устроить засаду у себя в кабинете. Однако, не совершив переворота внутри себя, Горбачев не мог пойти на это.

На состоявшейся вскоре встрече в Кремле с большой группой редакторов, обозревателей, тележурналистов он сказал:

— На мою судьбу выпало великое дело, и оно свершилось. Придут другие, может быть, лучше сделают. Я хочу, чтобы все закончилось успехом, а не поражением.

А может быть, еще пожалеет?

Вегетарианцы всех стран, соединяйтесь!

Станислав Мордынский

Акт насильного отъятия жизни не содержит новизны. Смерть придет к каждому, но жертва погибает в момент, не внутренне ей присущий (болезнь, возраст), или по воле случая, а по выбору. Человека разглядывают через мушку прицела, достигая слития образа в однородное темное пятно, после чего становится совсем несложно лишить это пятно жизни.

Нечто похожее происходит при уничтожении человеком животных. В корове видят мясо и кожу, в песце и соболе — мех, мухи и пауки вызывают раздражение и их прихлопывают, ради новой асфальтовой территории разрушаются эко-

Зачем мы говорим: убью как собаку? Или обзываем друг друга скотиной и козлом...

системы с тысячами живых организмов.

Если исходить из сложности, даже невозможности, по убеждению добрых людей, убийства человека человеком, то тренировкой, позволяющей «набить руку», становится умерщвление животных. Если строители храма Христа Спасителя, к примеру, начинали с кладки печей в деревнях, а роскошные сервизы делались мастерами, начинавшими с навыков мять глину, то убийцы в детстве давили жуков, четвертовали кошек. Как рисовать учатся рисуя, а бегать — бегая, так убивать учатся убивая.

Тренировки на кошках

Маленькие дети задаются вопросами: почему мы кушаем курочку-рябу, корову-буренку или «золотую рыбку» (особенно если ее принесли живую и дали поплавать в ванне). Они протестуют, собирают червяков с асфальта после дождя и переносят их в траву, но ежедневное соприкосновение с образом жизни взрослых стирает «несерьезные» попытки говорить о ценности любой жизни. Вырастая, иные дети уже поливают расплавленным полиэтиленом муравейники, бьют палками лягушек, давят гусениц, взрывают карбидовые бутылки в прудах с тритонами, вешают кошек, закидывают камнями собак, подбивают птиц, отрывают крылья у мух, увлекаются рыбной ловлей, наслаждаясь агонией вынимаемой из воды рыбы.

А ведь уничтожаемые существа уникальны и самостоятельны. Вот что пишут о них ученые:

«Объективные физиологические симптомы глубоких эмоций — особенно горя — у таких животных, как гуси и собаки, — практически те же, что и у людей. Человек, собака, гусь в буквальном смысле слова вешают голову, теряют аппетит и остаются равнодушными ко всем стимулам, исходящим от окружающей среды. Горюющие люди, а также гуси легко становятся жертвами несчастных случаев. Первые гибнут в автокатастрофах и под колесами машин, а вторые задевают провода высокого напряжения или попадают в зубы хищникам, потому что чувство самосохранения и осторожность у них притупились» (К.Лоренц «Год серого гуся»).

«Коровы, очевидно, чувствуют приближение отёла. Они стремятся уйти из стада, с тем чтобы найти уединенное место. Желание уединиться бывает настолько сильным, что, если пастбище огорожено, корова может сломать ограду.

Для отёла коровы выбирают себе спокойное, защищенное место, обычно в кустарнике или в высокой траве, чтобы теленок, который в первые дни после рождения остается там один, был меньше замечен для хищников» (Ковальчикова и

Зачем мы кушаем корову-буренку? Таким вопросом задаются ныне только дети

Битва святого Георгия с драконом. Несчастных пресмыкающихся преследовали во все времена

Ковальчик «Этология крупного рогатого скота»).

Когда убийство становится привычкой

Члены секты исмаилитов (в средневековье — политические террористы) тренировались, убивая руками животных. В «Сказании о Дракуле-воеводе» есть весьма примечательный эпизод. Когда после многих лет убийств он попадает в плен, то там проделывает на животных то же самое, что прежде творил с людьми. Сидя в темнице, Дракула отрубает мышам голову, сажает их на кол, а птиц, принесенных с базара, ощипывает и отпускает.

Городские жители обычно пользуются для получения «продуктов» услугами забойщиков, но они могут отнимать жизнь и своими руками. Как же влияет на человека участие в уничтожении живых организмов?

Известный русско-американский социолог Питирим Сорокин пишет: «Повторяя достаточно часто тот или иной акт, индивид, благодаря именно повторению, может изменить, ослабить или укрепить те или иные психические струны и убеждения. Не чем иным, как этим фактом, объясняются те явления, что человек, вначале с отвращением берущийся за ремесло палача, меняет свои убеждения, перестает чувствовать отвращение к ремеслу, и не только по актам, но и по психическим убеждениям превращается в подлинного изверга; преступник, подходя к жертве без злостных эмоций, выполняя акты нападения, выражающие вражду, гнев, ненависть и тому подобное, сплошь и рядом настолько «увлекается», что действительно «наполняется» ненавистью «к своей жертве»; отсюда — бесцельные раны, истязания и зверства над жертвой или ее трупом, ко-

торые так часто встречаются в уголовной хронике».

Заметьте, что расчленение трупов имеет подобие в разделке курицы или рыб, а иногда бандитов кличут «мясник», «живодер».

Обратим внимание на самый сложный, по мнению многих психологов, возраст — подростковый. Самоубийства, травля своих обычных одноклассников, называемых «белыми воронами», рост групповой преступности, наркомании. Именно в этот переходный период от зависимости к самостоятельности ему с разных сторон предлагают пойти по пути насилия. Улица с преступными группировками — нелегально, а легально — армия. Преступность и военщина опираются на уже наработанные навыки отъятия жизни у живых существ и отсутствия зача-

стую самой элементарной культуры. Если у человека есть дело, в которое он может уйти с головой, семья, привязанности, он не подходит для системы уничтожения людей. Вот что говорил генерал де Голль о модной ныне профессиональной армии: «Бойцы должны быть, конечно, все молодые. Над профессиональными частями не должно тяготеть ничего такого, от чего трудно было бы отказаться: привычек, семейных уз, различных интересов».

На войне как на войне...

В армии в мирное время не говорят: убей врага, не кричат истерично на митингах. Просто методично удаляют все «лишнее». Одинаковая одежда, одинаковый распорядок дня, одинаковая пища для тела и ума, одинаковые вещи в одинаковых тумбочках. Отсутствие свободного времени, отсутствие самостоятельности, минимальная связь с родными (служба в другом регионе и редкие отпуска).

Жуткие факты времен второй мировой войны показывают нам, чего можно ждать от людей в погоне. Сеть концлагерей, где людей держали, точно скот в загоне, и разделяли, как свиней и коров на бойне... Одежду — в кучу, волосы — на канаты, кости — на муку, кожу — на абажуры...

Эсэсовцы в лагере уничтожения Треблинка людей раздевали догола, чтобы без сопротивления довести до газовых камер, заметив, что лишенный своей одежды человек психологически подавлен.

Вслед за рекламными этикетками на мясных продуктах появились и «красочные упаковки» для действий

«Свиней» обзываем, но сальце уважаем

военных. Война в Заливе выглядела порой как рекламное шоу новых видов оружия. За фейерверком выстрелов и рассуждениями храбрых воинов остались в тени страдания и гибель людей.

Дух войны, разделяющий людей на своих и чужих, пустил свои корни и в современной России.

Орлы, львы и другие

Хищников издавна принято изображать на гербах государств. У Российской империи, Германии, США — это орел; у Ирана (при шахе), Бельгии, Марокко — лев, причем у Ирана он был с саблём. Новый герб Чечни — волк. Многократно размноженные печатями и денежными знаками изображения образно доносят возможное направление политики государства — агрессию.

Герб Москвы — это Георгий Победоносец, поражающий змея. Андрей Платонов в книге «Сокровенный человек» писал: «Плакаты были разные. Один плакат перемалывали из большой иконы — где архистратиг Георгий поражает змея, воюя на адовом дне. К Георгию приделали голову Троцкого, а змею-гаду нарисовали голову буржуя; кресты на ризе Георгия Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая, и из-под звезд виднелись опять-таки кресты». Сегодня появляются изображения, где на хвосте у змея — шестиконечная звезда Давида...

Именами хищников звалась военная авиация: «красные соколы», «кондоры», «орлы». «Пантеры», «тигры», а сейчас «леопарды» — названия немецких танков. В плакатах второй мировой войны Гитлера изображали пауком, которого протыкал штыком дюжий красноармеец.

Насилию часто предшествуют или сопутствуют бранные слова. Большая часть из них — названия традиционно уничтожаемых человеком животных. Свинья, крыса, скотина, тёлка, корова, червяк, гадина, змея, собака, шакал, жаба, вошь, гнус, козел, баран, осел, курица, убудок (помесь двух животных), тварь... Широко известны стереотипы пропаганды в годы различных войн и вооружённых конфликтов: немецкие псы-рыцари, фашистские гады, звери, убудки, русские свиньи, кубинские гусанос (червяки). В Германии в пропагандистских фильмах евреев приравнивали к грызунам или крысам, «шакалы в мундирах» — прозвище русских военных в Чечне. Ныне на митингах патриоты ходят с плакатами: «Депутат, добей гадину».

Выражение «их так много, как со-

Хищники империалистических джунглей: излюбленный образ советского политического плаката

бака нерезанных» до сих пор наполнено своим ужасным содержанием: в Подмоскovie собак отстреливают ночью. В драках можно услышать «получай, собака», после чего следует удар по «морде».

В уголовном жаргоне есть такие «термины»:

козел (иногда петух) — педераст; крыса — тот, кто ворует у сокамерников;

зверек — презрительное прозвище уроженцев Средней Азии и Кавказа;

сука — предатель, «стукач».

Со времен «Задонщины»

У этих традиций — глубокие исторические корни. Автор «Задонщины» много веков назад писал: «Набегали серые волки с устья Дона и Днепра, воют стаями у реки у Мечи, хотят кинуться на Русь. То не серые волки — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю!»

Тогда гуси загоготали и лебеди бьют крыльями. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями всплескали: это поганый Мамай пришел на Русскую землю и войска свои привел...

А уже соколы и кречеты и белозерские ястребы рвутся из золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые пути, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стаи гусиные и лебединые, — то богатыри и удалцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамайя».

В первой половине XX века получил хождение фразеологический оборот «вшивая интеллигенция». Воображение бандитов подсказало приемлемый образ для массового истребления культурных людей.

Позже начали сажать «технарей», называя их «вредителями», а это насекомые, грызуны и другие давние враги крестьян, составлявших тогда большую часть населения России. До сегодняшних дней в русском языке уцелел оборот «козел отпущения».

Мне довелось быть свидетелем эпизода, когда в пригородной электричке тридцатилетний «афганец» кричал: «Что ты знаешь о десантно-штурмовых отрядах! Ты, мышь зеленая!» Он бил по лицу молодого паренька, который что-то рассказывал своему другу об Афгане.

Но мясоеды — никогда!

Германия, инициатор двух мировых войн, имела самую мясную кухню в Европе. Япония, прославившаяся своей жестокостью в Азии, употребляет в огромных количествах в пищу рыб и морских животных. В США, где особенно популярен образ ковбоя, истребление бизонов шло параллельно с истреблением индейцев. На увеличение удельного веса мясной пищи в России, по Льву Гумилеву, могла повлиять культура татар. Понятие «государственной агрессивности», связывающее насилие с насаждаемым однообразием, отражает объединение обычных граждан, практикующих «бытовое уничтожение» домашних животных.

В современной войне дело может не дойти до прямого контакта сторон. В межнациональных конфликтах боевики стреляют по телам, не видя лиц. Просто какой-то группе населения, выделенной по вере, расе, национальности или другим признакам, отказывается в праве на жизнь, как отдельным видам животных! Например, свинью убить можно, а домашнюю кошку нельзя, ворон истреблять можно, канареек не принято, корову убить можно, породистую собаку нельзя. А между тем для «искусственников», вскормленных детским питанием, сделанным на основе коровьего молока, корова фактически является второй матерью, а не просто «говядиной».

Есть разница между стрижкой овец для получения шерсти и сдиранием с них шкур на дубленки, потреблением молока и убийством ради мяса. Можно уничтожить организм ради составляющих его частей или брать необходимое, не посягая на чужую жизнь.

Эрих Фромм считает, что «главной опасностью для человека является не изверг или садист, а нормальный человек, наделенный «необычайной властью». Но власть сильна десятками тысяч рядовых исполнителей.

Фото из книг «Мифы народов мира», «Сатира Кукрыниксов» и журнала «Нэшнл джеографик» (США)

Если жизнь вокруг кажется Вам слишком мрачной, если Вы устали от унылых прогнозов и тревожных сообщений из горячих точек,

СЛУШАЙТЕ И СМОТРИТЕ ПРОГРАММЫ АГЕНТСТВА "РУССКАЯ ПРЕСС-СЛУЖБА"

ХОРОШИЕ

Телеканал 2x2 суббота, воскресенье 9.55

НОВОСТИ

"Хорошие новости" выходят в эфир на волнах радиостанции "Эхо Москвы" (СВ-1206 кГц, УКВ-66, 86 Гц) во вторник в 20.40, в четверг в 18.20. Программа "Надежда", в которой, помимо "Хороших новостей", рубрика "Домашний адвокат", транслируется по понедельникам на волнах "Радио России" в 22.25.

Наш адрес: 103055, Москва, а/я 23. "Хорошие новости"

209-95-81
209-76-52
200-21-10

RUSSIAN
PRESS
SERVICE

Стукачами не рождаются

Может ли быть закон о люстрации в специфических российских условиях? Впечатления участника второго тура международной конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра»

Григорий Померанц

Мне было неловко выступать после депутата бундестага, читавшего тщательно разработанный немецкий закон о люстрации. У меня за душой ничего не было, кроме интуитивных оценок и нескольких случаев, врезавшихся в память. Но жизнь наша такая запутанная, что никакой немецкий закон ее не распутает. У немцев все дру-

Все наши силовые структуры созданы для советской власти и несут ее в себе. Один из журналистов, сойдя с трибуны и продолжая дискуссию с офицером Г.Б.Кандауровым, сидевшим в соседнем ряду, сказал, что нашу систему госбезопасности бесполезно реформировать, ее надо строить заново. Да, если бы в Новосибирске или Чите была другая российская власть со своими службами, скроенными по мерке открытого общества... К сожалению, Бундесреспублик Руссланд нигде не существует и некому разбираться с нашей несчастной Руссией

Демократише Републик. Приходится пользоваться услугами тех структур, какие есть, понемногу высветляя темные углы «штази». Впрочем, высветляются ли они?

Между Сциллой и Харибдой

Сцилла — это инерция прошлого. А Харибда — полная власть преступных группировок, с которыми милиция не в силах (а иногда не очень хочет) справиться, угроза террора, гражданской войны и этнических чисток. Между этими двумя невеселыми перспективами приходится пробираться нашей неопытной демократии.

Допустим, мы пробрались через перекресток и стали чиститься. Как это делать? Многие сегодня видят выход в применении закона о люстрации, то есть законодательном ограничении на профессии для активных проводников тоталитарного режима. Я же чувствую огромную разницу между, допустим, номенклатурным работником и сексотом. Лукьянова никто не заставлял быть председателем Верховного Совета.

Сам хотел. И все это знают. Тут не нужна никакая люстрация (высветление, выявление). Разве что относительно мелких функционеров. Нет никакой позорной тайны. И можно спокойно доказывать: да, служил, но делал меньше зла, чем мог. Такие случаи были. Однажды в кругу старых ифлийцев был поднят бокал за бывшего заведующего спецчастью Якова Додзина. Он добросовестно проверял доносы и затормозил несколько дел. Например, съездил в Грузию и установил, что родители имярек не были кулаками и ничего имярек не скрыл. В 1937 году такая элементарная разборчивость была почти чудом. На воображаемом суде выступил бы свидетелем защиты.

Другое дело — сексот. Он с самого начала опозорен. А между тем многие начинали стучать не по подлости, а со страху, и даже не за себя — за близких.

Личный «камерный» опыт

У меня был личный опыт люстрации такого несчастного сексота. Слова «люстрация» мы тогда, в 1949–1950 годах, не знали, но фактически во многих камерах шла люстрация «наседок». В 16-й камере Малой Лубянки занимался этим честный коммунист Неймарк, убежденный, что следствие ведется «несоветскими методами» и надо этим методам сопротивляться. Неймарк делился со мной своими наблюдениями, и после трех случаев, которые он мне разъяснил, в четвертом, я сам включился в контрнаседочную деятельность. Однако пятый случай вызвал во мне внутреннее сопротивление. Подозреваемый был добрый старик. Что-то в его облике резко отличалось от собирательного портрета стукача, который складывался в моем сознании. Гипотеза Неймарка: старика шантажируют арестом его больной жены. Ради нее он готов на все, но по характеру не способен давать сведения, которые нужны следствию. Старика вызывали днем, на час-два, раз в неделю — примерно как Шумкова, заведомого наседку. Но Шумков возвращался спокойным, а старик — очень расстроенным. Видимо, следователи были недовольны и каждый раз заново ему грозили...

Случай дал мне возможность решающего эксперимента. В камере был уголовник Веденин, попавший по благородной статье за пьяную матерщину по адресу членов политбюро. Однажды я открывал форточку, Веденин ее закрывал. Дело чуть не дошло до драки. За меня заступились, Веденин остался с носом. Старик высказал мне сочувствие. И вот тут я внезапно пошел на жестокий эксперимент и сказал, глядя в упор: «А может быть, лучше явный враг, чем тайный?» Боль в глазах старика

была такой, что никакие слова ничего не могли прибавить. Через час или два он все-таки подошел ко мне и сказал: «Такой молодой человек, как вы, не должен опасаться, что о нем расскажут, потому что ничего плохого о нем нельзя сказать». Я пересказал Неймарку жалкое признание, и мы решили относиться к старику так, будто мы ничего не поняли и ничего не знаем.

Пусть они торгуют маслом!

Несчастливых стукачей было очень много. Нужна была немалая внутренняя сила, чтобы сопротивляться шантажу. Иногда люди кончали с собой, чтобы отвести угрозу от близких, или соглашались стучать, а потом сходили с ума. Я знаю подобные случаи. И сегодня многие «сексоты поневоле» мечтают об освобождении от своих обязательств. Об этом говорил один из участников конференции, бывший офицер ГБ, как о самой острой современной нравственной проблеме.

Сеть осведомителей есть в каждом большом государстве, настаивал г-н Кандауров. И можно согласиться, что требование к МГБ — заранее предупреждать о таких начинаниях, как беспорядки 1 мая 1993 года, прямо предполагает осведомителей в боевых группах, в террористических организациях. Но эта сфера деятельности в цивилизованном правовом государстве несравненно меньше, чем в обществе тотальной слежки. И «стукачей поневоле» можно и нужно отпустить подобра-поздорову, без всякой люстрации.

Сфера люстрации — это авансцена общественной жизни. Жена Цезаря должна быть вне подозрений. Те, кто претендует на роль духовных, нравственных, политических вождей нации, должны объявить о себе, что у них не было предосудительных контактов с репрессивной системой, и пройти проверку. Мне все равно, кто торгует маслом, лишь бы масло было свежим, но не все равно, кто с голубого экрана говорит о высокой честности, о духовном возрождении России и тому подобное.

Игры с ГБ.

Результат не ясен...

Здесь снова проблемы. Известно, что какие-то обещания ГБ давал Солженицын, давал Синявский. Солженицын рассказывает в «Архипелаге», как этап избавил его от дальнейшего нажима. Синявский в романе «Спокойной ночи» подробно описывает игру, которую он вел, обязавшись следить за Замойской и вступив с ней в тайный сговор против ГБ. Солженицыну почти все поверили. Только Якубович (один из осужденных по делу меньшевистского центра

1930 года), опираясь на свой опыт старого зека, написал (в самиздате), что Солженицын темнит, не все рассказал. Насколько мне известно, никто Якубовича не поддержал. Напротив, вокруг Синявского до сих пор клубятся подозрения. Многие старые зеки, опираясь на свой опыт, подвергают сомнению все, даже существование писем из лагеря, которые легли в основу «Голоса из хора». Думаю, что аура подозрительности связана с характером творчества Синявского, с его любовью к игре с недозволенным, к состязаниям с бесом. В этот контекст легко влетают любые воображаемые истории о поведении автора. Напротив, пророческий тон Солженицына заранее отменяет все кривые толки. Репутация писателя коренится в его стиле. Многие считали Достоевского убийцей, растлителем малолетних и тому подобное. И хотя ясно, что Пушкин не кричал дамам, спрятавшись, что он во мху... все-таки рассказывают этот анекдот про Пушкина, а не про Гоголя или Толстого.

Разъяснит ли дело документ, справка? Обратимся опять к делу Синявского. Есть опубликованный документ — докладная записка Андропова. Но документ ГБ написан языком ГБ, который надо вывернуть наизнанку, чтобы дойти до правды. Примерно как протоколы допросов, которые я подписывал — и не под пыткой: просто мне в камере объяснили, что «юридическим языком» записываются все показания и лучше не спорить по пустякам — прибавят пару лет за неуступчивость. Было бы любопытно сравнить, как одно и то же событие описано в документе — в подписанном протоколе и в моих неюридических «Записках гадкого утенка».

Докладную записку Андропова прочитал Максимов, прочитала Розанова и пришли к противоположным выводам. Кто же будет судить, разбираться в формальных справках? Молодые люди, никогда не унававшие на собственном опыте, почему фунт лиха?

Видимо, нужна не только возможность получить из архива справку (что иногда очень сложно: часть документов уничтожена), нужен еще суд, на котором затронутое лицо может отстаивать свое право на уважение и гражданскую полноценность. Суд, в котором, по-видимому, должны участвовать ветераны сопротивления, знающие, как ломались люди при вербовке.

У нас нет судебного аппарата, способного проверить сотни тысяч дел. Люстрация, на мой взгляд, возможна и необходима на авансцене общества. Тех, кто остался в глубинке, пусть судит их совесть.

Рисунок Геннадия Живуцкого

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

В публицистическом творчестве Марка Вишняка тема Учредительного собрания — одна из ведущих. Это и личные воспоминания, ценнейшее свидетельство непосредственного участника событий (заметки Вишняка о первых и последних днях российской «конституенты») мы публиковали в прошлом году — см. «НВ» № 19/92. Но что для нас много важнее — это то, что Вишняк превращает свои заметки об Учредительном собрании в нечто более глубокое и серьезное — в историко-политологический анализ явлений; еще больше — в философское размышление, обобщающее содержание всего критического пе-

риода российской истории: своеобразные «узлы судьбы», когда страна оказалась «узлы судьбы своя...».

Кого, как и чему учит история — это вопрос спорный, но на него ответы тем не менее есть: один из них был предложен в только что опубликованном нами очерке Лешека Колаковского. Разумеется, история никогда не повторяется и всякие параллели всегда натянуты и грешат искусственностью. Это, однако, не значит, что ретроспективный сравнительный политический анализ — дело совсем уж зряшное или заведомо напрасное. Тем более если речь идет о времени, которое, вообще-то говоря, мы попросту мало знаем — в немалой степени из-за предвзятой и односторонности информации. Тема же Учредительного собрания стала и темой сегод-

няшних наших дней. Стоит ли новая «конституента» или нет — так или иначе мы живем в «учредительный период» новой государственности. И осмысление всего трудного и тяжелого «учредительного капитала», с которого мы начинаем новое предприятие, — важнейшая задача для всех нас.

Поэтому и предлагаются сегодня нашим читателям фрагменты из заключительной главы книги Марка Вишняка «Всероссийское Учредительное собрание», изданной в Париже в 1932 году (полностью эта глава будет вскоре напечатана в журнале «Октябрь»). В этой главе автор в основном обращается ко времени «осколков» (осколков Учредительного собрания), к так называемому «Поволжско-уральскому движению» и

другим «постучредительным» группировкам. Но главное в этом материале — анализ причин поражения У.С. (так в тексте сокращенно обозначается Учредительное собрание). Над этой темой Вишняк долгие годы размышлял, находясь в изгнании во Франции, а также в США, где 30 последних лет своей жизни работал в журнале «Тайм» консультантом по русским делам.

Несбывшаяся свобода

Марк Вишняк (1883 – 1977)

К ак и чем объяснить неудачу антибольшевистского движения, поднятого левым флангом русской демократии под флагом и лозунгом восстановления прав распущенного большевиками Всероссийского Учредительного собрания? Почему снова произошел «срыв» или претерпела крах «всероссийская» власть?

Там и тут были общие причины, были и причины специальные и особые. Были причины, лежавшие вне тех сил, которые подняли восстание против большевиков и руководили им в первой решающей стадии. Но были и причины внутренние, определившие неуспех.

Был прежде всего порок воли, недостаточно активное утверждение «воли к власти» и «революционного дерзания»; может быть, чрезмерная приверженность к праву и справедливости; влечение, со стороны расцениваемого как недуг, — к возможно менее кропотливой ликвидации междоусобия. Отсюда и линия сговора с другими вместо собственного самоутверждения; «соглашательство» во что бы то ни стало и погоня за «честной коалицией» даже тогда, когда от коалиционных настроений и даже чести остались только слова без реального содержания и смысла. Отсюда ставка на «мудрость», сознательность и жертвенность народа, который добровольно примет на себя и понесет все тяготы гражданской борьбы, поднятой в его интересах и во имя его. С этим связывалась неизбежно и переоценка роли слова и убеждения, как едва ли не главной функции и меры воздействия государственной власти. В этом сказывалось и некоторое неумение, за отсутствием опыта, управлять государственным аппаратом и определенное понимание задач управления.

Относиться к такому пониманию можно по-разному, но отрицать его не приходится, как невозможно отрицать и то, что сравнительно с другими властями власть самарская, а потом и «всероссийская», образовавшаяся в Уфе, была и более гуманной и более честной властью, верившей не только в свое слово, но и в чужое, и до

конца дней своих «наивно» признававшей святость клятвы и присяги. При общем озверении в пору гражданской войны естественно, что именно такая «прекрасдушная» власть обрекалась на роль первой и наиболее легкой жертвы. Но и те, кто, злоупотребив доверием, путем предательства и насилия, во имя фиктивной цели — якобы более энергичной борьбы с большевиками — одержали верх над этой властью, только на время, и сравнительно очень короткое, избегли участи, уготованной им непревзойденными профессионалами гражданской войны.

Более чем неосновательны и вымышленны все препоны «учредителей» в том, что они влеклись «похотью» к власти и боролись только в личных интересах за восстановление своего, «эсеровского» Учредительного собрания. Их можно скорее обвинять в ослабленной воли к власти, а никак не в обратном. Столь же неосновательны утверждения, будто самарская власть, как позднее и Директория, претендуя на всероссийское свое значение, шла путем не общенационального объединения под своей эгидой разных классов и групп в их противостоянии большевистской тирании, а преследовали якобы свои, узкопартийные интересы. Они, может быть, переоценили потребность в безотлагательном образовании всероссийской власти в то время, когда основная толща населения не возвысилась до сознания ее необходимости и жила местными, своими, а не общими интересами, но и только. Тут давали себя знать силы, лежавшие вне тех кругов, которые подняли и вдохновляли восстание против большевиков во имя утверждения прав народа.

Оба социальных фланга — имущих и неимущих, от высшего офицерства и до низших слоев города и деревни — одинаково близорукое расценивали свои интересы и одинаково оказались далеки от подлинных нужд страны и государства. Корыстные вожделения имущих верхов, уклонявшихся систематически от финансово-экономического бремени, питали вражду ко всякой сущей власти во имя власти мифической и грядущей. На этом питательном бульоне всходили семена реакции. А

на другом фланге неимущие низы, не успевшие еще изжить до конца демагогические посулы большевиков, в «соглашателстве с буржуазией», не скрывавшей своих реакционных устремлений, находили достаточное оправдание для собственной инерции и выжидательно-критической позиции. Верхи были активно враждебны социалистам. Низы в своем большинстве, в лучшем случае пассивно-благожелательны, отсиживались и выжидали, какая сторона возьмет верх. Гражданская борьба наглядно показала, что низы, как и верхи, руководились не столько общенациональным сознанием, сколько мотивами классового и социально-политического порядка. И единственное, что отличало одних от других, — это фразеология: фальшивая, патристически-национальная у верхов и более чем откровенная у низов.

Верхи вели борьбу не только политическую. И не только против большевиков вели они свою борьбу. Они вели и социальную борьбу против захватчиков — крестьян и рабочих; и национальную — против захвативших в свои руки судьбы России «инородцев»; и партийно-политическую — против всех социалистов. Словом, они боролись против всех сил — и стихий — русской революции. Со своей стороны низы, поскольку они осмысливали антибольшевистское движение, не ограничивали его одним голым низвержением насильнической власти, а привносили в борьбу и общие, вековые цели социального, политического и национального раскрепощения. Из исторического далека легко видеть, почему в 1918 году победило не антибольшевистское движение, расколотое множеством и различием целей, которые преследовали каждый из его отрядов, а победили большевики, сильные единством своего руководства и цели — волей к самосохранению во что бы то ни стало.

Поволжско-сибирское движение, поднятое «учредителями», имело много дефектов. Оно допустило много ошибок, выяснившихся только позднее, вольных и невольных упущений и даже, может быть, преступлений. Но сравнительно с другими фронтами и возглавлявшими их властями оно было наиболее почвенным, наиболее свободолюбивым, наиболее отвечавшим историческим нуждам России. Если за всем тем оно все-таки потерпело крушение, как позднее и другие фронты, объяснение этому приходится искать в некоторой его преждевременности, в том, что, вспыхнув досрочно, оно и угасло, прежде чем победило.

Организационно недостаточно подготовленное, формируемое не в меру горячими патриотами и противниками большевистской тирании, оно разразилось без участия «случая» — неожиданного и никем не предвиденного выступления чехословаков. Это выступление было слишком серьезно и в то же время достаточно реально, чтобы не воспользоваться им во имя доктринерских соображений и необходимости выждать, пока не будет подготовлена более благоприятная обстановка. Симпровизированное историей, чехословацкое выступление вызвало и русскую импровизацию. Зревшее и подготавливавшееся в тишине, антибольшевистское движение детонировало и перешло к действию раньше срока, положенного историей и психологией народа.

То, что случилось, имело, конечно, достаточные основания к тому, чтобы случиться. Но из того, что могло случиться, отнюдь, конечно, не следует, что и «все другие комбинации» были невозможны. Можно не разделять радостного ощущения Герцена по случаю того, что «история не имеет» (так у автора. — Ред.), ибо иначе она была бы «неинтересной, скучной, смешной», сделалась бы «театральной пьесой с заранее известной развязкой». Но нельзя не согласиться с ним, когда он го-

ворит: «В истории все импровизация, все воля, все вперед — ни пределов, ни маршрутов нет, есть условия, святое беспокойство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силы, идти вдале, куда хотят, куда только есть дорога, а где ее нет, там ее сперва проложит гений»...

Этим святым беспокойством были исполнены люди, поднявшие восстание против большевиков летом 18-го года. И в этом их морально-политическое оправдание. «Учредителям» не удалось проложить дорогу к освобождению России. России все еще приходится ждать своего «гения». Это не умаляет «вызова бойцам», который раздался из их уст по всей России, на севере и на востоке, в Архангельске, в Заволжье и в Сибири...

Если попытаться ответить на укориственно-самобичующий вопрос-восклицание поэтессы Гиппиус:

«Наша надежда и воздыхание

Учредительное собрание —

Что мы с ним сделали?!»

— придется прежде всего уточнить, кто такие эти «мы», погубившие «молитву» и «мечту» наших дедов и героев.

«Мы» — это все, — все политические партии, классы и народы российские!.. Одни «губили» активно, другие пассивно. Одни — изменяя прошлому и предавая Учредительное собрание,

другие — не считаясь с ним, единственно данным реально, прекрасноразумно или переоценивая свои силы и одновременно недооценивая силы врага, силы тлена и разложения, — в экономике мира играющие не меньшую роль, чем силы сцепления и добра.

Народ не поддерживал Учредительное собрание — значит ли это, что У.С. было исторически обречено и должно быть, теперь и раньше, осуждено и морально-политически?

«Историософски» это можно утверждать, только стоя на почве принятия и оправдания всей истории без изъятия, со всеми ее преступлениями и злодеяниями без исключения. Если все действительно разумно и разумно только в действительности сущее — о, тогда, конечно, и разгон Всероссийского Учредительного собрания тоже разумен, как разумны и октябрьский переворот, и Брест-Литовский мир, и надругательства над церковью и религиями, семьи и т.п. Больше того — только большевизм и разумен, только он в таком случае и приемлем, ибо он единственный торжествующий, только его народ — пусть пассивно! — и «поддержал»!..

«Народ не думал о поддержке тех, кто считали себя его избранными, а на деле были теньями уже истощенного периода революции», — писал Троцкий через несколько лет после «Разгона Учредительного собрания» («Правда» от 20-IV, 1924), еще не предвидя того «глуповатого бессилия», коим вскоре обернется его собственная «напыщенная» сила. И тот же мотив — на другом полюсе русской общенности. «Как смеете вы называть себя избранными народа, исконными выразителями его воли, если он пальцем не шевельнул, когда выгнали вас из Таврического дворца?! Царствие ваше окончилось. Сгиньте, окаянные, сгиньте навсегда!.. Россия проклянет вскоре имена ваши...», — писали правые в феврале 1918-го...

На наш взгляд, народ — отнюдь не «богоносец»; он носитель не одного только праведного начала. И в истории отнюдь не предустановлена и обозначена одна только «гармония». Народ — всякий народ — способен и падать, и очень низко, и ошибаться, и очень глубоко. Расхождение между разумным и нелепо-стихийным, между целесообразным и случайным, светлым и темным для истории извечно. Воспринимать это расхождение можно по-разному — трагически или эпически, но как факт оно не устранимо и не уалимо. Можно счи-

тать «страшным» для «свободолюбия» народа, что он остался «немым», когда «пришел матрос и разогнал Учредительное собрание». Но нельзя при этом забывать, что народ остался «нем», безмолвен и недвижим или, во всяком случае, недостаточно активен и при всех других попытках преодоления большевистского насилия, во всех других случаях поругания его веры, государства, семьи, хозяйства...

Нельзя приговор и осуждение Учредительного собрания видеть в том, что его не поддержал народ, — не осуждая одновременно с тем и самого себя, и всех других, — в частности все другие учреждения, методы и попытки борьбы с большевизмом, оказавшиеся ведь не более счастливыми, чем «контрреволюционное большинство» Учредительного собрания или «полубольшевики» — эсеров называют ведь по-разному. Все герои исторических неудач могут одинаково печалиться и негодовать. Злорадствовать им одинаково не дано! Радоваться может только «третий», празднующий победу над всеми...

Русская общественность недооценила силы, длительности и пагубности большевистского овладения Россией. Отсюда легкомысленная уверенность, что с большевиками ничего не стоит справиться «в два счета», только бы полубольшевики, родные или двоюродные братья большевиков, не мешали и не мешались. Отсюда и убеждение, что «учредилцы», да и всякое Учредительное собрание, лишь препона на пути реального преодоления большевиков и большевизма — нужны дела, а не слова, войны, а не политики, единоначалие, а не многоглаголанье. Русская общественность недооценила факта существования и сохранения хотя бы «символа», хотя бы «охвостья» Всероссийского Учредительного собрания для борьбы против большевиков. Она отвернулась от него, не считаясь с тем, что Учредительное собрание было единственным правовым источником власти, что вне и взамен его может существовать и длиться только хаос, произвол и усмотрение диктаторов коллегиальных или единоличных. Русская общественность из своего столетнего далека проглядела то, что в глубине России, «на местах» и на окраинах было самоочевидно. Она недооценила факта существования Учредительного собрания для сохранения целостности и единства российской державы.

Поражение Учредительного собрания было не частным и личным, оно было общим и всероссийским. Свобода, равенство и право оказались вновь сняты с исторического порядка дня России более чем на 1,5 десятка лет. Вновь началось хождение по политическим мукам великой в этом отношении неудачницы России. Это было в духе, в стиле и в традиции русской истории, в которой еще Герцен отмечал «странную» вещь, что почти все наши грезы «оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда торжеством».

...Третий путь далеко не всегда дается историей. И потому и случилось, что русские патриоты и государственники, не желавшие поддерживать Всероссийское собрание даже в борьбе против большевиков, вынуждены были поддерживать мероприятия английских, немецких, японских и даже греческих военачальников, не справляясь ни с убеждениями, ни с целями иностранных противников большевизма. Третий путь — или сторона — только видимо сохранял нейтралитет в отношении к обоим борющимся лагерям. Фактически он отдавал преимущество большевикам, уже овладевшим властью, перед Учредительным собранием, которому еще лишь предстояло низвергнуть большевистский режим и овладеть властью.

Не будем останавливаться подробнее на всех обвинениях и издевках над Учредительным собранием, исходяв-

ших и исходящих от его явных противников справа и слева, от сторонников диктатуры личной или коллективной. Далеко, к сожалению, не все благополучно в этом отношении было и в демократическом лагере русской общественности, демократию восполнявшей социализмом. И там недооценили того, что не во множественности путей спасение, что бывают исторические моменты, когда реально даны только два пути.

Роль большинства в Учредительном собрании отнюдь, конечно, не была безупречна, дальновидна и во всем целесообразна. По истечении «земской давности» из исторического далека менее всего имеет смысл утаивать, замалчивать или затушевывать чьи бы то ни было политические ошибки и прегрешения. Партия эсеров — и не одна она, конечно! — недооценила физическую устойчивость противника, переоценила его морально-политические устои — революционное происхождение большевизма и социалистическую направленность большевиков. Многим не верилось, а иные и вовсе не

допускали, чтобы большевики так-таки и решились на разгон Учредительного собрания или на расстрел...

Всероссийское Учредительное собрание явно не удалось — как «не удалась» и февральская революция, как «не удалась» и христианство, по свидетельству Достоевского, и вообще вся человеческая история. Среди

многих причин этой великой неудачи были и причины идеологического характера. Слишком затянулся самодержавный период русской истории, и нарождавшаяся еще при самодержавии русская общественность слишком долго развивалась в атмосфере бесправия и произвола, под прямым влиянием отталкивания и вражды к началам самоуправления и народоправства. Отсюда и характерное для русской общественности условное признание демократического принципа и его воплощения — Учредительного собрания, отношение к ним не как к самоценности, а «постольку-поскольку», в зависимости от места, времени и прочих преходящих обстоятельств и соображений партийной тактики и стратегии.

Действительно, Учредительному собранию так и не удалось стать ничем большим, как предисловием к грядущему. Учредительное собрание умерло, но мы не можем не воскликнуть: да здравствует Учредительное собрание!

Только через Учредительное собрание может Россия прийти к свободе и благосостоянию. Только этим путем, перестав быть советской, Россия не станет и евразийски-великорусской, не сведется к пределам евразийской Великороссии!

«К Учредительному собранию Россия придет после долгих и тяжелых блужданий по песчаной и безводной пустыне анархии, — почти пророчески писал еще до октябрьского переворота безвременен скончавшийся от советского сыпняка проф. В.М.Гессен. — Она придет к нему измученная и обессиленная, растерявшая по пути значительную часть революционных иллюзий. Она придет к нему, охваченная стремлением к порядку и жаждой власти. При таких условиях Учредительное собрание окажется в такой мере авторитетным и могущественным, что о каком бы то ни было противодействии его воле не может быть и речи»...

Что идея Учредительного собрания в известном смысле «вечна» и что вне его вообще нет выхода для России — весь вопрос лишь во времени... Будет время — и будет Учредительное собрание...

Да, так будет, потому что иначе и быть не могло!

И, когда это будет, станет ясным и то, что права была демократия, а не те, кто боролись против нее слева и справа. И тогда оправдано будет и Всероссийское Учредительное собрание первого созыва.

БАНК "ДЕЛОВАЯ РОССИЯ" СООБЩАЕТ

об открытии филиала банка в универмаге "Петровский Пассаж"

(ул. Петровка, 10. Тел. 292-66-53) и приглашает организации любых

форм собственности и граждан открыть рублевые и валютные

счета. • Комплексное обслуживание по всем видам расчетных

и сберегательных операций в одном месте. • Банковские

тарифы и комиссии - одни из самых низких в Москве. • В

ближайшее время - операции по кредитным и дебетным

карточкам. Офис банка расположен на первой линии первого

этажа универмага "Петровский Пассаж". Время работы 9:30 -

13:30; 14:30 - 17:00. Банк "Деловая Россия" зарегистрирован

Центральным Банком Российской Федерации 22 января 1991

года в форме акционерного общества открытого типа.

Объявленный капитал банка - 3.000.000.000 рублей. Оплаченный

капитал - 1.180.000.000 рублей. Банк имеет Генеральную лицензию

N 1351 на все виды операций. Банк является членом и активным

участником: • Московской Межбанковской Валютной Биржи,

• Всемирного Общества Межбанковских Финансовых

Телекоммуникаций (S.W.I.F.T.). Банк гарантирует решение Ваших

проблем выгодно, точно и быстро.

БАНК "ДЕЛОВАЯ РОССИЯ" СООБЩАЕТ

Знаменитая муза парижских художников 30-х годов и последняя представительница сюрреализма 76-летняя **Леонора Каррингтон** живет в скромной гостинице в предместье Чикаго. «Я нисколько не сожалею о том, что мне пришлось испытать в своей жизни», — с некоторой грустью говорит эта художница, без упоминания фамилии которой не обходится ни один справочник по искусству. А на ее долю выпало немало тяжких испытаний.

16-летней наивной девушкой она вопреки желанию строгой религиозной семьи отправилась в Париж, чтобы познакомиться с входившим тогда в моду новым течением в изобразительном искусстве. В Англию она больше не возвратилась, став на многие годы подругой и вдохновительницей знаменитого Макса Эрнста. Однако ее протестантская семья не оставляла попыток вернуть блудную дочь, и поэтому, когда в Испании разразилась гражданская война и Леонора отправилась туда вместе с группой художников, родственникам с помощью британского посольства удалось на какое-то время изолировать ее в доме для умалишенных. Но она сбежала оттуда и вернулась к своим друзьям — Шагалу, Бретону, Леже, Дюшампу и другим знаменитым художни-

кам, которые обосновались в Париже. «Сюрреализм никогда не был политическим движением, — вспоминает Леонора, — однако захватившие Францию фашисты сразу же начали преследовать художников этого направления». Таким образом, кружок распался и Леонора оказалась сначала в Португалии, затем в США, и это были ее самые трудные годы. Она помогала Бунюэлю, который снимал своего знаменитого «Андалузского пса», руководила киноklubом при Нью-Йоркском музее современного искусства. Затем она переехала в Мексику, где работала с Диего Риверой и составляла свои полотна в галерее Матисса в Нью-Йорке, пробовала свои силы в художественной литературе.

Эта пожилая дама, которая вместе со своими известными единомышленниками некогда ниспровергала буржуазные ценности, ныне не стесняется называть себя типичной представительницей буржуазии, она презирует политику и не хочет ничего слышать о коммунистах. «Меня совсем не радует, когда меня называют музой сюрреализма, — говорит Леонора Каррингтон. — Какая уж муза, если мне пришлось в жизни постоянно и тяжело трудиться, чтобы только выжить».

«Бизнес — это здоровье и долголетие», и 92-летний **Вехби Коч**, глава крупнейшей в Турции промышленной группы, лучшее тому подтверждение. В 20-х годах, когда Коч начи-

нал свое первое дело, Турция во многом напоминала Россию наших дней: рухнувшая многовековая империя, разруха, дефицит самых необходимых продуктов, к тому же 12 из 13 миллионов населения были неграмотны.

Коч по праву считается одним из отцов «турецкого экономи-

ческого чуда», и секрет своего успеха он видит прежде всего в том, что в равной степени заботился не только о личной выгоде, но и об общественной пользе. Забавлявая миллионы, он не забывал, что их нужно возвращать людям: на средства фонда своего имени Коч строил общежития для студентов, субсидировал школы бизнеса и лицей, а недавно основал и университет.

Сам Коч уверен, что ни один бизнесмен не может считать себя настоящим преуспевающим до тех пор, пока его страна находится в тяжелой ситуации. И хотя, кажется, им сделано все, что возможно, для процветания Турции, Коч от дел не уходит, вероятно, полагая, что его самая «золотая пора» еще впереди. Иначе отчего программа развития «Коч-2000», разработанная специалистами его компании, носит весьма выразительное название — «Абсолютное качество»?

«Я, кажется, родился с любовью к Пушкину», — утверждает полковник в отставке **Иван Потоцкий**, всю жизнь посвятивший на соби- рание уникальной пушкинской коллекции.

Основа ее — конечно, книги; прижизненные издания Пушкина — уникальный двухтомник 1828 года, первое посмертное собрание сочинений в одиннадцати томах, первое издание воспоминаний одноклассника и секундан- та Пушкина на последней дуэли Константина Данзаса, первое издание материалов военно-судебного дела роковой дуэли.

Потоцкий вместе с тем понимает, что в нынешние времена держать подобные уникалы в частной квартире небезопасно, за многими реликвиями русской культуры идет настоящая охота —

Нет воды — не будет и фильма

37-летний польский режиссер **Мачей Дрыгас** по окончании ВГИКа работал ассистентом у Кшиштофа Кесьлевского и Кшиштофа Занусси. В 1991 году он уже самостоятельно снял фильм о Рышарде Сивце, который совершил акт саможжения в 1968 году, протестуя против вторжения войск в Чехословакию. Эта лента Дрыгаса — «Услышьте мой крик» — была удостоена приза «Феликс». О Рышарде Сивце Дрыгас подготовил и радиопередачу «Завещание», отмеченную в 1992 году престижнейшей премией итальянского радио.

Сейчас режиссер работает над самым неожиданным для себя сюжетом: он делает фильм о Сергее Крикалеве — советском космонавте, пробывшем на орбите почти год (310 дней), потому что государство, которое запустило корабль, перестало существовать. В течение шести месяцев не было средств на запуск корабля, который вернул бы Крикалева на Землю. В России Дрыгас прослушал записанные на пленки почти 600-часовые записи переговоров Крикалева с Землей. По словам режиссера, «трагедию» космонавта создали журналисты, и сам Крикалев узнал о ней, услышав во время сеанса связи с Землей выпуск новостей, в котором рассказывалось о его полете. «Тогда до меня дошло, что я вроде как больше и не существую», — сказал Крикалев, еще не подозревая о том, что ему суждено стать первым российским космонавтом на борту американского «Шаттла».

И в то же время Мачей Дрыгас утверждает: «Ничто не заставляет меня заниматься исключительно кинематографом. Могу фотографировать, писать, готовить радиопередачи. Мне очень нравится быть вечным дебютантом. Мое призвание — открывать историю». Может быть, характер Дрыгаса столь переменчив оттого, что он не представляет себе жизни без текущей воды: «Жить в городе, где нет хотя бы маленькой речушки, — сущая трагедия», — говорит он.

принял решение об ужесточении санкций против Сербии и Черногории. В списке почетных четников города Ниш указан под фамилией Билевич Джордже Александрович. Список составляет сербская радикальная партия, возглавляемая Воиславом Шешелем (см. «НВ» №22/93). Беляев встречался с лидером сербских ради-

калов в Белграде и считает его «крупным национальным политиком».

Весной 1990 года старший лейтенант, оперуполномоченный по особо важным делам Юрий Беляев был избран депутатом Петросовета. Одновременно «работал» председателем русского движения «Отечество» в Санкт-Пете-

бурге и редактором газеты «Отчизна». В 1991 году вместе со своими сторонниками вышел из движения, как говорит, «по идеологическим соображениям» — к движению примкнули неокоммунисты и патриоты. Вышедшие из «Отечества» русские националисты организовали Народно-социальную партию. Ее конечной

Лиза Мария, дочь Элвиса

Ее внешнее сходство с отцом бросается в глаза. Чтобы еще больше походить на него, она перекрасила свои светлые волосы в черный цвет — это придает ей вызывающий и гордый вид легендарного Элвиса.

Когда в 1977 году ушел из жизни король рок-н-ролла Элвис Пресли, его дочери было 9 лет. По воле отца **Лиза Мария Пресли** могла получить наследство в день своего 25-летия. 1 февраля этого года ей исполнилось 25, и она стала наследницей поистине королевского состояния в 100 миллионов долларов. Отныне она также распоряжается и «королевством» Элвиса — музеем «Грейсленд» в Мемфисе.

За всю свою жизнь Пресли сколотил огромный капитал, но после его смерти осталось только 5 миллионов долларов. Его жена Присцилла превратила дом мужа в музей, который стал настоящим предприятием, приносящим ежегодный доход в 10 миллионов долларов. «Грейсленд» стал самой посещаемой (около 700 тысяч посетителей в год) резиденцией в США после Белого дома.

Лиза Мария была самым красивым и дорогим подарком для Элвиса, сделанным его женой. Когда ей исполнилось 4 года, родители развелись. Она жила с матерью, но часто приезжала к отцу, который продолжал баловать ее по-королевски. Она хочет в кино? — он снимает целый кинозал. Она желает покататься на лошадке? — он покупает парк аттракционов. Она жалуется, что никогда не видела снега? — он посылает ей личный самолет, который доставляет ее в Юту, где в течение 20 минут она забавляется снегом. Развлечение обошлось в 30 тысяч долларов... Несмотря на все это, Лиза Мария признается, что «никогда не была по-настоящему счастлива». Была и другая сторона их отношений — маленькая девочка видела, как отец постепенно привыкает к наркотикам.

Уже подростком Лиза Мария меняет школы, бросает учебу, ссорится с матерью, становится наркоманкой. Она понимала, что именно от этого умер отец, но считала, что должна сама через это пройти. Обрести нужное душевное равновесие, бросить наркотики и помириться с матерью ей помогли занятия сциентологией, замужество и рождение детей.

Дочь незабвенного идола живет с семьей в Лос-Анджелесе без каких-либо внешних атрибутов знаменитости — без телохранителей и роскошных лимузинов. В ее доме мало что напоминает об отце, нет и той экстравагантности, о которой складывались легенды в «Грейсленде». Она мечтает стать рок-певицей — еще одно сходство с отцом. Но, пока не подрастет полугодичный сын, она не хочет приступать к серьезной карьере. И, если к ней придет успех, Лиза Мария станет частью легенды своего отца.

вспомнить хотя бы знаменитое ограбление библиотеки МГУ. Поэтому многие уникальные экспонаты он постепенно передает в музеи: «Спутники Пушкина» Вересаева с автографом автора, «Пушкинский сборник» 1899 года, фирменный знак, посвященный столетию Царскосельского лица, — его нет ни в одной из отечественных экспозиций.

Многие собиратели донные придерживаются мнения, что чем меньшему кругу людей доступна коллекция, тем выше ее ценность. Потоцкий полагает, что таких кашеев и коллекционерами назвать трудно. Его собственное собрание широко открыто для всех, кто интересуется жизнью и творчеством Пушкина, и для профессиональных пушкиноведов. В книгах Владимира Кунина «Друзья Пушкина», Владимира Русакова «Потомки Пушкина» использованы многие материалы из коллекции Потоцкого.

С лета 1992 года лидер Народно-социальной партии 36-летний **Юрий Беляев** набирает и отправляет добровольцев в Югославию. Дважды побывал там сам. Воевал в Боснии и Герцеговине. В городе Ниш был удостоен звания «Почетный четник» за участие в боях под Сребреницей, после которых Совет Безопасности ООН

целью является установление русской национальной диктатуры.

14 апреля 1993 года Беляев был арестован украинскими спецслужбами в городе Чоп в поезде Белград—Москва, на котором он возвращался из восточной Боснии. Четыре дня провел во внутренней тюрьме госбезопасности на Украине, еще шесть — в Санкт-Петербурге. Ему предъявили обвинение по статье 74 УК РФ («разжигание межнациональной розни»). Причина — редакторская работа в петербургской газете «Народное дело». Сам Беляев считает, что его преследовали за отправку добровольцев в Боснию.

Юрий убежден, что готовит специалистов, которые в скором будущем найдут применение. Он не исключает возможность гражданской войны в бывшем СССР: «Не позволю обижать русских».

В 1992 году совместно с сотрудниками профсоюза ГУВД Санкт-Петербурга Беляев организовал кампанию «против кавказской преступности в городе».

Беляев женат. Супруга спокойно относится к деятельности мужа. 14-летнему сыну больше нравится камуфляжная форма, чем политические тонкости деятельности отца.

Подборку подготовили
Марина Червонцева,
Маргарита Шиц,
Олег Вишняков,
Игорь Некрасов,
Георгий Осипов

Легкое зелье

Отчего в России что ни учебное заведение, то академия или на худой конец университет

Вячеслав Басков

Одна девушка сильно убивалась из-за того, что ее возлюбленного звали неправильно.

— Что есть Монтекки? — спросила она ввечеру, расхаживая взволнованно по балкону и ломая руки. — Как мне жаль, что ты — Ромео! Отринь отца да имя измени!..

Российские высшие учебные заведения, выламывая руки российскому правительству, переименовываются из институтов в университеты и академии.

По идее одно лишь правительство вправе решать такого рода важные вопросы. Толпа желающих «отринуть отца да имя изменить» столь, однако, велика, что правительство передоверило свою святую функцию председателю Комитета Российской Федерации по высшему образованию. Под его личную ответственность.

Боевые сводки

Впрочем, и сам этот комитет ввечеру еще звался не совсем так, как значится на стеклянной вывеске дома № 51 по Люсиновской улице. На бланках этого государственного учреждения, прежде называвшегося Министерством высшего и среднего специального образования СССР, теперь встречается иное — недолговечное! — имя: «Министерство науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации».

Сохранились другие документы, где этот же Ромео фигурирует под несколько фамильярным псевдонимом — «Комитет по высшей школе». Однако, по самым последним сводкам с боевого балкона, учреждения, связанного брачными узами с вузами, в доме № 51 по улице Люсиновской вскоре вообще не будет.

Сотрудники уже получили извещение об увольнении: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. В связи с упразднением Комитета по высшей школе. Вы подлежите увольнению...» Но кампании по переименованию вузов даже это печальное обстоятельство остановить не в силах. Скорее, наоборот: оно подстегивает.

От горизонта до горизонта

Читатель лучше постигнет тревожность ситуации, если познакомится

лишь с одним из множества решений коллегии бывшего Минвуза СССР.

«Заслушав и обсудив сообщение начальника Управления высших учебных заведений и региональной политики Новикова Ю.А. по вопросу о переименовании Алтайского, Дальневосточного, Самарского, Саратовского, Хабаровского политехнических, Казанского и Уфимского авиационных, Новосибирского электротехнического, Московского автодорожного институтов, Московских институтов прикладной биотехнологии, электронной техники и электронного машиностроения, Санкт-Петербургских горного и инженерно-экономического институтов, Санкт-Петербургского института текстильной и легкой промышленности, Ростовского института сельскохозяйственного машиностроения,

КОЛЛЕГИЯ РЕШИЛА:

1. Принять предложения ученых советов указанных высших учебных заведений... о переименовании в университеты и академии.

2. Управлению высших учебных заведений и региональной политики (Новикову Ю.А.) в установленном порядке подготовить проект приказа Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации о переименовании высших учебных заведений согласно приложению.

3. Контроль за выполнением решения коллегии оставлять за собой. Председатель коллегии В.Г.Кинелев».

Чтобы представить батальную картину от горизонта до горизонта, читатель должен еще учесть, что каждый институт, вознамерившийся переименоваться в академию или университет, обязан представить целую папку документов «в установленном порядке»: выписку из решения ученого совета вуза, справку о деятельности вуза (исторические сведения, перечень образовательных программ, участие в научных программах различного уровня), письменное согласие на переименование органов исполнительной власти по месту расположения вуза, заключение ассоциации вузов, докумен-

ты, подтверждающие общественное признание высшего учебного заведения...

«Указанные материалы» следует сброшюровать в два экземпляра, а потом вместе со своим уставом еще в пятнадцать — для каждого члена коллегии. Работа! А мы спрашиваем, что ученые делают.

Вузы не останавливаются ни перед какими затратами. В кампании переименований участвуют члены ученых советов, местные власти, федеральные власти. Но кроме них еще и сотни исполнителей: машинистки, переплетчики, которые клеют красивые папки наподобие той, что изготовили в Томском институте автоматизированных систем управления и радиоэлектроники в стремлении стать «Томской государственной инженерной академией систем управления и радиоэлектроники». Эти слова на двух кожаных папках вытеснены золотом.

Тест на академика

В 1992 году в России появились 92 университета и 32 академии. Бу-

мажно-стеклянная деятельность по переименованию и замене вывесок охватила чуть не каждый третий вуз. Ожидается, что вскоре в стране не останется уже ни одного института.

Бывший МАТИ стал Московским государственным авиационным технологическим университетом, Московский геологоразведочный институт — Московской государственной геологоразведочной академией, появились университет леса (бывший Московский лесотехнический институт), академия печати (бывший полиграфический), академия музыки имени Гнесиных, академия сферы быта и услуг...

Считается, что университет сильнее академии. Но если читатель сумеет уловить тонкую разницу между этими терминами, то может смело записываться в академики.

УНИВЕРСИТЕТ — высшее учебное заведение, деятельность которого направлена на развитие образования, науки и культуры путем проведения фундаментальных научных исследований и обучения на всех уровнях высшего и послевузовского образования по широкому спектру естественно-научных, гуманитарных и других направлений науки, техники и культуры.

АКАДЕМИЯ — высшее учебное заведение, деятельность которого направлена на развитие образования, науки и культуры путем проведения фундаментальных научных исследований и обучения на всех уровнях высшего и послевузовского образования преимущественно в одной из областей науки, техники и культуры.

Выходит, что 1-й медицинский институт имени И.М.Сеченова, который имеет 13 разнообразных клиник, должен бы быть университетом, а 2-й медицинский имени Н.И.Пирогова, не имеющий ни одной своей клиники, — академией. Но все почему-то наоборот. Вероятно, в то время, когда эти два прославленных учебных заведения перезаписывались, еще не было научно обоснованных определений «университета» и «академии». В то смутное время «академия» звучала красивее. 1-й меди-

цинский предпочел стать академией.

Но читателю пора узнать, что по международной классификации академия — нижайшее звание учебного заведения. Первым идет университет, за ним — институт и только потом — академия.

О бескорыстии

Боюсь, читатель заподозрил в переименованиях денежный интерес. Может быть, в университетах и академиях тем, кто читает лекции, больше платят?

Первый же пункт «Временного порядка переименования государственных высших учебных заведений Российской Федерации» № 1691-р разъясняет, что никакие изменения в «условиях финансирования и материально-технического обеспечения» ждать нечего.

Больше того, в методическом управлении тающего на глазах Комитета Российской Федерации по высшему образованию меня заверили, что никакой разницы и в подготовке студентов университетов, институтов и академий нет.

Ученые готовы даже приплатить ради эфемерного эстетического наслаждения. Студенческие билеты, экзаменационные ведомости, финансовые документы — как ни велики расходы, вузы на них идут. При этом они остаются верны своей старой привычке кланяться у государства деньги «на развитие отечественной науки». В Бауманском институте даже гордятся, что первым из ректоров, кого принял президент России, был ректор Бауманского. Президент в теплой и дружественной беседе обещал ректору всемерную поддержку. Бауманский институт был самым первым вузом, который переименовал себя в университет. Студентов Бауманского университета учат тому же и так же, чему и как учили студентов Высшего технического училища им.Н.Э.Баумана.

Брожение умов

Если следовать научному определению «академии», то это что-то очень узкое, вроде Московской

ветеринарной академии. Томскому институту, где готовят инженеров в области систем управления и радиоэлектроники, следовало бы стать университетом. А вот Московскому институту иностранных языков имени Мориса Тореза, наоборот, вряд ли следовало переименовываться в «лингвистический университет». Оттуда выпускают всего лишь переводчиков и учителей. А если углубиться в нынешнее название, то можно подумать, что там придумывают новые языки.

Советские, а теперь российские дипломы о высшем образовании почти нигде в мире не действуют. И тогда ученые решили, что все дело в имени.

«Монтекки — что такое это значит?»

Ведь это не рука, и не нога, И не лицо твоё, и не любая Часть тела. О, возьми другое имя!»

Бедная девушка напилась с отчаяния зелья, хоть в этом не было ни малейшего смысла. Сотни вузов, состоящих из очень образованных людей, пьют легкое зелье переименований, вместо того чтобы изменить учебные программы.

Существует версия, будто переименования делаются для того, чтобы было проще «входить в международную учебную систему». Потому, дескать, и обычные школы называют «лицеями», «колледжами». Наверное, это так. Но простодушнее всех причину переименования Санкт-Петербургского механического института в Балтийский государственный технический университет выразил в кипе «указанных документов» его ректор Ю.Савельев: «Учитывая наличие в Санкт-Петербурге ряда других технических университетов, ученый совет института рассматривает на поддержку своего предложения».

В едином строю

Многие наши вузы не обладают индивидуальностью. Они привыкли шагать строем. Отсюда и тяжеловесное украшение во всех новых названиях — «государственный», «государственная». Ю.Савельев боится остаться на полустанке. А все вместе государственные вузы волнуются, что если перестанут быть «государственными», то не смогут конкурировать с частными вузами, которых уже почти двести. И дотаций лишатся, и студентов.

Думается, что государство должно субсидировать только те учебные заведения, которые вписываются в мировую систему уровня преподавания, а вовсе не громким названием.

Рисунки Марата Таирова

С классиком «на ты»

Исторические анекдоты

Упрямый Шаляпин

Выдающийся русский певец Собинов пел, как правило, тенором, за что его очень любили. А вот известный русский бас Шаляпин пел все чаще басом, а тенором — почти никогда. И поэтому никто его не любил.

Очень это Шаляпина огорчало.

— Что за черт? — бывало, спрашивал он у Собинова. — Почему тебя все любят, а меня — никто?

— Грубо работаешь, — отвечал ему Собинов, — поешь толсто. Де-лай, как я, — пой дишкантом.

Но Шаляпин был очень упрямый и дишкантом петь не желал. Так он и умер за границей без всякой любви.

Модный запах

Василий Львович Пушкин, стихотворец, был большой франт. Он часто бывал в Париже, а приезжая, давал дамам нюхать свою голову, которая пахла французскими духами. Дамы выстраивались в очередь и усердно нюхали.

Однажды князь В., большой Дон Жуан, переоделся в женщину и тоже в очередь встал — нюхать. Нюхал он, нюхал, а потом и говорит:

— Э, брат, да у тебя тут как у лося пахнет — рогами.

Очень на это Василий Львович обиделся и с той поры запретил нюхать свою голову ему и всем его родственникам. Но это не помогло. Князь В. соблазнил жену Василия Львовича и доказал, что был прав. В ответ Василий Львович соблазнил собственную горничную и доказал, что он тоже был прав.

Вот какие находчивые стихотворцы водились раньше в российских лесах.

Национальный вопрос

Гроссмейстер Нимцович, автор защиты Нимцовича, был правоверным иудеем. А гроссмейстер Алехин, автор защиты Алехина, наоборот, был православным христианином.

Вот однажды сошлись они в Баден-Бадене. А тут как раз была суббота.

— Правоверные иудеи в субботу не играют, — сказал Нимцович и опрокинул фигуры, — будем играть в воскресенье.

Тут Алехин обиделся и говорит:

— А православные христиане в воскресенье не играют — будем играть в субботу.

Тут буддист Капабланка их так помирил:

— Пусть Алехин делает все свои ходы в субботу, а Нимцович — в воскресенье. А в понедель-

ник посмотрим, что вышло... Так у них с тех пор и повелось.

Старик Державин

Старик Державин, автор вестфальского окорока, очень любил благословлять начинающих поэтов. Бывало, изловит в Царском Селе какого-нибудь поэта — и ну его благословлять! Поэт вырывается, кричит — а Державин знай себе благословляет.

Однажды он сослепу поймал Пушкина и его тоже благословил. А Пушкин в отместку написал злую эпиграмму: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил».

Очень это обидно показалось Державину, но с той поры он уже не смел никого благословлять. Зубами скрипел, вертелся юлой, даже из министров уволился — но держался. Очень боялся, что его дразнить будут.

Честность

Русский гений, Александр Васильевич Суворов, ни уха ни рыла в поэзии не смыслил. Но Маяковского очень любил. Особенно стихи: «Сядь на собственные ягодицы — и катись!» И всегда катался с Альп только на собственных ягодицах, а на чужих — никогда.

Алексей Винокуров

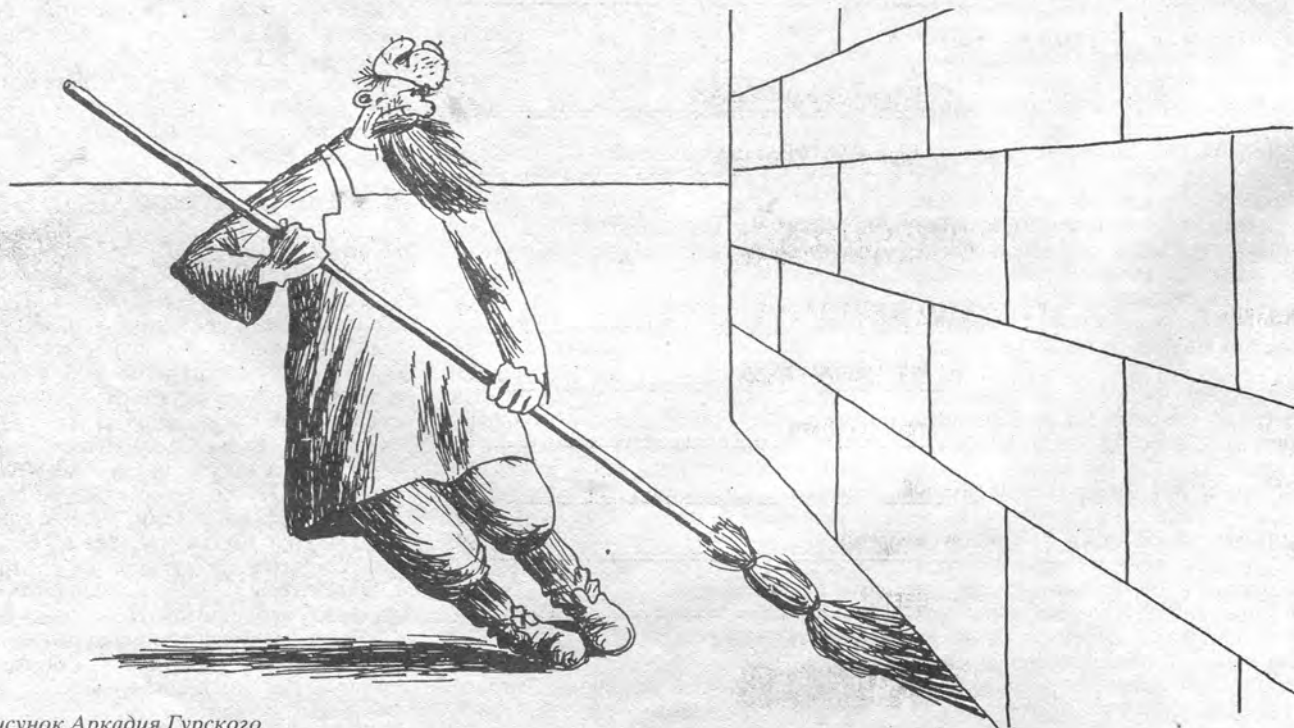
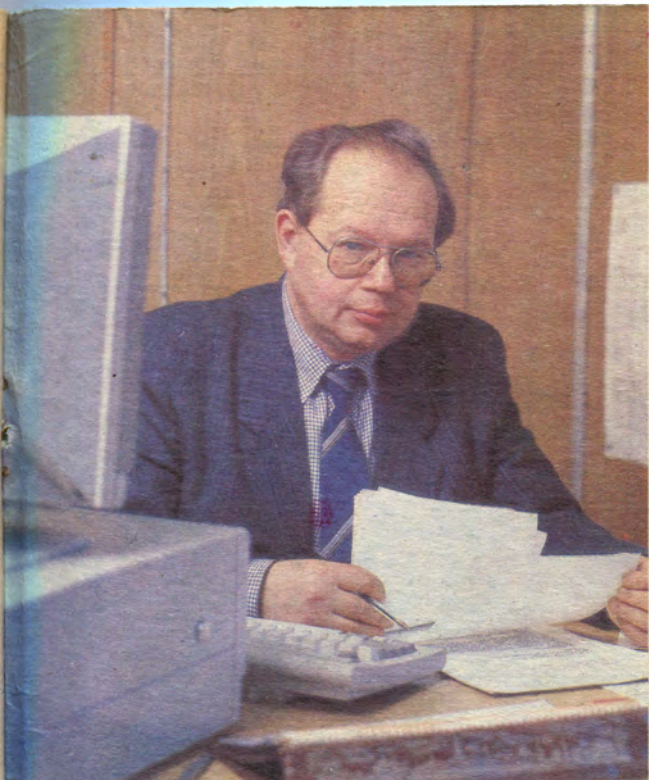

Рисунок Аркадия Гурского

Международная академия маркетинга и менеджмента (МАМАРМЕН)

*Действительный член «Инкорвуза»
и Торгово-промышленной палаты Российской Федерации*
Объявляет очередной прием студентов (дневное, вечернее,
заочное отделения) на I курс 1993/94 учебного года

МАМАРМЕН —

Академия дает высшее образование и присваивает степени бакалавра и магистра наук по специальностям:

- государственное и муниципальное управление;
- управление (менеджмент);
- коммерческая и предпринимательская деятельность (маркетинг);
- международные экономические отношения;
- правоведение;
- финансы и кредит;
- книговедение и организация книжной торговли.

Начало занятий:

дневное отделение — с 1 октября,
вечернее и заочное — по мере комплектования групп
(круглогодично).

МАМАРМЕН предоставляет студентам общежитие.

Стипендия не выплачивается.

Адрес академии: 125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37-б.

Проезд: ст. метро «Водный стадион», авт. 65, 72 до остановки
«Улица Лавочкина» (4-я остановка).

Почтовый адрес для корреспонденции:

125499, Москва, МАМАРМЕН, а/я 33.

Часы работы: ежедневно, кроме субботы и воскресенья, с 10 до 18 ч.

Телефоны приемной комиссии:

454-31-61, 454-30-19 — дневное и вечернее отделения

155-71-09 — заочное отделение

МАМАРМЕН имеет аспирантуру и докторантуру.

одно из первых в стране частных высших
учебных заведений, прошедших
государственную аттестацию.

Срок обучения в академии на базе среднего образования — 4 года, на базе высшего — 1 год.
Лица, не владеющие русским языком, изучают его
дополнительно 1 год.

Выпускникам академии присваивается
квалификация «коммерсант» и «менеджер» и
вручается конвертируемый диплом о высшем
образовании.

Студенты очного отделения МАМАРМЕН
имеют право на отсрочку от армии на период
обучения.

Система обучения построена преимущественно
на индивидуальной подготовке студентов.

7'31

Качество мирового
уровня — это плюс
SIEMENS.

Компания
«ТриК» —
это Ваш плюс,

потому что «ТриК»
предлагает по оптимальным
ценам полный ассортимент
электробытовых приборов
SIEMENS для Вашего дома
и офиса со склада в Москве:

холодильники и морозильные
шкафы, стиральные и
посудомоечные машины,
газовые и электрические
плиты, микроволновые печи
и пылесосы, утюги и фены,
тостеры и кофеварки,
фритюрницы и раклетницы,
комбайны и миксеры,
вытяжки и обогреватели и др.

Приглашаем Вас ежедневно,
кроме воскресенья,
в выставочный зал по адресу:

Москва,
Можайское шоссе, 4.
Телефоны: (095) 443-81-35,
441-82-55.

Гарантия — 1 год.
Любая форма оплаты.

Компания «ТриК» — ключ к новому качеству жизни!